
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00301421 4

Иванъ Александровичъ

ГОНЧАРОВЪ.

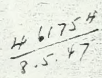
ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

Цѣна 40 коп.

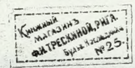
МОСКВА.

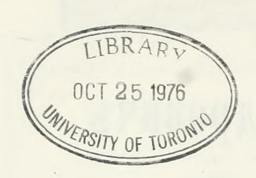

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко,
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.

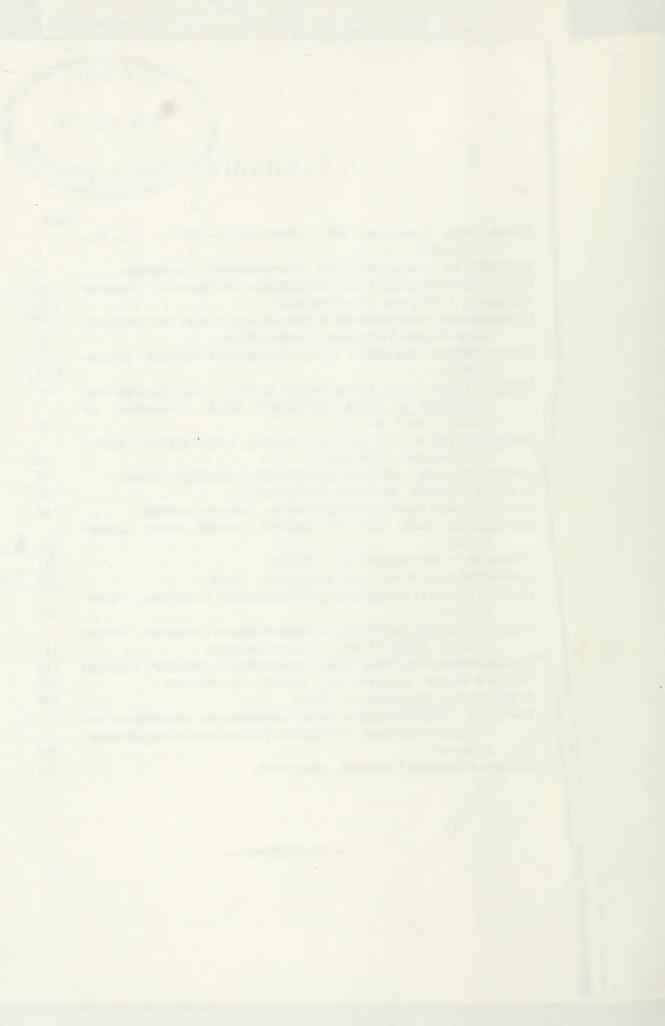

1905.

LIBRARY
OCT 25 1976
UNIVERSITY OF TORONTO

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дѣтскіе годы Гончарова.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ родился въ Симбирскѣ 6 іюня 1813 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ пансіонѣ священника, жившаго въ имѣніи княгини Хомской за Волгою. Въ занятіяхъ съ дѣтьми принимала участіе и жена священника — иностранка, обучавшая учениковъ иностраннымъ языкамъ, при чемъ преподаваніе послѣднихъ шло тѣмъ успѣшнѣе, что языки усвоивались не только теоретически, но и практически. Самъ священникъ, человѣкъ съ довольно обширнымъ по тому времени образованіемъ, съ особенною любовью занимался съ своими учениками, при чемъ старался передать имъ знанія не только тѣхъ или другихъ учебныхъ предметовъ, но и развить въ нихъ любовь къ литературнымъ произведеніямъ и съ этою цѣлью прочитывалъ отрывки изъ сочиненій лучшихъ писателей какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ. Такія чтенія, сопровождаемыя толковыми объясненіями мѣстъ, которыя могли быть непонятными для молодыхъ слушателей, съ раннихъ лѣтъ развили въ Гончаровѣ любовь къ произведеніямъ изящной словесности, такъ что еще въ молодые годы онъ довольно ознакомился съ сочиненіями Державина, „Недорослемъ" Фонвизина и хорошо изучилъ сочиненія Хераскова и Озерова. Такимъ образомъ задатки послѣдующихъ дарованій, сдѣлавшихъ имя Гончарова извѣстнымъ всѣмъ и каждому, нашли себѣ развитіе въ самые ранніе годы его дѣтства. Но кромѣ литературныхъ произведеній молодой Гончаровъ съ громаднымъ увлеченіемъ прочитывалъ всякаго рода путешествія и въ особенности тѣ изъ нихъ, гдѣ въ полуфантастической формѣ описывались всякаго рода далекія земли, населенныя народами столь странными по своимъ нравамъ, обычаямъ, одеждѣ и пр. Изъ книгъ, наиболѣе удовлетворявшихъ пыл-

кое воображеніе молодого чтеца были, по-преимуществу, путешествія Кука и Крашенинникова. Кромѣ того, ему особенно нравились также романы Вальтера Скотта, которые прочитывались съ глубокимъ интересомъ.

Изъ „Обозрѣнія" за 1876 г.

„Домъ у насъ былъ, какъ разсказываетъ Гончаровъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ", что называется, полная чаша, какъ, впрочемъ, было почти у всѣхъ семейныхъ людей въ провинціи, не имѣющихъ по близости деревни. Большой дворъ, даже два двора, со многими постройками: людскими, конюшнями, хлѣвами, сараями, амбарами, птичникомъ и баней. Свои лошади, коровы, даже козы и бараны, куры и утки — все это населяло оба двора. Амбары, погреба, ледники переполнены были запасами муки, разнаго пшена и всяческой провизіи для продовольствія нашего и обширной дворни. Словомъ, цѣлое имѣніе, деревня.

„Кромѣ нашей семьи, т.-е. моей матери, сестеръ и брата, оставшагося въ Москвѣ въ университетѣ по болѣзни еще па годъ, у насъ въ домѣ проживалъ одинъ отставной морякъ. Назову его Якубовъ. Выйдя въ отставку, онъ пріѣхалъ въ свою деревню, или деревни: у него ихъ было двѣ, съ тремя стами душъ крестьянъ въ обѣихъ, верстахъ въ полутораста отъ города. Но одинокому холостяку вскорѣ наскучило тамъ: сельскаго хозяйства онъ не понималъ и не любилъ, и онъ переселился въ губернскій городъ.

„Губернскіе города, подальше отъ столицы, были, до желѣзныхъ дорогъ, оживленными центрами общественной жизни. Помѣщики съ семействами, по дальнему разстоянію отъ Москвы, проводили зиму въ своемъ губернскомъ городѣ. Наша губернія особенно славилась отборнымъ обществомъ родовитыхъ и богатыхъ дворянъ. Якубовъ случайно замѣтилъ красивый, свѣтлый и уютный деревянный флигель при нашемъ довольно большомъ каменномъ домѣ, выходившемъ на три улицы — и нанялъ его, не предвидя, что проживетъ въ немъ почти полвѣка и тамъ умретъ. Якубовъ былъ крестнымъ отцомъ насъ, четверыхъ дѣтей. По смерти нашего отца, онъ болѣе и болѣе привыкалъ къ нашей семьѣ, потомъ принялъ участіе въ нашемъ воспитаніи. Это занимало его, на-

полняло его жизнь. Добрый морякъ окружилъ себя нами, принялъ насъ подъ свое крыло, а мы привязались къ нему дѣтскими сердцами, забыли о настоящемъ отцѣ. Онъ былъ лучшимъ совѣтникомъ нашей матери и руководителемъ нашего воспитанія.

„Якубовъ былъ вполнѣ просвѣщенный человѣкъ. Образованіе его не ограничивалось техническими познаніями въ морскомъ дѣлѣ, пріобрѣтенными въ морскомъ корпусѣ. Онъ дополнялъ его непрестаннымъ чтеніемъ — по всѣмъ частямъ знанія, не жалѣлъ денегъ на выписку изъ столицъ журналовъ, книгъ, брошюръ. Какъ, бывало, прочитаетъ въ газетѣ объявленіе о книгѣ, которая, по заглавію, покажется ему интересною, сейчасъ посылаетъ требованіе въ столицу. Романовъ и вообще беллетристики онъ не читалъ и зналъ всѣхъ тогдашнихъ крупныхъ представителей литературы больше понаслышкѣ. Выписывалъ онъ книги историческаго, политическаго содержанія и газеты.

„По смерти нашего отца, Якубовъ умными совѣтами, заботливымъ руководствомъ нашего воспитанія и образованія, превосходилъ и родного отца.

„Я останавливаюсь на этомъ старикѣ, потому что онъ заслуживаетъ вниманія, не только какъ представитель своего времени вообще, но и какъ человѣкъ въ особенности.

„Это былъ чистый самородокъ честности, чести, благородства и той прямоты души, которою славятся моряки, и притомъ съ добрымъ, теплымъ сердцемъ. Все это хорошо выражается англійскимъ словомъ „джентльменъ", котораго тогда еще не было въ русскомъ словарѣ. Въ обращеніи онъ былъ необыкновенно привѣтливъ, а съ дамами до чопорности вѣжливъ и любезенъ". *Изъ „Воспоминаній"*.

Гончаровъ въ университетѣ.

„Нашъ университетъ въ Москвѣ былъ святилищемъ не для однихъ насъ, учащихся, но и для ихъ семейства и для всего общества. Образованіе, вынесенное изъ университета, цѣнилось выше всякаго другого. Москва гордилась своимъ университетомъ, любила студентовъ, какъ будущихъ самыхъ

полезныхъ, можетъ-быть, громкихъ, блестящихъ дѣятелей общества. Студенты гордились своимъ званіемъ и дорожили занятіями, видя общую къ себѣ симпатію и уваженіе. Они важно расхаживали по Москвѣ, кокетничая своимъ званіемъ и малиновыми воротниками. Даже простые люди, и тѣ, при встрѣчахъ, ласково провожали глазами юношей въ малиновыхъ воротникахъ. Я не говорю объ исключеніяхъ. Въ разносословной и разнохарактерной толпѣ, при различіи воспитанія, нравовъ и привычекъ, являлись, конечно, и мало подготовленные къ серіозному ученію, и дурно воспитанные молодые люди, и просто шалуны и повѣсы. Иногда пробѣгали въ городѣ — впрочемъ рѣдкіе — слухи о шумныхъ пирушкахъ въ трактирѣ, о шалостяхъ, въ родѣ, напримѣръ, перемѣны ночью вывѣсокъ у торговцевъ, или задорныхъ пререканій съ полиціею и т. п. Но большинство студентовъ держало себя прилично и дорожило доброй репутаціей и симпатіями общества.

Эти симпатіи вливали много тепла и свѣта въ жизнь университетскаго юношества. Духъ юноши поднимался; онъ расцвѣталъ подъ лучами свободы, падшими на него послѣ школьной или домашней педагогической неволи. Онъ совершалъ первый сознательный актъ своей воли, приходилъ въ университетъ самъ, его не отдаютъ родители, какъ въ школу. Нѣтъ школьной методы преподаванія, не задаютъ уроковъ, никто не контролируетъ употребленія имъ его часовъ, дней, вечеровъ и ночей.

Далѣе слѣдуютъ шаги все свободнѣе и сознательнѣе, достигается „степень зрѣлости“ безъ всякаго на нее гимназическаго диплома. Свободный выборъ науки, требующій сознательнаго взгляда на свое влеченіе къ той или другой отрасли знанія, и зарождавшееся изъ того опредѣленіе своего будущаго призванія — все это захватывало не только умъ, но и всю молодую душу. Университетъ отворялъ ему широкія ворота, не въ одну научную сферу, но и въ самую жизнь. Съ учебной почвы онъ ступаетъ на ученую. Умственный горизонтъ его раздвигается, передъ нимъ открываются перспективы и параллели наукъ и вся безконечная даль знанія, а съ нею и настоящая, законная свобода — свобода науки. Програмы, инструкціи безсильны противъ свободы науки. Сжатая въ учебныхъ классахъ, какъ рѣка въ тѣсныхъ

берегахъ, она съ университетской каѳедры изливается широкимъ и вольнымъ потокомъ. Между профессоромъ и слушателями устанавливается живой токъ передачи жадному вниманію ихъ ея откровеній, истинъ, гипотезъ. Этой свободы не даютъ или не давали (такъ какъ я говорю о прошломъ) другія изъ высшихъ гражданскихъ, военныхъ или духовныхъ заведеній.

Я не говорю, чтобы свободѣ этой не полагалось преградъ: страхъ, чтобы она не окрасилась въ другую, т.-е. политическую окраску, заставлялъ начальство слѣдить за лекціями профессоровъ, хотя проблески этой ненаучной свободы проявлялись болѣе внѣ университета; свободомысліе почерпалось изъ другихъ, неуниверситетскихъ источниковъ. Въ университетахъ молодежь, болѣе чѣмъ въ другихъ заведеніяхъ, ограждена серіозною содержательностію занятій отъ многихъ опасныхъ увлеченій, заносимыхъ туда извнѣ, больше издалека...

Я и братъ мой, и еще нѣкоторые прежніе школьные товарищи, вмѣстѣ готовились къ вступительному экзамену и вмѣстѣ подали просьбу ректору университета. Это было въ августѣ 1831 года: 1830-й — былъ холерный годъ, и лекцій не было. Бывшимъ уже въ университетѣ студентамъ не зачли этого года. Братъ и я поступали — онъ въ юридическій факультетъ, а я въ филологическій, или, какъ тогда назывались они — первый „этико-политическимъ", а второй — „словеснымъ".

Личный составъ нашихъ профессоровъ былъ очень удачный, съ малыми, едва замѣтными исключеніями. Первымъ считали мы — и по старшинству лѣтъ и по достоинствамъ, М. Т. Каченовскаго. Это былъ тонкій, аналитическій умъ, скептикъ въ вопросахъ науки и отчасти, кажется, во всемъ; при этомъ — строго справедливый и честный человѣкъ. Онъ читалъ русскую исторію и статистику; но у него была масса познаній по всѣмъ частямъ. Онъ зналъ древніе и новые языки, иностранныя литературы, но особенно обширны были его познанія въ исторіи и во всемъ, что входитъ въ ея сферу — археологія и проч. Любимая его часть въ исторіи была этнографія. Особенную симпатію онъ питалъ къ польскимъ историкамъ (самъ онъ былъ родомъ изъ Малороссіи и выказывалъ явное расположеніе къ своимъ землякамъ) и лѣтописцамъ. И томилъ же онъ насъ по-

дробностями происхожденія однихъ народовъ и племенъ отъ другихъ! До сихъ поръ иногда будто слышишь его разсказы о развѣтвленіяхъ народовъ, болѣе всего — о финскихъ племенахъ, далѣе о печенѣгахъ, о половцахъ, о торкахъ, берендѣяхъ, черныхъ клобукахъ, о томъ, что сѣверные и южные славяне — никакъ не одно, а два различныя племени, сошедшіяся съ противоположныхъ сторонъ, съ сѣвера и съ юга, и т. д. Когда онъ касался послѣдняго излюбленнаго имъ вопроса о различіи происхожденія сѣверныхъ и южныхъ русиновъ, или вообще какого-нибудь спорнаго въ исторіи вопроса, щеки его, обыкновенно блѣдныя, загорались алымъ румянцемъ и глаза блистали сквозь очки, а въ голосѣ слышался задоръ прежняго редактора „Вѣстника Европы“. Онъ мысленно видѣлъ предъ собою своихъ ученыхъ противниковъ и поражалъ ихъ стрѣлами своего неумолимаго анализа. Онъ терпѣть не могъ никакихъ миѳовъ въ исторіи и начиналъ лекціи русской исторіи съ Владимира, предупредивъ насъ, что онъ не станетъ повторять басенъ, которыя мы слышали въ школѣ, напримѣръ объ оригинальномъ мщеніи Ольги за смерть Игоря, о змѣѣ, ужалившей Олега, о кожаныхъ деньгахъ, — особенно о кожаныхъ деньгахъ. Какъ теперь помню его подлинныя слова: „Какъ могъ Карамзинъ, человѣкъ съ необыкновеннымъ умомъ, допустить, чтобы могли быть въ обращеніи кожаные клочки, не обезпеченные никакой гарантіей!“ О шкурахъ кожаныхъ, представлявшихъ будто бы свою собственную цѣнность, онъ и слышать не хотѣлъ. Онъ отвергалъ также подлинность „Слова о полку Игоревѣ“, считая его позднѣйшей поддѣлкой, кажется XIV вѣка, о чемъ однажды вошелъ въ горячій споръ съ Пушкинымъ, котораго привезъ на лекцію министръ Уваровъ.

Здѣсь я сдѣлаю небольшое отступленіе по поводу этого, приснопамятнаго мнѣ — конечно, и всѣмъ тогдашнимъ студентамъ — посѣщенія великаго поэта, тогда уже въ апогеѣ его славы. Когда онъ вошелъ съ Уваровымъ, для меня точно солнце озарило всю аудиторію: я въ то время былъ въ чаду обаянія отъ его поэзіи; я питался ею, какъ молокомъ матери; стихъ его приводилъ меня въ дрожь восторга. На меня, какъ благотворный дождь, падали строфы его созданій („Евгенія Онѣгина“, „Полтавы“ и др.). Его генію я и всѣ тогдашніе юноши, увлекавшіеся поэзіею, обязаны непосред-

ственнымъ вліяніемъ на наше эстетическое образованіе. Передъ тѣмъ однажды я видѣлъ его въ церкви у обѣдни — и не спускалъ съ него глазъ. Черты его лица врѣзались у меня въ памяти. И вдругъ этотъ геній, эта слава и гордость Россіи — передо мной въ пяти шагахъ! Я не вѣрилъ глазамъ. Читалъ лекцію Давыдовъ, профессоръ исторіи русской литературы.

„Вотъ вамъ теорія искусства", сказалъ Уваровъ, обращаясь къ намъ, студентамъ, и указывая на Давыдова, „а вотъ и самое искусство", прибавилъ онъ, указывая на Пушкина. Онъ эффектно отчеканилъ эту фразу, очевидно, заранѣе приготовленную. Мы всѣ жадно впились глазами въ Пушкина. Давыдовъ окончилъ лекцію. Рѣчь шла о „Словѣ о полку Игоревомъ". Тутъ же ожидалъ своей очереди читать лекцію, послѣ Давыдова, и Каченовскій. Нечаянно между ними завязался, по поводу „Слова о полку Игоревомъ", разговоръ, который мало-по-малу перешелъ въ горячій споръ. — „Подойдите ближе, господа, — это для васъ интересно", пригласилъ насъ Уваровъ, и мы тѣсной толпой, какъ стѣной, окружили Пушкина, Уварова и обоихъ профессоровъ. Не умѣю выразить, какъ велико было наше наслажденіе — видѣть и слышать нашего кумира.

Я не припомню подробностей ихъ состязанія, — помню только, что Пушкинъ горячо отстаивалъ подлинность древнерусскаго эпоса, а Каченовскій вонзалъ въ него свой безпощадный аналитическій ножъ. Его щеки ярко горѣли алымъ румянцемъ, и глаза бросали молніи сквозь очки. Можетъ-быть, къ этому раздраженію много огня прибавлялъ и извѣстный литературный антагонизмъ между нимъ и Пушкинымъ. Пушкинъ говорилъ съ увлеченіемъ, но, къ сожалѣнію, тихо, сдержаннымъ тономъ, такъ что за толпой трудно было разслушать. Впрочемъ, меня занималъ не Игорь, а самъ Пушкинъ.

Съ перваго взгляда наружность его казалась невзрачною: средняго роста, худощавый, съ мелкими чертами смуглаго лица. Только когда вглядишься пристально въ глаза, увидишь задумчивую глубину и какое-то благородство въ этихъ глазахъ, которыхъ потомъ не забудешь. Въ позѣ, въ жестахъ, сопровождавшихъ его рѣчь, была сдержанность свѣтскаго, благовоспитаннаго человѣка. Лучше всего, по-моему, напоминаетъ его гравюра Уткина съ портрета Кипренскаго.

Во всѣхъ другихъ копіяхъ у него глаза сдѣланы слишкомъ открытыми, почти выпуклыми, носъ выдающимся — это невѣрно. У него было небольшое лицо и прекрасная, пропорціональная лицу, голова, съ негустыми, кудрявыми волосами.

Обращаюсь къ Каченовскому. Онъ отвергалъ участіе всякихъ сентиментовъ въ изученіи исторіи, а разнималъ ее холодной критикой, какъ анатомическимъ ножомъ трупъ. Мѣста священнымъ патріотическимъ чувствамъ въ наукѣ для него не было. Всѣ подобные спорные вопросы онъ, говорю, разбиралъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ лицѣ, въ голосѣ. Обыкновенно же онъ читалъ медленно, вяло, и пожалуй, если не вслушиваться глубоко въ его рѣчь, то и скучно: точно какъ старый дядька нехотя мямлитъ въ сотый разъ сказку дѣтямъ, чтобъ усыпить ихъ. Нѣкоторые и засыпали или, по крайней мѣрѣ, дремали подъ его однообразный, монотонный говоръ. Но всѣ, слѣдившіе за непрерывной нитью его историческихъ разсказовъ, слушали съ глубокимъ интересомъ этотъ тонкій анализъ, въ которомъ самъ профессоръ никогда не приходилъ къ синтезу. Послѣдній возникалъ у слушателя самъ собою, по окончаніи лекціи или лекцій. Онъ принесетъ съ собой нѣсколько какихъ-то листковъ, клочковъ пергамента, книгу, лѣтопись какую-нибудь. Начнетъ съ подробности, мелочи и около нея опытной, твердой рукой начертитъ узоръ событія, подтвердитъ или опровергнетъ принятыя гипотезы и освѣтитъ эпоху со всѣхъ сторонъ. Однажды принесъ, напримѣръ, книгу съ рисунками абраксасовъ, печатей новгородскихъ посадниковъ, и при этомъ объяснилъ способы управленія ихъ.

И всю исторію такъ читалъ, точно смотрѣлъ въ нее глубоко, какъ въ бездну, сквозь свои критическія очки. Мы слушали, записывали: это и было программою его лекцій, безъ которой мы не знали бы что̀ дѣлать на экзаменѣ, потому что онъ лекцій не давалъ. Да тогда почти и никто не давалъ ихъ, по крайней мѣрѣ, въ словесномъ факультетѣ.

Вмѣстѣ съ Каченовскимъ наше уваженіе и симпатію раздѣлялъ профессоръ *теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи*, Н. И. Надеждинъ. Это былъ человѣкъ съ многостороннею, всѣмъ извѣстною ученостью по части философіи, филологіи. Его извѣстная диссертація о классицизмѣ и романтизмѣ имѣла огромный успѣхъ и сразу сдѣлала ему имя

въ ученой литературѣ. Потомъ онъ получилъ каѳедру и основалъ журналы: „Телескопъ“ и „Молву“. Это былъ самый симпатичный и любезный человѣкъ въ обращеніи, и какъ профессоръ онъ былъ намъ дорогъ своимъ вдохновеннымъ, горячимъ словомъ, которымъ вводилъ насъ въ таинственную даль древняго міра, передавая духъ, бытъ, исторію и искусство Греціи и Рима. Чего только не касался онъ въ своихъ импровизованныхъ лекціяхъ! Онъ читалъ на память, не привозя никакихъ записокъ съ собою. Память у него была изумительная. Онъ одинъ замѣнялъ десять профессоровъ. Излагая теорію изящныхъ искусствъ и археологію, онъ излагалъ и общую исторію Египта, Греціи и Рима. Говоря о памятникахъ архитектуры, о живописи, о скульптурѣ, наконецъ, о творческихъ произведеніяхъ слова, онъ касался и исторіи философіи. Излагая горячо, почти страстно, передъ нами сокровища знанія, онъ училъ насъ и мастерскому владѣнію рѣчи. Записывая только однѣ его лекціи, можно было научиться чистому и изящному складу русскаго языка.

А тутъ еще Шевыревъ, тогда молодой, свѣжій человѣкъ, принесъ намъ свой тонкій и умный критическій анализъ чужихъ литературъ, начиная съ древнѣйшихъ — индійской, еврейской, арабской — до новѣйшихъ западныхъ литературъ. Онъ тоже блисталъ изяществомъ рѣчи, но это была менѣе искренняя и кипучая рѣчь, чѣмъ у Надеждина, зато болѣе сдержанная, мѣрная, щегольская, заранѣе заготовленная, всегда тщательно обдуманная, обработанная. Онъ и читалъ по рукописи. Какъ благодарны мы были ему за этотъ безконечный рядъ какъ будто галлерей обширнаго музея — рядъ произведеній старыхъ и новыхъ литературъ, выставляемыхъ имъ передъ нами съ тщательною подготовкою, съ тонкой и глубокой критической оцѣнкой ихъ! И какъ не благодарить за безчисленныя ключи, которые оба эти учителя намъ давали къ уразумѣнію всѣхъ еврейскихъ, греческихъ, римскихъ и новыхъ западныхъ произведеній ума и фантазіи, по лучшимъ старымъ и современнымъ критическимъ оцѣнкамъ, независимо отъ своей собственной? Долго, безъ такихъ умныхъ истолкователей, пришлось бы намъ потомъ самостоятельнымъ путемъ открывать глаза на библейскихъ пророковъ, на произведенія индійской поэзіи, на эпопеи Гомера,

Данта, на Шекспира, до новѣйшихъ — французской, нѣмецкой, англійской литературъ, словомъ — на все, что мы читали по ихъ указанію тогда и что дочитывали послѣ нихъ. Глубокій и благодарный поклонъ ихъ памяти!

Съ меньшей симпатіей или, говоря правду, вовсе безъ симпатіи, относились мы къ профессору исторіи русской литературы, хотя въ своемъ родѣ знаменитому — П. П. Давыдову. Эта знаменитость была какая-то дѣланная, съ натяжками. Въ обществѣ его принимали за то, чѣмъ онъ хотѣлъ казаться, но мы, юноши, чутко прозирали въ немъ что-то искусственное, декоративное. Высокаго роста, нѣсколько сутуловатый, съ довольно благообразнымъ лицомъ, умными сѣрыми глазами, съ мѣрными, округленными жестами, онъ держалъ себя съ условнымъ достоинствомъ; рѣчь его была плавная, исполнена приличія. Но отъ него вѣяло холодомъ, напускною величавостью, которая быстро превращалась въ позу покорности и смиренія при появленіи какой-нибудь важной персоны изъ начальства. Онъ считался универсальнымъ ученымъ: читалъ когда-то лекціи высшей алгебры, занялъ было каѳедру философіи, но съ первыхъ же лекцій, каѳедра была закрыта. При насъ онъ занималъ каѳедру исторіи литературы, послѣ профессора Мерзлякова, — человѣка умнаго, даровитаго, старой школы. Я не засталъ его: онъ оставилъ каѳедру за годъ или за два передъ моимъ вступленіемъ. Старые студенты симпатично вспоминали его умные, живые разборы произведеній тогдашней школы нашихъ классиковъ — Державина, Ломоносова, Фонвизина, Княжнина, Озерова и другихъ. Кажется, до новыхъ — Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина — онъ не договорился. Онъ, конечно, судя по воспоминаніямъ о немъ слушавшихъ его студентовъ, умѣлъ бы понять и оцѣнить по достоинству и этихъ — еще новыхъ — писателей. Самъ онъ писалъ не мало стихами, переводилъ изъ древнихъ классиковъ. Между прочимъ, онъ — авторъ общеизвѣстной пѣсни или романса: „Среди долины ровныя“, которая пѣлась тогда вездѣ, и теперь еще, можетъ-быть, поется въ скромныхъ провинціальныхъ углахъ.

На лекціи Давыдова собирались иногда и посторонніе слушатели, разные московскіе тузы, въ качествѣ гостей. Но ни эти гости ни студенты не выносили съ лекціи ничего особенно вѣскаго, замѣчательнаго, кромѣ болѣе или менѣе

красивыхъ фразъ, сквозь которыя видѣлась нагота мысли, содержанія. Сколько помню, одинъ годъ онъ читалъ теорію словесности, а другой — собственно исторію литературы. Особенно много распространялся онъ объ ораторскомъ искусствѣ: Квинтиліанъ, Блэръ, Батте не сходили у него съ языка. Но самому ему не далась ars oratoria; искры, feu sacré, у него не было, и мы тихонько позѣвывали отъ скуки. О художественныхъ произведеніяхъ онъ передавалъ условную, ходячую оцѣнку ихъ, и когда останавливался на признанныхъ всѣми красотахъ — у него никогда не вырывалось горячаго слова его собственнаго сочувствія, даже когда приходилось ему приводить разныя мѣста, напримѣръ, изъ Пушкина, тогда въ разгарѣ его дѣятельности и славы. Мы глубоко уважали и горячо цѣнили Каченовскаго, любили Надеждина, Шевырева, а Ивана Ивановича Давыдова почитали за ученаго и... вмѣстѣ ловкаго, практическаго человѣка, но симпатіи, повторяю, у насъ къ нему не было.

Ловкимъ и практическимъ человѣкомъ мы считали его потому, что онъ былъ въ большомъ ходу въ московскомъ обществѣ, занималъ, кромѣ профессорской, другія должности (кажется, директора сиротскаго холернаго института) и былъ въ большомъ фаворѣ у министра. Потомъ это подтвердилось: онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, на должность директора педагогическаго института, нахваталъ чиновъ, звѣздъ, и достигъ званія сенатора. Но и Иванъ Ивановичъ принесъ намъ значительную дозу пользы тѣмъ, что знакомилъ насъ такъ же, какъ и Надеждинъ съ Шевыревымъ, съ исторіею философіи и потомъ упражнялъ въ русскомъ словѣ практически. Онъ поручалъ двумъ студентамъ по очереди составлять перечень каждой прочитанной имъ лекціи и потомъ разбиралъ при всѣхъ ихъ трудъ. Эти перечни и служили намъ записками для экзаменовъ. Здѣсь приходилось на нашу долю выслушивать не мало умныхъ и дѣльныхъ критическихъ замѣтокъ и полезныхъ совѣтовъ. Къ сожалѣнію, этотъ смотръ производился только одинъ разъ, а не всѣ три раза въ недѣлю на его лекціяхъ. Такіе практическіе уроки были бы намъ несравненно полезнѣе его разглагольствованій о Ломоносовѣ и Державинѣ, о Квинтиліанѣ и Батте съ Блэромъ.

М. П. Погодинъ читалъ намъ всеобщую исторію и статистику — и то подъ конецъ, на третьемъ курсѣ. Собственно,

онъ принадлежалъ къ юридическому факультету, гдѣ читалъ русскую исторію. Совѣтъ университета вдругъ какъ будто спохватился, что мы, словесники, остаемся безъ каѳедры всеобщей исторіи, и отрядилъ для этого дѣла Погодина. Онъ читалъ по Герену, скучно, безцвѣтно, монотонно и невнятно, но былъ очень щекотливъ, когда замѣчалъ въ комъ-нибудь невниманіе къ себѣ.

У Михаила Петровича тоже, какъ и Давыдова, было кое-что напускное и въ характерѣ его и въ его взглядѣ на науку. Мы чуяли, что у него внутри меньше пыла, нежели сколько онъ заявлялъ въ своихъ историческихъ — ученыхъ и патріотическихъ настроеніяхъ, что къ паѳосу онъ прибѣгалъ ради поддержанія тѣхъ или другихъ принциповъ, а не по импульсу искреннихъ увлеченій. Можетъ-быть, казалось мнѣ иногда, онъ про себя и раздѣлялъ какой-нибудь отрицательный взглядъ Каченовскаго и его школы на то или другое историческое событіе, но отстаивалъ послѣднее, если оно льстило патріотическому чувству, національному самолюбію, или касалось какой-нибудь народно-религіозной святыни и т. п. Помнится, онъ даже одну изъ своихъ лекцій въ этомъ смыслѣ назвалъ: „Перчатка Строеву и Каченовскому“. Не знаю, подняли ли они эту перчатку?

Всѣ эти пятеро профессоровъ, — одни болѣе, другіе менѣе, — какъ я сказалъ, имѣли вмѣстѣ огромное вліяніе на наше развитіе и образованіе. Зато объ остальныхъ нельзя было сказать и десятой доли того же.

Впрочемъ, эти остальные были профессора: греческой словесности — С. М. Ивашковскій, латинской — И. М. Снегиревъ, оба извѣстные ученые и знатоки чужихъ и своихъ древностей; потомъ лекторы французской и нѣмецкой литературъ — Декампъ и Кистеръ.

С. М. Ивашковскій, о которомъ я упоминалъ выше, былъ добродушнѣйшій старикъ, страстный любитель греческихъ классиковъ: между нами ходило мнѣніе, что онъ да какой-то протоіерей Успенскаго собора были первые эллинисты чуть ли не въ цѣломъ мірѣ. Ивашковскій въ теченіе многихъ десятилѣтій высидѣлъ свой греческій словарь; не знаю, высидѣлъ ли что-нибудь протоіерей.

Ивашковскій, углубившись на лекціи въ книгу, самъ какъ будто упражнялся вмѣсто насъ; онъ читалъ, перебивалъ

студентовъ (все больше на ударенiяхъ), что не такъ читаютъ, не такъ понимаютъ или переводятъ, какъ онъ, съ сердцемъ спѣшилъ доказывать самъ, и потому никогда не могъ отличить знающихъ по-гречески отъ незнающихъ. Мы замѣтили эту его черту и искусно умѣли ею пользоваться, выжидая, когда онъ самъ доскажетъ „мудреное мѣсто", и повторяли за нимъ. Онъ очень былъ доволенъ и ставилъ хорошiе баллы всѣмъ, т.-е. собственно самому себѣ. У него была странная привычка — шпиковать свою русскую рѣчь словомъ „будетъ" — некстати, безъ всякой надобности. „Скажите — будетъ — мнѣ, какъ вы понимаете — будетъ — вотъ этотъ стихъ — будетъ — въ третьей пѣсни Илiады" и т. д., — говорилъ онъ. Сначала это забавляло, а потомъ мы привыкли, и для потѣхи приводили товарищей изъ другихъ факультетовъ послушать. Тѣ ушамъ не вѣрили и помирали со смѣху.

Мы лукаво пользовались еще его добродушiемъ, чтобы сокращать лекцiи. Онъ любилъ съ кѣмъ-нибудь изъ близко извѣстныхъ ему студентовъ, ходя взадъ и впередъ по аудиторiи, побесѣдовать. Для этого и командировался чаще всего кто-нибудь изъ вышедшихъ изъ семинарiи и знавшихъ по-гречески студентовъ. И они похаживали вдвоемъ и бесѣдовали, а мы всѣ бесѣдовали тихо про себя — иногда съ полчаса, такъ что на лекцiю оставалось тоже полчаса.

Съ древностями греческими мы изъ его лекцiй не вынесли никакого знакомства, кромѣ подробнѣйшихъ и скучнѣйшихъ описанiй утвари, оружiя и т. п., по какой-то, съ нѣмецкаго языка переведенной, прокисшей книгѣ — и заучивали для экзамена, потомъ забывали. Никакой общей идеи, никакого рисунка древняго быта, никакого взгляда, синтеза — ничего не могъ намъ дать этотъ почтенный грѳческiй книгоѣдъ; онъ давалъ одну букву, а духъ отсутствовалъ. За него сдѣлали это дѣло Надеждинъ и Шевыревъ.

И. М. Снегиревъ, профессоръ латинской словесности и древностей, былъ очень замѣчательною фигурой во многихъ отношенiяхъ. Вкрадчивый, тонкiй, но въ то же время циничный, безцеремонный, съ нами добродушный — онъ разбиралъ римскихъ писателей, такъ себѣ, тоже съ одной только чисто лингвистической стороны, мало знакомя насъ, какъ и Ивашковскiй, съ духомъ и исторiею древнихъ. Кажется, ему до нихъ мало было дѣла, а намъ мало было дѣла

до него. Онъ, какъ иногда казалось мнѣ, будто притворялся знатокомъ римскихъ древностей. Мы были другъ къ другу равнодушны и уживались съ нимъ очень хорошо. Онъ же иногда умѣлъ сдабривать лекціи острогами и анекдотами: балагурство было, кажется, господствующею чертою его каратера. Онъ и въ обществѣ имѣлъ репутацію буфона и наживалъ себѣ однимъ этимъ, кромѣ разныхъ другихъ продѣлокъ, много враговъ. Онъ исподтишка мастеръ былъ посмѣяться надъ всякимъ, кто попадется подъ руку, и, говорятъ, нерѣдко „лилъ свои пули" передъ митрополитомъ Филаретомъ, у котораго (и вообще у высшаго духовенства) онъ былъ принятъ на короткой ногѣ, благодаря болѣе всего своимъ познаніямъ въ русскихъ, особенно въ церковныхъ древностяхъ, которыя дались ему больше, чѣмъ римскія.

Декáмпа можно было также назвать: le superbe. Это былъ значительно потертый и поношенный французъ стараго пошиба, съ задираніемъ головы и носа, съ напускною важностью во взглядѣ и въ тонѣ, съ округленною, напыщенною фразою, и прямой, какъ палка. Исторіею французской литературы назывался у него перечень писателей съ IX вѣка, съ поименованіемъ ихъ сочиненій и съ краткою, въ нѣсколько строкъ, установившеюся во французскихъ учебникахъ критическою оцѣнкою. Напыщеннымъ, изысканнымъ языкомъ онъ возвѣщалъ намъ эти заповѣди французскихъ критиковъ, не освѣщая ничего своимъ собственнымъ впечатлѣніемъ и взглядомъ. Да едва ли ли у него и было то и другое. Всякое живое слово или движеніе вывело бы его, пожалуй, изъ позы буддійскаго идола и нарушило статуарное величіе его фигуры. Говорятъ, онъ имѣлъ большой успѣхъ въ свѣтскихъ салонахъ — развѣ потому только, что онъ французъ, да за эту скульптурную величавость и за декламаціонный тонъ рѣчи. Конечно, для студентовъ не безполезно было послушать часа три въ недѣлю такого краснобая — собственно для французскаго языка, не безполезно также, въ смыслѣ упражненія, и заучить его тетрадку съ перечнемъ именъ и сочиненій, написанную хорошимъ, правильнымъ языкомъ.

Еще полезнѣе было писать сочиненія на задаваемыя Декампомъ темы: онъ по очереди предлагалъ двѣ-три темы нѣсколькимъ студентамъ и потомъ, какъ Давыдовъ, разбиралъ на лекціи написанное. Задавая, онъ всегда педантически на-

значалъ, — какъ, бывало, наши старые риторы задавали хріи, — и програму, какъ писать. Например, изъ Иліады задастъ написать о прощеніи Гектора съ Андромахой, или изъ римской исторіи о какихъ-нибудь Гракхахъ: скажетъ тезисъ, потомъ péroraison, потомъ развитіе и заключеніе, — такъ что самое сочиненіе выходило у всѣхъ гораздо короче програмы. Ну, Богъ съ нимъ, съ французомъ, и съ нѣмцемъ тоже! — Этотъ все натуживался пересилить своимъ старческимъ, надтреснутымъ голосомъ говоръ судентовъ, которые не стѣснялись при немъ — и все напрасно: въ этихъ усиліяхъ прошли всѣ два года его чтеній.

Упомяну еще о профессорѣ богословія, священникѣ Терновскомъ. Это былъ не то что „добрый батюшка", а настоящій строгій профессоръ. Слушаніе его лекцій, не знаю почему, было обязательно для студентовъ юридическаго факультета во весь трехгодичный курсъ. Для прочихъ факультетовъ положено было слушать его только первый годъ. Одинъ годъ онъ читалъ догматическое, а другой — нравственное богословіе. Мнѣ пришлось прослушать послѣднее. Онъ читалъ скоро и много: въ часъ начитаетъ листовъ шесть писанныхъ и, кончая, — дастъ програму прочитаннаго. На слѣдующей лекціи онъ вызоветъ кого-нибудь пересказать прочитанное въ прошлый разъ. Этого боялись и прятались за спины товарищей, чтобы онъ не вызвалъ. Отмѣткамъ его придавался особый вѣсъ. Получившій у него единицу не переводился на слѣдующій курсъ. Его подробныя, ученыя и сухія лекціи какъ-то мало вязались съ жизнью. Онѣ выучивались къ экзамену и потомъ забывались. Таковъ былъ персоналъ нашихъ университетскихъ преподавателей. Съ нимъ мы вступили на послѣдній университетскій 1833—1834 годъ: тогда курсъ для факультетовъ, кромѣ медицинскаго, былъ трехлѣтній. Для медиковъ полагалось четыре года.

Наконецъ, университетъ пройденъ. Въ іюнѣ 1834 года, послѣ выпускныхъ экзаменовъ, мы всѣ, какъ птицы, разлетѣлись въ разныя стороны. Мы съ братомъ уѣхали домой, на Волгу, гдѣ я, прожилъ около года, въ 1835 году переѣхалъ въ Петербургъ и остался тамъ навсегда.

Университетскій офиціальный курсъ кончился, но вліяніе университета продолжалось. Потерявъ изъ виду своихъ товарищей-словесниковъ, я не забылъ профессоровъ и ихъ

указаній. Въ Петербургѣ, тщательно изучая иностранныя литературы, я уже регулировалъ свои занятія по тому методу и по тѣмъ указаніямъ, которыя преподали намъ въ университетѣ наши вышеозначенные любимые профессора.

То же самое, конечно, болѣе и лучше меня, дѣлали современные мнѣ студенты: К. Аксаковъ, Станкевичъ, Бодянскій, Сергѣй Строевъ. Не называю ихъ товарищами, потому что не былъ съ ними знакомъ. Я слыхалъ только тогда, что они, составляя одну группу и занимая одинъ уголъ въ обширной аудиторіи, собирались другъ у друга, читали, мѣнялись мыслями и едва ли не являлись въ печати уже тогда. Это, можетъ-быть, покажется страннымъ нынѣшнимъ студентамъ, что мы, собираясь ежедневно въ одной аудиторіи, могли быть другъ съ другомъ незнакомы. Это объясняется очень просто. Тогда студенты не составляли, какъ теперь*), корпораціи и не были ни въ чемъ солидарны между собой, не имѣли никакихъ обязательныхъ другъ къ другу отношеній. Университетъ былъ просто правительственное учрежденіе, открывавшее свои двери для всѣхъ ищущихъ знанія. Мы собирались тамъ, какъ собираются на публичныя лекціи, въ церкви и т. п.

Не было никакой платы съ студентовъ; правительство помогало только бѣднымъ студентамъ тѣмъ, что давало имъ квартиру и столъ. Стипендій никакихъ не было. Студенты приходили на лекцію и уходили, какъ постороннія другъ другу лица. Никто не заботился о томъ, что тотъ или другой дѣлаетъ дома, чѣмъ онъ живетъ, чѣмъ особенно занимается. Поэтому у насъ не было никакихъ сходокъ, никакихъ сборовъ въ пользу неимущихъ слушателей и, слѣдовательно, никакой студенческой кассы. Всѣ студенты дѣлились на группы близкихъ между собою товарищей, иногда прежнихъ соучениковъ въ школѣ или случайныхъ знакомыхъ, иногда просто сосѣдей на университетской скамьѣ.

Я сейчасъ упомянулъ о группѣ Станкевича, Строева и другихъ; потомъ была группа казенныхъ студентовъ, семинаристовъ, и много другихъ, мелкихъ кружковъ. Эти группы не сливались между собою, ничто не связывало ихъ другъ съ другомъ. Каждая группа имѣла свой центръ; члены ея

*) Т.-е. въ началѣ 70-хъ годовъ.

собирались между собою, вмѣстѣ вели записки лекцій, вмѣстѣ читали книги, готовились къ экзаменамъ — и, конечно, часто вмѣстѣ проводили время внѣ университета.

Студенты были раскиданы по всей обширной Москвѣ, сходились — кто пѣшкомъ, кто въ экипажѣ — на лекціи. Ничто не отвлекало отъ занятій тѣхъ, кто хотѣлъ заниматься, потому что другихъ обязательныхъ занятій, кромѣ лекцій, не было. Никакихъ баловъ, концертовъ, спектаклей, въ пользу неимущихъ слушателей, не давалось; не было сходокъ, студенты не являлись въ роли устроителей и распорядителей означенныхъ увеселеній, также не несли на себѣ заботъ рѣшать вопросъ о пособіяхъ болѣе нуждающимся товарищамъ и завѣдывать кассами. Все было патріархально и просто: ходили въ университетъ какъ къ источнику за водой, запасались знаніемъ кто какъ могъ, — и, кончивъ свои годы, расходились. Не берусь рѣшать: было ли это лучше, или хуже нынѣшняго. Полагаю, есть своя хорошая и своя дурная сторона медали. Хорошая — та, что студентъ, какъ сказано, не отвлекался ничѣмъ постороннимъ отъ своихъ прямыхъ занятій, что̀ особенно удобно было въ московскихъ уголкахъ и затишьяхъ, отдаленныхъ отъ всякаго шума и суеты. Дурная сторона медали — это̀ равнодушіе къ товарищамъ, изъ которыхъ многіе, очевидно, боролись съ нуждой. Теперь, кажется, юношеству облегчены средства, не только къ прохожденію курса, но обезпечена поддержка и послѣ, когда не посчастливится кончившему курсъ вскорѣ пристроиться къ какому-нибудь дѣлу.

Изъ „Воспоминаній“ Гончарова.

Путешествіе Гончарова и его литературная дѣятельность.

Въ 1852 г. Гончаровъ при содѣйствіи министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова „былъ командированъ для исправленія должности секретаря при адмиралѣ (Путятинѣ) во время экспедиціи къ русскимъ американскимъ владѣніямъ“. Экпедиція имѣла опредѣленную цѣль — именно заключеніе торговаго договора съ Японіею, тогда еще безвѣст-

ной и таинственной страной, на берега которой почти не высаживались европейцы.

Въ началѣ дѣло налаживалось плохо. „И привычнымъ людямъ казалось трудно такое плаваніе, — говоритъ Гончаровъ, — а мнѣ, новичку, оно было еще невыносимо и потому, что у меня отъ осенняго холода возобновились жестокіе припадки, которыми я давно страдалъ, невральгіи съ головными и зубными болями. Въ каютѣ отъ внѣшняго воздуха съ дождемъ, отчасти съ морозомъ защищала одна рама въ маленькомъ окнѣ. Иногда я приходилъ въ отчаяніе. Какъ при этихъ боляхъ я выдержу двух- или трехгодичное плаваніе? Я слегъ и утѣшалъ себя мыслью, что, добравшись до Англіи, вернусь назадъ. И къ этому еще туманы, качка, холодъ!...“

Много прошло времени, пока настроеніе не стало ровнымъ и устойчивымъ. Первые мѣсяцы плаванія его психика находилась въ полной власти и распоряженіи погоды. „Было тепло, — пишетъ онъ, — мнѣ стало легче, я вышелъ на палубу. И теперь еще помню, какъ поразила меня прекрасная, тогда новая для меня, картина чужихъ береговъ, датскаго и шведскаго... Обаяніе, производимое величественною картиною этого моря и береговъ, возымѣло свое дѣйствіе надо мною. Я невольно отдавался ему, но потомъ опять возвращался къ своимъ сомнѣніямъ: привыкну ли я къ морской жизни, дадутъ ли мнѣ покой ревматизмы? Море и тянетъ къ себѣ, и пугаетъ — пока не привыкнешь къ нему“.

Лишь по приходѣ въ Англію забылись и страшныя и опасныя минуты, головная и зубная боль прошли, и фрегатъ, простоявши въ докахъ два мѣсяца, пустился далѣе. Гончаровъ забылъ и думать о своемъ намѣреніи воротиться, хотя адмиралъ, узнавъ его болѣзни, соглашался было отпустить его. Впередъ, дальше — манило новое. „Тамъ, въ задумчивой дали, было тепло, и ревматизмы невѣдомы“. Мало-по-малу Гончаровъ привыкъ и къ корабельной качкѣ, и къ морскимъ терминамъ, научился писать рапорты, уснащая ихъ странными и даже дикими на первый взглядъ спеціальными выраженіями, освоился съ веселой, добродушной компаніей моряковъ и почувствовалъ себя, какъ дома. Въ дорогѣ, кромѣ спеціальныхъ секретарскихъ отчетовъ, Гончаровъ писалъ еще письма, печатавшіяся въ „Морскомъ Сборникѣ,—

и въ нихъ просто, безъ претензіи, разсказывалъ свои впечатлѣнія. Изъ этихъ писемъ составилось впослѣдствіи двухъ-томное описаніе плаванія: „Фрегатъ Паллада".

„Фрегатъ Паллада" — несомнѣнно одно изъ лучшихъ произведеній русской описательной литературы, — рѣдкая книга, доступная и образованнымъ и необразованнымъ, взрослымъ и дѣтямъ. Она не затруднитъ ничьего пониманія, не поработитъ ничьего воображенія, но дастъ просторъ мысли и фантазіи всякаго читателя. Съ этой точки зрѣнія „Фрегатъ Паллада" обладаетъ неоцѣненными достоинствами. „Замѣтимъ, — говоритъ одинъ критикъ, — что при страсти, свойственной людямъ сороковыхъ годовъ, ко всякого рода художественнымъ описаніямъ, особенно ландшафтамъ и бытовымъ картинамъ, никогда не процвѣтали у насъ въ такой степени путевые очерки, письма и впечатлѣнія, какъ въ сороковые и пятидесятые годы. Изъ особенно выдающихся такого рода литературныхъ памятниковъ упомянемъ: „Письма объ Испаніи" В. Боткина, „Путевыя письма изъ Италіи" П. Ковалевскаго, печатавшіяся въ концѣ 50-хъ годовъ въ „Отечественныхъ Запискахъ". Но во главѣ подобныхъ произведеній по художественному значенію слѣдуетъ поставить „Фрегатъ Паллада". Здѣсь во всей своей силѣ проявилось лучшее качество таланта Гончарова—мастерство изобрѣтательности, исполненное живой, осязательной пластичности и детальности. Картины тропической природы, африканскихъ и индѣйскихъ портовъ, гдѣ останавливался фрегатъ и предъ наблюдательными взорами художника развертывалась яркая, пестрая жизнь, совершенно чуждая всему, къ чему привыкли его взоры, словно какъ бы какого-то фантастически-сказочнаго характера, — все это представляетъ собою нѣчто единственное по своему совершенству и художественной высотѣ во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Но какія волшебныя картины ни раскрываетъ передъ нами авторъ, онъ все-таки остается горячо любящимъ свою родину со всею блѣдностью и тусклостью ея сѣверной природы; ни на минуту не забываетъ онъ Россіи, и книга его полна остроумныхъ и мѣткихъ сравненій и сопоставленій картинъ или нравовъ чуждыхъ странъ съ родными. Въ то же время ни на минуту не покидаетъ Гончарова его добродушный, веселый юморъ; чудеса тропическихъ странъ не мѣшаютъ ему наблюдать

нравы окружающихъ его русскихъ моряковъ, начиная съ высшихъ чиновъ до приставленнаго къ нему денщика Фаддеева; каждое изображенное здѣсь лицо мало того что живетъ и дышитъ передъ вами, но и является въ высшей степени типичнымъ, и повседневная жизнь фрегата рисуется передъ вами во всѣхъ ея деталяхъ".

Послѣ этой общей характеристики намъ необходимо поглубже заглянуть въ заграничныя впечатлѣнія Гончарова. Умному русскому человѣку дореформеннаго быта пришлось повидать чуть не весь свѣтъ и примѣнять свою, выработанную Обломовщиной и заграничнымъ воспитаніемъ, точку зрѣнія на самыхъ разнообразныхъ параллеляхъ и меридіанахъ. Это не можетъ не быть интереснымъ: мы услышимъ и увидимъ Гончарова всего, какъ онъ есть, во весь ростъ. Нигдѣ и никогда не говорилъ онъ такъ много отъ себя, нигдѣ и никогда не раскрывалъ онъ съ такой полнотою своего міросозерцанія, какъ именно въ „Фрегатѣ Паллада". Это не исповѣдь, къ которой Гончаровъ никогда не былъ способенъ, а откровенная передача всѣхъ, даже мимолетныхъ, думъ, чувствъ, симпатій, гдѣ каждое слово на своемъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ничего выдуманнаго, тѣмъ менѣе вымученнаго.

Однажды въ индійскомъ океанѣ, близъ мыса Доброй Надежды, Гончарову пришлось испытать сильный штормъ. — „Пошелъ дождь и началъ капать въ каюту,—разсказываетъ онъ. — Мѣсто, гдѣ я сидѣлъ, было самое удобное, и я удерживалъ его за собой до послѣдней крайности. Ревъ вѣтра долеталъ до общей каюты, размахи судна были все больше и больше. Штормъ былъ классическій во всей формѣ. Въ теченіе вечера приходили раза два за мною сверху звать посмотрѣть его. Разсказывали, какъ, съ одной стороны, вырывающаяся изъ-за тучъ луна озаряетъ море и корабль, а съ другой — нестерпимымъ блескомъ играетъ молнія. Одни думали, что я буду описывать эту картину. Но такъ какъ на мое покойное и сухое мѣсто давно уже были три или четыре кандидата, то я хотѣлъ досидѣть тутъ до ночи; но не удалось. Часовъ въ десять вечера жестоко поддало, валъ хлынулъ и разлился по всѣмъ палубамъ, на которыхъ и безъ того скопилось много дождевой воды. Она потоками устремилась въ люки, которыхъ не закрывали для воздуха. Цѣлые каскады начали хлестать въ каюту: на столъ, на скамьи,

на полъ, на насъ, не исключая и моего мѣста и меня самого. Нечего дѣлать — пришлось выйти на палубу. Мы выбирались наверхъ, темнота ужасная, вой вѣтра еще ужаснѣе. Не видно было, куда ступить. Вдругъ молнія. Она освѣтила кромѣ моря еще озеро воды на палубѣ, толпу народа, тянувшаго какую-то снасть, да протянутые леера, чтобы держаться въ качку. Я шагалъ въ водѣ черезъ веревки, сквозь толпу; добрался кое-какъ до дверей своей каюты и тамъ, ухватясь за кнехтъ, чтобы не бросило куда-нибудь въ уголъ, пожалуй на пушку, остановился посмотрѣть хваленый штормъ. Молнія, какъ молнія, только безъ грома, если его за вѣтромъ не слыхать. Луны не было. — „Какова картина?" спросилъ меня капитанъ, ожидая восторговъ и похвалъ. — „*Безобразіе, безпорядокъ*", отвѣчалъ я, уходя весь мокрый въ каюту перемѣнить обувь и бѣлье".

Эту небольшую сцену критика давно уже отмѣтила, какъ чрезвычайно характерную для творца Обломова. Люди привыкли восхищаться необычайнымъ, поражающимъ, рѣдкимъ въ природѣ и жизни. Гончаровъ, проходя равнодушнымъ мимо яркихъ и случайныхъ эффектовъ, относится гораздо внимательнѣе и любовнѣе къ простому и будничному. „Зачѣмъ оно, это дикое и грандіозное,— спрашиваетъ онъ себя,— море, напримѣръ? Богъ съ нимъ. Оно наводитъ только грусть на человѣка: глядя на него, хочется плакать. Сердце смущается робостью передъ необозримой пеленой водъ".

Въ XIX вѣкѣ не было, кажется, ни одного поэта, который не восторгался бы моремъ. Оно — поэтическій символъ безконечнаго, таинственнаго. Оно шумитъ и бьется въ созвучіи съ гордой, оскорбленной душой Байрона, вызываетъ тихую печаль у Шелли. Въ богатомъ запасѣ его мелодій есть родныя для каждаго; но Гончарову оно представляется слишкомъ тревожнымъ. Онъ любитъ другія картины — родныя березы, густые кустарники, спокойную гладь озера, дымную избушку гдѣ-нибудь на косогорѣ. Онъ чувствуетъ себя хорошо и бодро среди дремлющей осенней природы, въ саду, въ аллеяхъ, усыпанныхъ пожелтѣвшими листьями, а бурное море... „Богъ съ нимъ!" Горы и пропасти тоже мало его привлекаютъ. „Они созданы не для увеселенія человѣка. Онѣ грозны, страшны". Въ нихъ природа какъ будто волнуется, сердится, угрожаетъ, чего-то ищетъ, куда-то мечется.

Обломовка понятнѣе, милѣе, она — „своя“. „Небо тамъ, кажется, напротивъ, ближе жмется къ землѣ, но не съ тѣмъ, чтобы метать сильнѣе стрѣлы, а развѣ только, чтобы обнять ее покрѣпче, съ любовью; оно распростерлось такъ невысоко надъ головой, какъ родительская надежная кровля, чтобы уберечь, кажется, избранный уголокъ отъ всякихъ невзгодъ.

„Солнце тамъ ярко и жарко свѣтитъ около полугода и потомъ удаляется оттуда не вдругъ, точно нехотя, какъ будто оборачивается назадъ взглянуть еще разъ или два на любимое мѣсто и подарить ему осенью среди ненастья ясный, теплый день.

„Горы тамъ какъ будто модели тѣхъ страшныхъ, гдѣ-то воздвигнутыхъ горъ, которыя ужасаютъ воображенія. Это рядъ отлогихъ холмовъ, съ которыхъ пріятно кататься, рѣзвясь, на спинкѣ или, сидя на нихъ, смотрѣть въ раздумьи на заходящее солнце.

„Рѣка бѣжитъ весело, шаля и играя, она то разольется въ веселый прудъ, то стремится быстрой нитью или присмирѣетъ, будто задумавшись, и чуть-чуть ползетъ по камешкамъ, выпуская изъ себя по сторонамъ рѣзвые ручьи, подъ журчанье которыхъ сладко дремлется“. „Да, Богъ съ ними — „этими воплями природы“, „этими спящими силами, ядовито издѣвающимися надъ гордой волей человѣка“; однообразныя картины родного Поволжья милѣе и ближе. Онѣ ласковѣе относятся къ человѣку, не раздражаютъ, не грозятъ ему ежеминутно гибелью, въ нихъ есть что-то даже материнское.

И гдѣ бы ни былъ Гончаровъ, какія бы чудеса свѣта ни осматривалъ онъ, какъ бы эффектны ни были море, горы и пропасти, онъ ни на минуту не забывалъ близкаго сердцу уголка. Его воображеніе, давно уже отрѣшившееся отъ романтичной закваски, не требовало и не искало ничего поразительнаго, экстраординарнаго. Ни буря ни вулканическія изверженія не находили отзвука въ его душѣ: его темпераментъ требовалъ порядка, покоя, — пожалуй дремоты.

Онъ отдавалъ дань красотѣ чуждой природы, но среди безчисленныхъ описаній, разбросанныхъ по страницамъ двухъ объемистыхъ томовъ „Фрегата Паллады“, чаще всего встрѣчаются описанія, имѣющія родной и привычный для ихъ автора колоритъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ рисуетъ

онъ картины тихихъ вечеровъ, когда закатъ солнца прекращаетъ шумливую, безпокойную жизнь, когда такъ пріятно погружаться въ созерцательное настроеніе духа, свободно отдаваясь мимолетнымъ, почти неуловимымъ мечтамъ.

Его постоянно тянетъ къ отдыху, къ спокойному креслу, задушевной бесѣдѣ, спокойному молчанію гдѣ-нибудь на балконѣ. Онъ самъ добродушно подсмѣивается надъ такими обломовскими склонностями, но — „не искать же головоломныхъ приключеній, да и къ чему они?“ „Какое наслажденіе, — пишетъ онъ, — послѣ долгаго странствованія по морю, лечь спать на берегу, въ постель, которая не качается, гдѣ со стороны ничего не упадетъ, гдѣ надъ вашей головой не загремитъ ни бизань-шкотъ, ни гроттъ-босъ, гдѣ ничто не шелохнется, думалъ я и вдругъ вспомнилъ, что здѣсь землетрясенія — обыкновенное, ежегодное явленіе. Избави Боже отъ такой качки“... Лучше ѣхать по гладкой, убитой дорогѣ, чѣмъ по ухабамъ, или по краямъ пропастей; лучше спокойно сидѣть на мѣстѣ, чѣмъ описывать вмѣстѣ съ кресломъ „никому невѣдомыя математическія линіи“; лучше наблюдать идиллію, чѣмъ трагедію; лучше слушать тихую мелодію, чѣмъ тревожные звуки вагнеровской музыки.

...А онъ мятежный проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой...

этого мотива Гончаровъ не зналъ никогда.

Съ удивительнымъ искусствомъ люди устраиваются на землѣ такъ плохо, какъ нельзя хуже. Они не умѣютъ наслаждаться хорошей минутой, привычное быстро надоѣдаетъ имъ, въ погоняхъ за недостижимымъ, необычайнымъ тратятъ свои силы. А развѣ нельзя жить проще, лучше?... Однажды среди широкаго океана Гончарову показалось, что онъ увидѣлъ передъ собой настоящую идиллію, на которую особенно любовно откликнулась его душа. Чудная погода, только что прочитанныя книги — все это настроило его на ладъ Ѳеокрита, и онъ написалъ нѣсколько удивительныхъ страницъ. Мѣсто дѣйствія — тогда еще таинственные, мало извѣстные Ликійскіе острова.

„Да, это идиллія, брошенная среди безконечныхъ водъ Тихаго океана. Слушайте теперь сказку: Дерево къ дереву, листокъ къ листку такъ и прибраны, не спутаны, не смѣ-

шаны въ неумышленномъ безпорядкѣ, какъ обыкновенно дѣлаетъ природа. Все будто размѣрено, расчищено и красиво разставлено, какъ декораціи или на картинахъ Ваго. Читаете, что люди, лошади, быки — здѣсь карлики, а куры и пѣтухи — великаны; деревья колоссальныя, а между ними чуть-чуть журчатъ серебряныя нити ручейковъ, да пріятно шумятъ театральные каскады. Люди добродѣтельны, питаются овощами и ничего между собою, кромѣ учтивостей не говорятъ; иностранцы ничего, кромѣ дружбы, ласкъ да земныхъ поклоновъ, отъ нихъ добиться не могутъ. Живутъ они патріархально, толпой выходятъ навстрѣчу путешественникамъ, берутъ за руки, ведутъ въ дома и съ земными поклонами ставятъ предъ ними избытки своихъ полей и садовъ"...

„Что это? Гдѣ мы? Среди древнихъ пастушескихъ народовъ, въ золотомъ вѣкѣ? Ужели Ѳеокритъ въ самомъ дѣлѣ правъ? Все это мнѣ приходило въ голову, когда я шелъ подъ тѣнью акацій, миртовъ и банановъ; между ними видны кой-гдѣ пальмы. Я заходилъ въ сторону, шевелилъ въ кустахъ, разводилъ листья, смотрѣлъ на ползучія растенія и потомъ бѣжалъ догонять товарищей.

„Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ меньше вѣрилось глазамъ.

„Между деревьями, въ самомъ дѣлѣ, какъ на картинкахъ, жались хижины, окруженныя каменнымъ заборомъ изъ коралловъ, сложенныхъ такъ плотно, что любая пушка задумалась бы передъ этой крѣпостью; и это только, чтобы оградить какую-нибудь хижину. Я заглядывалъ за заборъ: миніатюрные дома окружены огородомъ и маленькимъ полемъ. Въ деревнѣ заборъ былъ сплошной: на стѣнѣ, за стѣной росли деревья; изъ-за нихъ выглядывали цвѣты. Еще издали завидѣлъ я, что у воротъ стояли, опершись на длинные бамбуковые посохи, жители; между ними, съ важной осанкой, съ задумчивыми, серіозными лицами, въ широкихъ простыхъ, но чистыхъ халатахъ, съ широкимъ поясомъ, видѣлись, — совѣстно и сказать, — „старики", непремѣнно скажешь „старцы", съ длинными сѣдыми бородами, съ зачесанными кверху и собранными въ пучокъ на маковкѣ волосами. Когда мы подошли ближе, они низко поклонились, преклоняя головы и опуская внизъ руки. За нимъ боязливо прятались дѣти.

„Я любовался тѣмъ, что вижу, и дивился — не тропиче-

ской растительности, не теплому, мягкому и пахучему воздуху.— это все было и въ другихъ мѣстахъ, а этой стройности, и прибранности лѣса, дороги, тропинокъ, садовъ, простотѣ одеждъ и патріархальному, почтенному виду стариковъ, строгому и задумчивому выраженію ихъ лицъ, нѣжности и застѣнчивости въ чертахъ молодыхъ: дивился также я этимъ землянымъ и каменнымъ работамъ, стоившимъ столькихъ трудовъ: это муравейникъ или въ самомъ дѣлѣ идиллическая страна, отрывокъ изъ жизни древнихъ. Здѣсь какъ все родилось, такъ, кажется, и не измѣнилось цѣлыя тысячелѣтія. Что у другихъ смутное преданіе, то здѣсь современность, чистѣйшая дѣйствительность. Здѣсь еще возможенъ золотой вѣкъ.

„Лѣсъ, какъ садъ, какъ паркъ царя или вельможи. Вездѣ виденъ бдительный глазъ и заботливая рука человѣка, которая беретъ обильную дань съ природы, не искажая и не оскорбляя ея величія. Глядя на эти коралловые заборы, вы подумаете, что за ними прячутся такіе же крѣпкіе дома — ничего не бывало: тамъ скромно стоятъ игрушечные домики, крытые черепицей, или бѣдныя хижины, въ родѣ хлѣвовъ, крытыя рисовой соломой, о трехъ стѣнахъ изъ тонкаго дерева, заплетеннаго бамбукомъ; четвертой стѣны нѣтъ: одна сторона дома открыта; она задвигается, въ случаѣ нужды, рамой, заклеенной бумагой, за неимѣніемъ стеколъ; это у зажиточныхъ домовъ, а у хижинъ вовсе не задвигается.

„Мы подошли къ красивому, объ одной аркѣ, надъ ручьемъ, мосту, сложенному плотно и массивно, тоже изъ коралловыхъ большихъ камней. Кто училъ этихъ дѣтей природы строить? невольно спросишь себя: здѣсь никто не былъ; какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ узнали объ ихъ существованіи и въ первый разъ заглянули къ нимъ люди, умѣющіе строить такіе мосты; сами они нигдѣ не были. Это единственный уцѣлѣвшій клочокъ древняго міра, какъ изображаютъ его Библія и Гомеръ. Это не дикари, а народъ-пастыри, питающіеся отъ стадъ своихъ, патріархальные люди, съ полнымъ развитымъ понятіемъ о религіи, объ обязанностяхъ человѣка, о добродѣтели. Идите сюда повѣрять описанія библейскихъ и одиссеевскихъ мѣстностей, жилищъ, гостепріимства, первобытной тишины и простоты жизни. Васъ поразитъ мысль, что здѣсь живутъ двѣ тысячи лѣтъ безъ перемѣны. Люди,

страсти, дѣла — все просто, несложно, первобытно. Въ природѣ тоже красота и покой; солнце свѣтитъ жарко и румяно, воды льются тихо, плоды висятъ готовые. Книгъ, пороху и другого подобнаго разврата нѣтъ. Посмотримъ, что будетъ дальше. Ужели новая цивилизація тронетъ и этотъ забытый, древній уголокъ?"

Идиллія — это праздничное, случайное настроеніе духа, идилліями жить нельзя — особенно такому выдержанному спокойному человѣку, какъ Гончаровъ. Въ обычномъ настроеніи духа онъ является передъ нами, пожалуй даже просвѣщеннымъ европейцемъ, любящимъ комфортъ и культуру, и готовымъ ставить ихъ выше любой идиллической дикости. Обломовъ совершенно замолкаетъ въ немъ. Послѣ долгаго десятимѣсячнаго странствованія фрегатъ „Паллада" бросилъ наконецъ якорь въ Нагасакскомъ рейдѣ. „Декорація бухты, рейда, со множествомъ лодокъ, страннаго города съ кучей сѣренькихъ домовъ, пролива съ холмами, эта зелень, яркая на близкихъ, блѣдная на дальнихъ холмахъ: все такъ гармонично, живописно, такъ не похоже на дѣйствительность, что сомнѣваешься, не нарисованъ ли весь этотъ видъ, не взятъ ли цѣликомъ изъ волшебнаго балета?

„Что за заливцы, уголки, пріюты прохлады и лѣни образуютъ узоръ береговъ въ проливѣ? Вонъ тамъ идетъ глубоко въ холмъ ущелье, темное, какъ коридоръ, лѣсистое и такое узкое, что, кажется, ежеминутно грозитъ раздавить далеко запрятавшуюся туда деревеньку. Тутъ маленькая, обставленная деревьями бухта, сонное затишье, гдѣ всегда темно и прохладно, гдѣ самый сильный вѣтеръ чуть-чуть рябитъ волны: тамъ безпечно отдыхаетъ вытащенная на берегъ лодка, уткнувшись однимъ концомъ въ воду, другимъ въ песокъ". Казалось бы, забыться и заснуть! Но нѣтъ. Гончаровъ умѣлъ держать себя въ рукахъ. Какъ человѣкъ европейски образованный, къ тому же представитель эпохи перелома, съ юности уже ощутившій новыя трудовыя вѣянія, — онъ понялъ, что роль Обломова и обломовщины кончена. Онъ отрывается отъ очаровательной полной лѣни и нѣги картины... „Но съ страннымъ чувствомъ, — говоритъ онъ, — смотрю я на эти игриво-созданные смѣющіеся берега; непріятно видѣть этотъ сонъ, отсутствіе движенія. Люди появляются рѣдко, животныхъ не видать; я только разъ

слышалъ собачій лай. Нѣтъ людской суеты, мало признаковъ жизни. Кромѣ караульныхъ лодокъ, другія робко и торопливо скользятъ у береговъ съ двумя-тремя голыми гребцами, съ сюнявымъ мальчишкой или остроглазой дѣвчонкой.

„Такъ ли должны быть населены эти берега? Куда спрятались жители? Зачѣмъ не шевелятся они толпой на этихъ берегахъ? Отчего не видно работы, возни, нѣтъ шума, гама, криковъ, пѣсенъ, словомъ, кипѣнія жизни или мышьей бѣготни? по выраженію поэта. Зачѣмъ по этимъ широкимъ водамъ не снуютъ взадъ и впередъ пароходы, а тащится какая-то неуклюжая большая лодка, завѣшанная синими, бѣлыми, красными тканями. Откуда слышенъ однообразный звукъ „бумъ-бумъ-бумъ“ японскаго барабана? Это, скажутъ вамъ, физенскій или сатсумскій князья объѣзжаютъ свои владѣнія“. „Зачѣмъ же такъ пусты и безжизненны эти прекрасные берега? Зачѣмъ такъ скучно смотрѣть на нихъ, до того, что и выйти изъ каюты не хочется? Скоро ли все это заселится, оживится?...“

Разумѣется, ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не могъ бы прійти въ голову Ильѣ Ильичу Обломову. Онъ такъ искренне ненавидѣлъ „мышью бѣготню“, такъ глубоко презиралъ всякую суетливость, что хотя тоже, вѣроятно, не вышелъ бы изъ каюты, но почувствовалъ бы на душѣ глубокое умиленіе и удовлетворенность. Очень можетъ быть, что и самъ Гончаровъ не совсѣмъ искрененъ въ данномъ случаѣ. Что-то головное, заученное, дѣланное слышится въ его словахъ. Тонъ его рѣчи не простой, какъ обыкновенно, а нѣсколько приподнятый, въ словахъ много недоговореннаго. Именно головой, а не сердцемъ, не всѣмъ существомъ своимъ воспринялъ Гончаровъ европейскую культуру и удивленіе передъ цивилизаціей и пожеланіе этой послѣдней всяческаго благополучія. Оттого не совсѣмъ просты и живы его рѣчи по адресу культуры, какъ не просты и не живы Адуевы-дяди, Штольцы, Тушины.

Какъ бы оно ни было, въ обычномъ настроеніи духа онъ твердо держится разъ избранной позиціи. Замѣчательна общая оцѣнка, которую онъ даетъ Японіи и японцамъ:

... „Японскій народъ чувствуетъ сильную потребность въ развитіи, и эта потребность проговаривается во многомъ. Притомъ онъ бѣденъ, нуждается въ сообщеніи съ другими. Порядочные люди, особенно изъ переводчиковъ, обращав-

шихся съ европейцами, охаютъ, какъ я писалъ, отъ скуки и недостатка жизни умственной и нравственной. Низшій классъ тоже съ завистью и удивленіемъ посматриваетъ на наши суда, на людей, проситъ у насъ вина, жадно пьетъ водку, хватаетъ брошенный кусокъ хлѣба, съ дѣтскимъ любопытствомъ вглядывается въ бездѣлки, ловитъ на лету въ своихъ лодкахъ какую-нибудь тряпку, прячетъ... Кликни только кличъ, и японцы толпой вырвутся изъ воротъ своей тюрьмы. Они общежительны, охотно увлекаются новизной; и не преслѣдуй у нихъ шпіоны, какъ контрабанду, каждое прошептанное съ иностранцами слово, обмѣненный взглядъ, наши суда сейчасъ же безъ всякихъ трактатовъ завалены бы были всевозможными товарами.

„Сколько у нихъ (японцевъ) жизни кроется подъ этой апатіей, сколько веселости, игривости. Куча способностей, дарованій — все это видно въ мелочахъ, въ пустомъ разговорѣ, но видно также, что нѣтъ только содержанія, что всѣ собственныя силы жизни перекипѣли, перегорѣли и требуютъ только новыхъ, освѣжительныхъ началъ. Японцы очень живы и натуральны; у нихъ мало такихъ нелѣпостей, какъ у китайцевъ; напримѣръ: тяжелой, педантической, устарѣлой и ненужной учености, отъ которой люди дурѣютъ. Напротивъ, они все вывѣдываютъ, обо всемъ разспрашиваютъ и все записываютъ. Всѣ почти бывшіе въ Іедо голландскіе путешественники разсказываютъ, что къ нимъ нарочно посылали японскихъ ученыхъ, чтобы заимствовать что-нибудь новое и полезное. Между тѣмъ китайскій ученый не смѣетъ даже выразить свою мысль живымъ, употребительнымъ языкомъ: это запрещено; онъ долженъ выражаться, какъ показано въ книгахъ. Если японцы и придерживаются стараго, то изъ боязни только новаго, хотя и убѣждены, что это новое лучше. Они сами скучаютъ и зѣваютъ, тогда какъ у китайцевъ, по разсказамъ, этого нѣтъ".

Я привелъ эти строки совсѣмъ не для того, чтобы читатель оцѣнилъ проницательность Гончарова, который понялъ японцевъ въ то время, когда тѣ не подавали еще признаковъ жизни, а по совершенно другой причинѣ. Дѣло въ томъ, что разсужденія, подобно только что цитированнымъ, не остановятъ на себѣ особеннаго вниманія, встрѣться они въ какой-нибудь публицистической работѣ, тѣмъ болѣе въ жур-

палѣ. Но гдѣ у классиковъ нашей литературы вы найдете что-нибудь подобное? Вѣдь здѣсь дикое, сонное состояніе прямо противополагается развитію, культурѣ и прямо въ защиту послѣднихъ; здѣсь культура и развитіе считаются необходимыми для народа и полезными ему... „Кликни только кличъ, и японцы толпой вырвутся изъ воротъ своей тюрьмы..." Затѣмъ, будетъ ли отъ этого лучше, не промѣняетъ ли народъ свое спокойное, хотя бы сонное царство на мишуру и тревоги цивилизаціи, — да нужна ли, наконецъ, эта цивилизація? А безъ нея — „по правдѣ, по-мужицки, по-дурацки" — развѣ нельзя? Гончаровъ даже не ставитъ себѣ этихъ вопросовъ, вѣроятно, потому, что они просто не существовали для него. Гомерическое благоразуміе, которымъ онъ обладалъ, никогда не позволяло ему вдаваться въ крайности, и онъ склонялся передъ жизненной необходимостью, довольный и спокойный, безъ сомнѣній, безъ протеста и колебаній въ душѣ. А между тѣмъ онъ и не думалъ закрывать глаза на правду жизни, какъ бы жестока она ни была. Онъ не думаетъ, напримѣръ, описывать радужными красками положеніе цивилизующихся народовъ, онъ даже сочувствуетъ ихъ страданіямъ въ процессѣ „приспособленія", но эти страданія не возмущаютъ его, не срываютъ невольнаго проклятія... „Что дѣлать?..." говоритъ онъ своимъ спокойнымъ, неторопливымъ голосомъ.

Я позволю себѣ привести квинтъ-эссенцію „европейскихъ" взглядовъ Гончарова на культуру. Это извѣстное разсужденіе его о роскоши и комфортѣ.

„Роскошь — порокъ, уродливость, неестественное уклоненіе человѣка за предѣлы естественныхъ потребностей, развратъ. Развѣ не развратъ и не уродливость платить тысячу золотыхъ монетъ за блюдо изъ птичьихъ мозговъ или языковъ, или филе изъ рыбы, не потому, чтобъ эти блюда были тоньше вкусомъ прочихъ недорогихъ, а потому, что этихъ мозговъ и рыбъ не напасешься? Или не безуміе ли обѣдать на такомъ сервизѣ, какого нѣтъ ни у кого, хоть бы пришлось отдать за него половину имѣнія? Не глупость ли заковывать себя въ золото и каменья, въ которыхъ поворотиться трудно, или надѣвать кружева, чуть не изъ паутины, и бояться сѣсть, облокотиться?...

„Тщеславіе и грубое излишество въ наслажденіяхъ — вотъ отличительныя черты роскоши. Оттого роскошь недолго-

вѣчна: она живетъ лихорадочною и эфемерною жизнью: никакіе крезы не достигаютъ до геркулесовыхъ столповъ въ ней: она падаетъ, истощившись въ насыщеніи, увлекая паденіемъ и торговлю. Рядомъ съ роскошью всегда таится невидимый ея врагъ — нищета, которая сторожитъ минуту, когда мишурная богиня зашатается на пьедесталѣ: она быстро, въ циническихъ лохмотьяхъ своихъ, сталкиваетъ царицу, садится на ея престолъ и гложетъ великолѣпные остатки. Вспомните не одну Венецію, а хоть Испанію, напримѣръ: ужъ, кажется, трудно выдумать нарядвѣе епанчу, а въ какую дырявую мантію нарядилась она послѣ! Да однѣ ли Испанія и Венеція?... Гдѣ роскошь, тамъ нѣтъ торговли; это конвульсивные, отчаянные скачки черезъ препятствія: перескачетъ, хвать — внизъ и сломаетъ ноги.

„Не таковъ комфортъ: какъ роскошь есть безуміе, уродливое и неестественное уклоненіе отъ указанныхъ природой и разумомъ потребностей, такъ комфортъ есть разумное, выработанное до строгости и тонкости, удовлетвореніе этимъ потребностямъ. Для роскоши нужны богатства: комфортъ доступенъ при обыкноненныхъ средствахъ. Богачъ уберетъ свою постель валансьенскими кружевами; комфортъ потребуетъ тонкаго и свѣжаго полотна. Роскошь садится на инкрустированномъ золоченомъ креслѣ, ѣстъ на золотѣ и серебрѣ; комфортъ требуетъ не золоченаго, но мягкаго, покойнаго кресла, хотя и не изъ рѣдкаго дерева; для стола онъ довольствуется фаянсомъ или, много, фарфоромъ. Роскошь потребуетъ рѣдкой дичи, фруктовъ не по сезону; комфортъ будетъ придерживаться своего обыкновеннаго стола, но зато онъ потребуетъ его вездѣ, куда ни заброситъ судьба человѣка: и въ Африкѣ, и на Сандвичевыхъ островахъ, и на Нордъ-Капѣ — вездѣ нужны ему свѣжіе припасы, мягкая говядина, молодая курица, старое вино. Вездѣ онъ хочетъ находить то сукно и шелкъ, въ которое одѣваются въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Петербургѣ; вездѣ къ его услугамъ долженъ быть сапожникъ, портной, прачка. Роскошь старается, чтобъ у меня было то, чего не можете имѣть вы; комфортъ, напротивъ, требуетъ, чтобъ я у васъ нашелъ то, что привыкъ видѣть у себя".

Если мнѣ скажутъ по поводу приведеннаго и многихъ подобныхъ ему разсужденій, что Гончаровъ писалъ письма

съ „Фрегата Паллады" отчасти и какъ официальное лицо, связанное извѣстными обязательствами, то я отвѣчу, что придаю указанному обстоятельству очень мало значенія. Дѣло въ томъ, что Гончаровъ не сталъ бы кривить душой, какъ писатель, а, во-вторыхъ, подобные взгляды онъ высказывалъ не разъ и не только въ „Фрегатѣ Паллада". Причину ихъ искать нужно поглубже — въ самой индивидуальности человѣка, условіяхъ его жизни, въ его ровномъ темпераментѣ, который бѣжитъ всякой крайности, умѣетъ дорожить жизнью, природой, творчествомъ съ здоровымъ аппетитомъ здороваго человѣка, тѣмъ болѣе такого, духъ котораго не помраченъ пресыщеніемъ и излишествами ряда предковъ.

Соловьевъ.

Возвратившись изъ путешествія, Гончаровъ, не оставляя службы, перешелъ только изъ министерства финансовъ въ министерство народнаго просвѣщенія и занялъ должность цензора, на которой оставался до тѣхъ поръ, пока дѣла печати не перешли въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. Годъ спустя послѣ того какъ издано было его сочиненіе „Фрегатъ Паллада", напечатано новое его произведеніе—знаменитый романъ „Обломовъ". Если до сихъ поръ имя Гончарова пользовалось только извѣстностью, то съ этого времени онъ уже пріобрѣтаетъ славу даровитѣйшаго писателя, сумѣвшаго въ замѣчательной степени уловить характерныя особенности русскаго человѣка. Съ тѣхъ поръ „Обломовщина „стала словомъ нарицательнымъ, въ совершенствѣ объясняющимъ причины нашего медленнаго развитія, нашей неподвижности и постояннаго спанья. Со времени напечатанія „Обломова" прошло десять лѣтъ, въ которыя Гончаровъ работалъ надъ капитальнымъ произведеніемъ; отрывокъ изъ него былъ напечатанъ еще въ пятидесятыхъ годахъ. Новое произведеніе Гончарова—большой романъ „Обрывъ", не произвело однако на публику сильнаго впечатлѣнія.

Творчество Гончарова.

Однажды, на Индійскомъ океанѣ, близъ мыса Доброй Надежды, И. А. Гончарову, на знаменитомъ фрегатѣ „Паллада",

пришлось испытать сильный штормъ. „Штормъ былъ классическій, во всей формѣ“, разсказываетъ онъ: „въ теченіе вечера приходили раза два за мной сверху звать посмотрѣть его. Разсказывали, какъ съ одной стороны вырывающаяся изъ-за тучъ луна озаряетъ море и корабль, а съ другой — нестерпимымъ блескомъ играетъ молнія. Они думали, что я буду описывать эту картину. Но какъ на мое покойное и сухое мѣсто давно уже было три или четыре кандидата, то я и хотѣлъ досидѣть тутъ до ночи“... Но не удалось. Вода случайно проникла черезъ открытые люки въ каюту. Дѣлать нечего, онъ неохотно поднялся и пошелъ на палубу. „Я посмотрѣлъ минутъ пять на молнію, на темноту и на волны, которыя все силились перелѣзть къ намъ черезъ бортъ.

„ — Какова картина? спросилъ меня капитанъ, ожидая восторговъ и похвалъ.

„ — Безобразіе, безпорядокъ! отвѣчалъ я, уходя весь мокрый въ каюту перемѣнить обувь и бѣлье“.

Эта маленькая сценка чрезвычайно характерна для творца „Обломова“. Люди привыкли восхищаться необычайнымъ, поражающимъ, рѣдкимъ въ природѣ и въ жизни. Гончаровъ, проходя равнодушно мимо яркихъ и случайныхъ эффектовъ, относится гораздо внимательнѣе и любовнѣе къ простому и будничному. „Зачѣмъ оно, это дикое и грандіозное?“ спрашиваетъ онъ себя при созерцаніи мирной обломовской природы: — „море, напримѣръ? Богъ съ нимъ. Оно наводитъ только грусть на человѣка: глядя на него, хочется плакать. Сердце смущается робостью передъ необозримой пеленой водъ“... Поэтъ, влюбленный въ реальную дѣйствительность, въ земной человѣческій міръ, чувствуетъ себя подавленнымъ величіемъ моря. Оно ему чуждо со своей мрачной, неразгаданной пѣснью, съ пѣснью о чемъ-то таинственномъ и темномъ, лежащемъ за гранью жизни. Горы и пропасти тоже его мало привлекаютъ. „Онѣ созданы, — говоритъ онъ, — не для увеселенія человѣка. Онѣ грозны, страшны“. Поэтому онъ обращается съ любовью къ тихому уголку будничной обломовской природы.

Небо тамъ, въ благословенной Обломовкѣ, „ближе жмется къ землѣ, но не съ тѣмъ, чтобъ метать сильнѣе стрѣлы, а развѣ только, чтобъ обнять ее покрѣпче, съ любовью: оно распростерлось такъ невысоко надъ головой, какъ роди-

тельская надежная кровля, чтобъ уберечь, кажется, избранный уголокъ отъ всякихъ невзгодъ... Сердце такъ и просится спрятаться въ этотъ забытый всѣми уголокъ и жить никому невѣдомымъ счастіемъ. Все сулитъ тамъ покойную, долговременную жизнь до сѣдины волосъ и незамѣтную, сну подобную, смерть".

Вотъ природа, какъ ни одинъ изъ новыхъ поэтовъ не понимаетъ ея, — природа, лишенная тайны, ограниченная и прекрасная, какой представляли ее древніе: декорація для идилліи ѳеокритовскихъ пастуховъ или, еще лучше, для счастія патріархальныхъ помѣщиковъ. Когда онъ видитъ дикое мѣсто, дѣвственное, не тронутое рукой человѣка, — ему не по себѣ, неуютно, онъ хочетъ населить, приручить нелюдимую природу, украсить ее благородными слѣдами человѣческой цивилизаціи. Близъ Нагасаки смотритъ онъ на пустынные берега Японіи. Ему досадно. Зачѣмъ человѣкъ не владѣетъ этой чудной природой? „Вонъ тотъ холмъ, — восклицаетъ авторъ, — какъ онъ ни зеленъ, ни пріютенъ, но ему чего-то недостаетъ: онъ долженъ бы быть увѣнчанъ бѣлой колоннадой съ портикомъ или виллой съ балконами на всѣ стороны, съ паркомъ, съ бѣгущими по отлогостямъ тропинками. А тамъ, въ рытвинѣ, хорошо бы устроить спускъ и дорогу къ морю да пристань, у которой шипѣли бы пароходы и гомозились люди... Здѣсь бы хорошо быть складочнымъ магазинамъ, передъ которыми тѣснились бы суда съ лѣсомъ мачтъ..."

Вспомните великихъ романтиковъ, изгнанниковъ изъ общества, въ родѣ Байрона или Лермонтова. Природа имъ кажется прекрасной тогда только, когда она не тронута, не оскорблена рукою человѣка. Конечно, не пожелали бы они складочныхъ магазиновъ и дыма пароходовъ въ дикомъ первобытномъ пейзажѣ. Они радуются, что въ пустынѣ, внемлющей Богу, не раздается „въ торжественный хваленья часъ лишь человѣка гордый гласъ". Очевидно, что здѣсь мы встрѣчаемся съ двумя діаметрально-противоположными міросозерцаніями. Для Лермонтова *„звуковъ небесъ замѣнить не могли скучныя пѣсни земли"*; для Гончарова на землѣ — все, вся его любовь, вся его жизнь. Онъ не рвется отъ земли, онъ привязанъ къ ней крѣпко и, подобно античнымъ поэтамъ, видитъ въ ней свою родину; прекрасный, уютный человѣческій міръ онъ не согласится отдать за звѣздныя

пространства неба, за чуждыя тайны природы. Нравственный строй его, цѣльность и крѣпость души не надломлены современнымъ недугомъ. Гончаровъ разсудкомъ понимаетъ пессимизмъ. Но въ сердце, въ плоть и кровь его не проникла ни одна капля яда. Зараза вѣка обошла, даже не задѣвъ счастливца! Романическая грусть Ольги въ третьей части „Обломова“ такъ же далека отъ скорби, разрушающей всѣ радости жизни, какъ тѣнь лѣтняго облачка далека отъ байроновской тьмы, поглотившей міръ.

Степень оптимизма писателя лучше всего опредѣляется его отношеніемъ къ смерти. Какъ же Гончаровъ относится къ смерти? Онъ почти о ней не думаетъ. Въ „Обыкновенной исторіи“ ему пришлось говорить о томъ, какъ умерла мать Александра Адуева, главнаго героя. Эта женщина — живой, яркій характеръ и занимаетъ важное мѣсто въ романѣ. Сынъ присутствуетъ при смерти. А между тѣмъ о кончинѣ ея два слова: „она умерла“. Ни одной подробности, ни одного ощущенія, никакой обстановки! Замѣтьте, что Гончаровъ пишетъ въ эпоху, когда ужасъ смерти составляетъ одинъ изъ преобладающихъ мотивовъ литературы. Въ счастливой Обломовкѣ смерть—такой же прекрасный обрядъ, такая же идиллія, какъ и жизнь. Это, кажется, та самая „безболѣзненная, мирная кончина живота“, о которой молятся вѣрующіе. Адуевъ во второмъ своемъ періодѣ—примиренія съ жизнью — разсуждаетъ такъ: не страшна и смерть: она представляется не пугаломъ, а прекраснымъ опытомъ. И теперь уже въ душу вѣетъ невѣдомое спокойствіе“...

Обломовъ умеръ мгновенно, отъ апоплексическаго удара, никто и не видѣлъ, какъ онъ незамѣтно перешелъ въ другой міръ. Хозяйка „застала его, такъ же кротко покоящагося на одрѣ смерти, какъ на ложѣ сна“... „Что же стало съ Обломовымъ? — спрашиваетъ авторъ — „гдѣ онъ? гдѣ? — На ближайшемъ кладбищѣ, подъ скромной урной, *покоится тѣло его между кустовъ, въ затишьѣ. Вѣтки сирени, посаженныя дружеской рукой, дремлютъ надъ могилой, да безмятежно пахнетъ полынь. Кажется, самъ ангелъ тишины охраняетъ сонъ его*“. Вотъ спокойный взглядъ на смерть, какимъ онъ былъ въ древности, у великихъ, простыхъ и здоровыхъ людей. Смерть — только вечеръ жизни, когда легкія тѣни Элизіума слетаютъ на очи и смежаютъ ихъ для вѣчнаго сна.

Кто знаетъ, можетъ-быть, этотъ наивный взглядъ болѣе глубокъ и вѣренъ, чѣмъ нашъ ужасъ, отчаяніе и судорожный трепетъ передъ смертью?

Александръ Адуевъ, человѣкъ еще молодой, но пресыщенный жизнью, входитъ въ старую деревенскую церковь. Тихое вечернее солнце озаряло иконы... Свѣжій вѣтерокъ врывался въ окно... Вверху, въ куполѣ, звучно кричали галки и чирикали воробьи... „Въ душѣ Александра пробуждались воспоминанія. Онъ мысленно пробѣжалъ свое дѣтство и юношество до поѣздки въ Петербургъ; вспомнилъ, какъ, будучи ребенкомъ, онъ повторялъ за матерью слова молитвы, какъ она твердила ему объ ангелѣ-хранителѣ... какъ она, указывая ему на звѣзды, говорила, что это очи божьихъ ангеловъ, которые смотрятъ на міръ и считаютъ добрыя и злыя дѣла людей; какъ небожители плачутъ, когда въ итогѣ окажется больше злыхъ, нежели добрыхъ дѣлъ. Показывая на синеву дальняго горизонта, она говорила, что это — Сіонъ“... Вотъ религія, какъ она представляется Гончарову, — религія, которая не мучитъ человѣка жгучей, неутолимой жаждой Бога, а ласкаетъ и согрѣваетъ сердце, какъ тихое воспоминанье дѣтства.

По изумительной *трезвости* взгляда на міръ, онъ приближается къ одному Пушкину. Тургеневъ опьяненъ красотой, Достоевскій — страданіями людей, Левъ Толстой — жаждой истины — и всѣ они созерцаютъ жизнь съ особенной точки зрѣнія. Дѣйствительность немного искажается, какъ очертанія предметовъ на взволнованной поверхности воды.

У Гончарова нѣтъ опьяненія. Въ его душѣ жизнь рисуется невозмутимо ясно, какъ мельчайшія былинки и далекія звѣзды отражаются въ лѣсномъ глубокомъ родникѣ, защищенномъ отъ вѣтра. Трезвость, простота и здоровье могучаго таланта, отсутствіе пессимизма имѣютъ въ себѣ что-то обаятельное, освѣжающее. Какъ бы ни были прекрасны созданія другихъ современныхъ писателей, въ нихъ почти всегда есть какой-нибудь темный уголъ, откуда вѣетъ на читателя холодомъ и ужасомъ. Такихъ темныхъ, страшныхъ угловъ нѣтъ у Гончарова. Все огромное зданіе его эпопей озарено ровнымъ свѣтомъ теплой, разумной любви къ человѣческой жизни.

Онъ понимаетъ не меньше другихъ темную сторону жизни. Наивный романтикъ Александръ Адуевъ, влюбленный въ стихи,

луну и Шиллера, свято вѣрующій въ любовь, дружбу и безкорыстіе людей, пріѣзжаетъ въ Петербургъ сороковыхъ годовъ изъ провинціальной глуши. Александръ влюбляется. Любовь измѣняетъ разъ, два... потомъ измѣняетъ дружба. Бѣдный романтикъ не выдерживаетъ, приходитъ въ отчаяніе. Эпилогъ слѣдующій: у бывшаго поклонника Шиллера — плѣшь, почтенное брюшко, прекрасное жалованье и богатая невѣста. Отъ прежнихъ идеаловъ — ни слѣда. „Ты, кажется, идешь по моимъ слѣдамъ?" спрашиваетъ его дядя, чиновникъ-карьеристъ. — „*Пріятно бы дядюшка!*" Дядя, скрестивъ руки на груди, смотрѣлъ нѣсколько минутъ съ уваженіемъ на племянника. — *И карьера и фортуна!* говорилъ онъ почти про себя, любуясь имъ — ...*Александръ*, гордо, торжественно прибавилъ онъ: — *ты моя кровь, ты — Адуевъ!* — *Такъ и быть, обними меня!*"

Тотъ же *трагизмъ пошлости*, спокойный, если можно такъ выразиться, будничный трагизмъ—основная тема „Обломова". Илья Ильичъ возвращается домой, навѣки разставшись съ Ольгой. Онъ убитъ горемъ, такимъ, отъ котораго люди умираютъ. Любовь, т.-е. послѣдняя надежда выкарабкаться изъ пошлости, — исчезла. Онъ знаетъ, что теперь ему нѣтъ спасенія отъ апатіи, отъ лѣни, отъ нравственнаго паденія. Онъ неминуемо долженъ погибнуть. Обломовъ „почти не замѣтилъ, какъ Захаръ раздѣлъ его, стащилъ сапоги и накинулъ на него халатъ.

„— Что это? спросилъ онъ только, поглядѣвъ на халатъ.

„— Хозяйка сегодня принесла: вымыли и починили халатъ, — сказалъ Захаръ. *Обломовъ, какъ сѣлъ, такъ и остался въ креслѣ*".

Плѣнительный юморъ Грибоѣдова и Гоголя почти совсѣмъ изсякъ въ русской литературѣ.

Вмѣсто прежняго смѣха, нашего добраго, стараго, могучаго юмора — у Тургенева, Толстого, Достоевскаго кой-гдѣ едва замѣтная слабая улыбка, болѣзненная, какъ скупой лучъ солнца въ сѣверную осень, а у Щедрина — рѣзкій, желчный, мучительный хохотъ; но юмора нѣтъ какъ нѣтъ. Гончаровъ въ этомъ случаѣ представляетъ отрадное исключеніе. Онъ первый, къ сожалѣнію, единственный, великій юмористъ послѣ Гоголя и Грибоѣдова. Захаръ, слуга Обломова, навѣки останется безсмертнымъ воплощеніемъ крѣпостнаго права, всего

тёмного, жалкаго, уродливаго, чѣмъ рабство сказывается въ людяхъ. Безконечная вереница слугъ — Василиса, Евсей, Анисья, Марѳа, Егорка, Улита, наконецъ, самъ Обломовъ — всѣ эти фигуры, не уступающія созданіямъ Гоголя, озарены *истиннымъ комизмомъ*, который даетъ намъ не меньшее наслажденіе, чѣмъ идеальная красота.

Гомеръ въ описаніяхъ подолгу останавливался съ особенною любовью на прозаическихъ подробностяхъ жизни. Онъ до мельчайшихъ деталей изображаетъ, какъ его герои и полубоги ѣдятъ, пьютъ, принимаютъ ванну, спятъ, одѣваются. Для Гомера нѣтъ некрасиваго въ жизни. Такъ же наивно и просто, какъ онъ говоритъ о смерти великихъ мужей, о совѣтѣ боговъ, о разрушеніи Трои, онъ разсказываетъ о грязномъ платьѣ, которое отправилась мыть на рѣчку царская дочь Навзикая съ рабынями; онъ съ дѣтскимъ простодушіемъ описываетъ, какъ

Начали платья онѣ полоскать и потомъ, дочиста ихъ
Вымывъ, по взморью на мелкоблестящемъ хрящѣ, наносимомъ
На берегъ плоскій морскою волною, ихъ всѣ разостлали.

Такая же античная, свѣтлая любовь къ будничной сторонѣ жизни, такая же способность однимъ прикосновеніемъ преображать прозу дѣйствительности въ поэзію и красоту — составляетъ характерную черту таланта Гончарова. Перечтите „Сонъ Обломова". Ѣда, чаепитіе, заказываніе кушаній, болтовня, забавы старосвѣтскихъ помѣщиковъ принимаютъ здѣсь въ самомъ дѣлѣ гомеровскія, *идеальныя* очертанія. Вотъ какъ изображается смѣхъ этихъ счастливыхъ людей: „Хохотъ разлился по всему обществу, проникъ до передней и до дѣвичьей, обьялъ весь домъ, всѣ вспоминаютъ забавный случай, всѣ *хохочутъ долго, дружно, несказанно, какъ олимпійскіе боги.* Только начнутъ умолкать, кто-нибудь подхватитъ опять — и пошло писать". И дальше почти на цѣлой страницѣ описывается этотъ гомерическій хохотъ. Патріархальные нравы обломовскихъ помѣщиковъ до такой степени фантастичны, несовременны и своими эпическими размѣрами напоминаютъ сказку, что читатель нисколько не удивляется, когда Гончаровъ прямо изъ Обломовки переноситъ его въ героическую среду древнерусскихъ сказаній и былинъ.

Какъ все это не похоже на легкую, поверхностную манеру, на летучій, полунебрежный стиль современныхъ романистовъ!

Кажется, что творецъ Обломова покидаетъ здѣсь перо и берется за древнюю лиру; онъ уже не описываетъ — онъ воспѣваетъ празы обломовцевъ, которыхъ не даромъ приравниваетъ къ *олимпійскимъ богамъ*. Это гораздо болѣе, чѣмъ бытовой жанръ новѣйшихъ писателей. Въ жанрѣ — только юморъ, а здѣсь, кромѣ юмора, *отблескъ высшей красоты*, напоминающей простодушныхъ поэтовъ древности.

Мы теперь по горло пресыщены внѣшней культурой комфортомъ, будничной стороной цивилизаціи. У Гончарова этого пресыщенія нѣтъ. Душа его обладаетъ той прелестной свѣжестью, благодаря которой великихъ эпическихъ поэтовъ, какъ дѣтей, занимаетъ и радуетъ каждый пустякъ въ природѣ, каждый уголокъ дѣйствительности. Мысль художника, какъ солнце, проникая въ самые темные и глубокіе закоулки жизни, озаряетъ ихъ ласковымъ свѣтомъ и на минуту дѣлаетъ прекрасными. Гончаровъ описываетъ комнату Обломова. Мы едва взглянули на героя, не слышали изъ устъ его ни одного слова, но уже знакомы съ нимъ по мельчайшимъ подробностямъ обстановки: по этой паутинѣ, фестонами лѣпящейся около картинъ, по запыленнымъ зеркаламъ, по пятнамъ на коврахъ, по забытому на диванѣ полотенцу, по тарелкѣ на столѣ, не убранной отъ вчерашняго ужина, съ солонкой и съ обглоданной косточкой, по пыльнымъ и пожелтѣвшимъ страницамъ давно развернутой и давно нечитанной книги, по нумеру прошлогодней газеты, по чернильницѣ, изъ которой, „если обмокнуть въ нее перо, вырвалась бы развѣ только съ жужжаньемъ испуганная муха". Окраска характера такъ сильна, что она кидаетъ свой отблескъ на всѣ приближающіеся предметы, какъ яркій свѣтъ, преломленный въ цвѣтной призмѣ.

Намъ чуется лѣнь, апатія, безпорядочность русскаго барина во вчерашней тарелкѣ Обломова съ обглоданной косточкой. Что можетъ быть, повидимому, значительнаго и характернаго въ томъ, какъ человѣкъ одѣваетъ туфли; а между тѣмъ Гончаровъ влагаетъ въ эту мелочь столько же содержанія, сколько другіе поэты въ цѣлыя событія, монологи, катастрофы. Когда на душѣ Обломова было спокойно и тихо, когда жизнь его не трогала, и Штольцъ не звалъ къ дѣятельности, вставая съ постели, онъ, не глядя, привычнымъ движеніемъ *попадалъ ногами прямо въ туфли*. Но въ немъ

пробудились сомнѣнія, заговорило раскаяніе. „Теперь или никогда!“ „Быть или не быть!“ разсуждаетъ онъ. И вотъ Илья Ильичъ „приподнялся было съ кресла, *но не попалъ сразу ногой въ туфлю и сѣлъ опять*“.

Каждый изъ характеровъ, созданныхъ Гончаровымъ, громадное *идеальное* обобщеніе человѣческой природы. Обобщеніе, скрытая идея поднимаютъ на недостижимую высоту микроскопическія подробности быта, дѣлаютъ ихъ художественными, прекрасными и цѣнными. Такъ, на горной высотѣ въ ясные вечера темный силуэтъ едва замѣтныхъ въ обыкновенное время зданій, деревьевъ, скалъ, вырѣзывается до мельчайшихъ подробностей на фонѣ свѣтлаго неба.

Гончаровъ показываетъ не только вліяніе характера на среду, на всѣ мелочи бытовой обстановки, но и обратно — вліяніе среды на характеръ. Каждый человѣческій образъ, созданный имъ — квинтъ-эссенція изъ всѣхъ настроеній, мыслей, желаній, страстей даннаго общества. Онъ слѣдитъ, какъ мягкія степныя очертанія холмовъ, какъ жаркое „румяное“ солнце Обломовки отразились на мечтательномъ, лѣнивомъ и кроткомъ характерѣ Ильи Ильича, какъ сырость, холодъ и мракъ глубокихъ ледниковъ и рабская должность сказались на нелюдимомъ, сосредоточенномъ нравѣ старой ключницы Улиты, этого полуфантастическаго крѣпостного гнома. Никто лучше его не понимаетъ тѣснаго взаимодѣйствія соціальной среды и человѣка. Онъ выяснилъ до крайнихъ развѣтвленій, до неуловимыхъ мелочей вліяніе такого громаднаго явленія, какъ крѣпостное право, на привычки, психологію страсти, идеалы нѣсколькихъ поколѣній. Въ этомъ смыслѣ Гончаровъ величайшій *соціологъ* въ новой русской литературѣ, какъ Достоевскій и Левъ Толстой — величайшіе *психологи*. Онъ разлагаетъ художественнымъ анализомъ ткань жизни до ея первоначальной клѣтки, изъ которой вышло все, весь организмъ общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладаетъ могучей способностью творческаго синтеза: воображеніе его создаетъ отдѣльные міры эпопей и потомъ соединяетъ ихъ въ стройныя системы. Онъ показываетъ, что однимъ и тѣмъ же вѣчнымъ законамъ добра и зла, любви и ненависти, которые производятъ въ исторіи перевороты, правятъ солнцами, подчинены и мельчайшіе, для толпы незримые, *атомы жизни*.

Мережковскій.

Объективная художественность и свѣтлый юморъ, какъ отличительныя черты таланта Гончарова.

Еще въ 1848 г., говоря объ „Обыкновенной исторіи", Бѣлинскій указалъ наиболѣе рельефную черту Гончаровскаго творчества, — чистую объективную *художественность*, удивительное умѣнье *рисовать*. „Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей,— говоритъ Бѣлинскій,— онъ, одинъ, только онъ одинъ, приближается *къ идеалу чистаго искусства*, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство, и тѣмъ успѣваютъ. Всѣ нынѣшніе писатели имѣютъ еще нѣчто, кромѣ таланта; онъ больше чѣмъ кто-нибудь теперь (1848), поэтъ, художникъ, и больше ничего". Черезъ десять лѣтъ почти то же сказалъ и Добролюбовъ по выходѣ въ свѣтъ „Обломова". „Въ умѣньи схватить образъ предмета, отчеканить, изваять его — заключается сильнѣйшая сторона таланта Гончарова". На эту сторону таланта указываетъ и Дружининъ. „Мы всегда видѣли, и видимъ теперь, въ авторѣ „Обломова" одного изъ сильнѣйшихъ современныхъ русскихъ художниковъ. Это художникъ чистый и независимый, художникъ по призванію и по всей цѣлости того, что имъ сдѣлано".— Въ чемъ же истинная сила этого художника? Именно въ реальномъ, подробномъ и обстоятельномъ изображеніи, такъ сказать, *эпической* стороны жизни, во всѣхъ ея деталяхъ, мелочахъ, ускользающихъ обыкновенно отъ взгляда поверхностнаго наблюдателя; въ тонкой, рельефной обрисовкѣ природы, жилищъ, костюмовъ, личностей маленькихъ, ничтожныхъ, незамѣтныхъ, получающихъ полный интересъ подъ перомъ съ любовью рисующаго ихъ автора, который каждому изъ нихъ даетъ особый, точно изваянный изъ мрамора, образъ. Сила поэта не въ длинныхъ дебатахъ дядюшки съ племянникомъ, не въ отступленіяхъ и поученіяхъ, которыми авторъ иногда любитъ дополнять разсказъ, а именно тамъ, гдѣ онъ просто рисуетъ самую жизнь, какою представляется она его умственному оку.

Изъ произведеній Гончарова мы знакомимся съ Россіей,— не той Россіей, которую въ ея наиболѣе интеллигентныхъ представителяхъ (Рудинъ, Лаврецкій, Базаровъ) обрисовалъ Тургеневъ, или въ болѣзненныхъ, опять-таки исключитель-

ныхъ, личностяхъ, показалъ Достоевскій,—но съ той многолюдной, обиходной, будничной Россіей, какою она была еще очень недавно въ массѣ помѣщиковъ, чиновниковъ, аристократіи, дворовыхъ людей. И что всего цѣннѣе въ Гончаровѣ,—онъ эту Русь нисколько не идеализируетъ искусственно, никого и ничего не вытягиваетъ на пьедесталъ, а всему даетъ свое мѣсто и цѣну, такъ что всѣ эти люди и всѣ эти явленія жизни именно таковы, каковы они были на самомъ дѣлѣ. „Вотъ каковы высшія точки нашего умственнаго подъема, какъ онѣ выказались въ нашихъ мужчинахъ и женщинахъ“, говоритъ своими лишними людьми, Еленами и Маріаннами, Тургеневъ; „вотъ наши *обыкновенныя* исторіи и наши *обыкновенныя* женщины“, говоритъ Гончаровъ. Никого не превознося, ничему не удивляясь, ничему намѣренно не поучая, Гончаровъ рисуетъ совершенно реально то, что было; какъ пушкинскій Пименъ, описываетъ добро и зло, не мудрствуя лукаво, и именно тогда и великъ, когда не мудрствуетъ, а изображаетъ, что самъ видѣлъ и слышалъ.

Гончаровъ — *эпикъ* въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, и эпикъ прежде всего,—эпикъ, до нѣкоторой степени, напоминающій Гомера сравненіями, подробностью и обстоятельностью, такъ называемаго, эпическаго матеріала, т.-е. чертъ бытовыхъ, мѣста, времени, жилищъ, наружности, костюма и пр. Гомера же напоминаетъ онъ отчасти и строемъ большихъ романовъ-поэмъ.

Говоря о Гончаровѣ, какъ объ эпикѣ, напоминающемъ обстоятельностью, детальностью, и часто случайностью своихъ описаній Гомера, нельзя не сказать также еще нѣсколько словъ объ его рѣдкой *объективности*. Такъ Тургеневъ, напримѣръ, — поэтъ болѣе субъективный, лирическій, выражающій, по-преимуществу, то, что подходитъ подъ его настроеніе, большею частію, грустное, и этимъ колоритомъ своихъ впечатлѣній окрашивающій не только людей, но и природу, такъ Гончаровъ, наоборотъ, съ одинаковымъ интересомъ и полнымъ спокойствіемъ, точно фотографъ, изображаетъ и природу, самую разнообразную, и людей, и событія, будь они положительныя или отрицательныя, важныя или неважныя, трогательныя или забавныя,—такъ что трудно сказать, что̀ у Гончарова описано лучше,—хозяйство ли Агаѳьи Матвѣевны, или послѣобѣденный сонъ въ Обломовкѣ, по-

слѣднія ли минуты Наташи („Обрывъ“), или Фаддеевъ и англичане („Фрег. Паллада“). Сила Тургенева въ передачѣ впечатлѣній, обнаруживающихъ опредѣленно его задачу, мысль, высказываемую всегда съ горячимъ чувствомъ, почему онъ часто разсказываетъ отъ себя, поясняя и дополняя образъ самъ, или заставляя говорить о лицѣ другихъ (Рудинъ, Елена, Фаустъ); сила Гончарова въ широкихъ и тонкихъ картинахъ, именно такихъ, гдѣ онъ менѣе всего думаетъ поучать, при чемъ авторъ всегда описываетъ человѣка его же собственными словами. Описанія Гончарова почти всегда тоньше, полнѣе, рельефнѣе, чѣмъ у Тургенева; но, какъ у чистаго эпика, часто случайныя, мало значительныя; зато Тургеневъ всегда заранѣе знаетъ, что̀ именно выбрать, какъ ярче выставить то или другое передъ глазами читателя, чтобы возбудить сильнѣе его мысль, глубже потрясти душу. У Тургенева не затеривается ни одна черта — все къ мѣсту и къ дѣлу; у Гончарова, на ряду съ важнымъ, множество прекрасныхъ, но не идущихъ къ дѣлу деталей, которыя затериваются въ массѣ фактовъ, такъ что, при всей его художественности, его романы, подчасъ скучноваты, и красоты его оцѣниваются не вдругъ, подобно картинамъ старинныхъ мастеровъ. Такой объективности и совершенства письма достигали у насъ только трое: Пушкинъ, графъ Л. Толстой и Гоголь.

Нѣтъ у Гончарова также лирической субъективности Тургенева, Достоевскаго, Гоголя или Диккенса; рѣдокъ потрясающій душу драматизмъ, который является какъ исключеніе, напр., въ сценѣ разрыва Адуева съ Наденькой. Не потрясать душу, подобно названнымъ нами выше писателямъ, не навести эту душу на глубокое и тяжелое раздумье надъ жизнью, а, напротивъ, успокоить ее, заставить предаться тихому, сладкому, чувству, увлечь прелестной мечтой, несбыточной, но все же милой, какъ идилліи Обломова; заставить забыться на лонѣ нѣжной матери-природы, уйти отъ шума городовъ въ деревенскую глушь, отъ праздной надоѣдливой суеты въ кругъ тихихъ семейныхъ радостей: — вотъ въ чемъ сила и прелесть *гончаровскаго* эпоса.

Но, какъ ни объективенъ эпосъ Гончарова, все же это эпосъ не народный, а художественный, т.-е. созданный не массой, а однимъ, сознательно наблюдающимъ жизнь, человѣкомъ, личность котораго, все-таки, хоть сколько-нибудь

въ немъ выразится. Вотъ что говоритъ писатель устами профессора въ „Литературномъ вечерѣ". „Художникъ, конечно, не долженъ соваться своею особою въ картину, наполнять ее своимъ я — это такъ! Но его духъ, фантазія, мысль, чувство, должны быть разлиты въ произведеніи, чтобы оно было созданное живымъ духомъ тѣло, а не вѣрный очеркъ трупа, созданіе какого-то безличнаго чародѣя! Живая связь между художникомъ и его произведеніемъ должна чувствоваться зрителемъ или читателемъ; они, такъ сказать, съ помощью чувства автора наслаждаются картиною".

Итакъ, постараемся, при всей объективности писателя, опредѣлить его отношеніе къ изображаемой дѣйствительности, такъ сказать, проникнуть въ самую личность творца, насколько высказалась она въ его творчествѣ.

Характерныя черты въ самомъ романистѣ, всегда уважающемъ все высокое и прекрасное, можетъ-быть, и образовали въ немъ совсѣмъ *особый наивный, какъ бы безразличный, свѣтлый юморъ*, который рѣзко отличается отъ всегда грустнаго юмора Тургенева, и особенно Гоголя. Тургеневъ горько смѣется надъ бѣднымъ, *лишнимъ* человѣкомъ, надъ кисейными барышнями, губящими себя по своей простотѣ и недомыслію, надъ безобразіями крѣпостного права. Гоголь сквозь смѣхъ плачетъ кровавыми слезами надъ Акакіемъ Акакіевичемъ, надъ пріобрѣтателемъ Чичиковымъ, надъ художникомъ и дѣвицами на Невскомъ проспектѣ, надъ чудачествами поссорившихся изъ-за гусака друзей или погибшими отъ застоя мысли старосвѣтскими помѣщиками. Диккенсъ съ ужасающимъ юмористическимъ паѳосомъ осмѣиваетъ безсердечіе и равнодушіе къ ближнему биржевыхъ королей, англійскую аристократію, уродливое воспитаніе. Для Гончарова безразлично, надъ чѣмъ не посмѣяться, лишь бы оно было въ самомъ дѣлѣ смѣшно, будь это бездушный чиновникъ, сгубившій жену — Петръ Ивановичъ Адуевъ, или дармоѣдъ казны Аяновъ; солдаты ли, ссадившіе себѣ отъ жары на спинѣ всю кожу *(Фр. Паллады,* т. V, 403), идіотическое ли равнодушіе къ побоямъ матросиковъ, распѣвающій ли въ Африкѣ романсы офицерикъ (VI, 258), или Савелій, едва не убивающій полѣномъ развратницу-жену Маринку *(Обрывъ)*. Словомъ, какого бы качества и значенія ни были представляющіяся поэту явленія жизни, они для него, какъ и для Райскаго, — только объектъ

созерцанія, одинаково возбуждающій въ немъ добродушную улыбку надъ человѣческими глупостями или уродливостями, нарушающими гармонію добра, красоты и правды. И если юморъ Тургенева можно назвать *грустно-меланхолическимъ*, Гоголя и Диккенса юморомъ *потрясающе-глубокимъ*; если ихъ юморъ потрясаетъ человѣка до горькой боли, до страха за человѣка, до страстной любви къ этому человѣку, нашему ближнему, какъ бы низко онъ ни палъ, — юморъ Гончарова — только *снисходительная, добродушная улыбка взрослаго надъ балующимися дѣтьми.*

Но за этимъ безразличнымъ юморомъ, за этою, такъ сказать, нѣкоторою барственностью, аристократизмомъ нашего писателя, нельзя не замѣтить той широкой, благородной *гуманности*, которая разлита по всѣмъ его сочиненіямъ и дается только разностороннимъ образованіемъ и обращеніемъ между порядочными людьми. Что бы и кого бы Гончаровъ ни изображалъ, онъ никогда неосторожно не поглумится и видитъ въ каждомъ все-таки *человѣка*, доходя иногда до поразительно трогательныхъ изображеній. Вездѣ, при изображеніи явленій грязноватыхъ, оскорбляющихъ нравственное чувство или приличіе, въ сценахъ разыгравшейся физической страсти, поэтъ соблюдаетъ художественную мѣру и во-время опускаетъ занавѣсъ. Всюду является онъ горячимъ сторонникомъ честнаго упорнаго труда, поклонникомъ искусства, горячимъ защитникомъ науки, просвѣщенія, цивилизаціи. Стоитъ прочитать только, что говоритъ Гончаровъ о просвѣтительной миссіи англичанъ въ колоніяхъ, о путешествіяхъ прежде и теперь, о геологѣ, натуралистѣ и инженерѣ Бенѣ, о культурной жизни Лондона сравнительно съ нашей деревенской жизнью, о Востокѣ съ его матеріальнымъ благосостояніемъ и глубокимъ умственнымъ сномъ, о просвѣщеніи восточной Сибири, — довольно прочитать, что въ романахъ Гончарова говорится о воспитаніи, чтобы признать въ авторѣ высокую степень культурности, невольно вліяющей и на читателя.

Обращаясь къ вопросу, что, по преимуществу, способенъ или, вѣрнѣе, любитъ изображать авторъ, и что, по свойству его таланта, ему особенно удается, мы должны сказать, что наибольшей силы достигаетъ онъ въ изображеніи тихихъ картинъ природы и мирной патріархальной жизни. Изображенія семейныхъ сценъ и картинъ — это настоящіе шедёвры,

которыми всегда будетъ гордиться въ Гончаровѣ русская литература, точно такъ же какъ и изображеніями *интимной жизни женскаго сердца* во всѣхъ ея перипетіяхъ, начиная отъ едва замѣтнаго зарожденія стыдливаго чувства до вспышекъ разыгравшейся страсти. Вообще консерваторъ въ томъ смыслѣ, что, хотя и признававшій необходимость прогресса, но опасающійся за то, чтобы вмѣстѣ со старымъ дурнымъ не было вырвано и то, что въ старомъ было хорошаго, — Гончаровъ старательно отыскиваетъ все это хорошее, и бережно собираетъ въ цѣнную сокровищницу своего творчества, чтобы передать въ назиданіе легкомысленному потомству примѣры простодушной религіозности, важности брачныхъ узъ, доброй хозяйственности, гостепріимства, крѣпости отношеній родственныхъ и дружескихъ, святости любви и нравственнаго долга. *Острогорскій.*

Художественный символизмъ въ произведеніяхъ Гончарова.

Въ поэзіи то, что не сказано и мерцаетъ сквозь красоту символа, дѣйствуетъ сильнѣе на сердце, чѣмъ на то, что выражено словами. Символизмъ дѣлаетъ самый стиль, самое художественное вещество поэзіи, одухотворительнымъ, прозрачнымъ, насквозь просвѣчивающимъ, какъ тонкія стѣнки алебастровой амфоры, въ которой зажжено пламя.

Символами могутъ быть и характеры. Санчо-Панса и Фаустъ, Донъ-Кихотъ и Гамлетъ, Донъ-Жуанъ и Фальстафъ.

Сновидѣнія, которыя преслѣдуютъ человѣчество, иногда повторяются изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію сопутствуютъ ему. Идею такихъ *символическихъ характеровъ* никакими словами нельзя передать, ибо слова только опредѣляютъ, ограничиваютъ мысль, символы выражаютъ безграничную сторону мысли.

Гончаровъ истинно гармоничный и спокойный художникъ, творецъ живыхъ человѣческихъ душъ. Онъ беретъ характеры людей цѣликомъ, какъ живые продукты исторіи, природы, времени, общества. Никто такъ не заставляетъ жить своихъ героевъ на страницахъ книги отдѣльной, собственной

жизнью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ типы Гончарова весьма отличаются отъ *исключительно бытовыхъ* типовъ, какіе мы встрѣчаемъ, напр., у Островскаго и Писемскаго, у Диккенса и Теккерея. Помимо жизненной типичности Обломова, васъ привлекаетъ къ нему высшая красота вѣчныхъ комическихъ образовъ (какъ Фальстафъ, Донъ-Кихотъ, Санчо-Панса). Это не только Илья Ильичъ, котораго вы, кажется, вчера еще видѣли въ халатѣ, но и грамадное, идейное обобщеніе цѣлой стороны русской жизни.

Гончаровъ изъ всѣхъ нашихъ писателей обладаетъ вмѣстѣ съ Гоголемъ наибольшей способностью символизма. Каждое его произведеніе — художественная система образовъ, подъ которыми скрыта вдохновенная мысль. Читая ихъ, вы испытываете то же особенное, ни съ чѣмъ не сравнимое чувство широты и простора, которое возбуждаетъ грандіозная архитектура — какъ будто входите въ огромное, свѣтлое и прекрасное зданіе. Характеры — только часть цѣлаго, какъ отдѣльные статуи и барельефы, размѣщенные въ зданіи,— только рядъ символовъ, нужныхъ поэтому, чтобы возвысить читателя отъ созерцанія частнаго явленія къ созерцанію вѣчнаго.

Способность философскаго обобщенія характеровъ чрезмѣрно сильна въ Гончаровѣ; иногда она прорываетъ, какъ острее, живую художественную ткань романа и является въ совершенной наготѣ; напр. Штольцъ — уже не символъ, а мертвая аллегорія. Противоположность такихъ типовъ, какъ практическая Марѳенька и поэтическая Вѣра, какъ эстетикъ Райскій и нигилистъ Волоховъ, какъ мечтательный Обломовъ и дѣятельный Штольцъ — развѣ это не чистѣйшій и, притомъ, непроизвольный, *глубоко реальный символизмъ!* Самъ Гончаровъ въ одной критической статьѣ признается, что бабушка въ „Обрывѣ“ была для него не только характеромъ живого человѣка, но воплощеніемъ Россіи. Вспомните ту геніальную сцену, когда Вѣра останавливается на минуту передъ образомъ Спасителя въ древней часовнѣ и тропинкой, ведущей къ *Обрыву*, къ бесѣдкѣ, гдѣ ждетъ ее Маркъ Волоховъ. Вѣра, какъ идеальное воплощеніе души современнаго человѣка, колеблется и недоумѣваетъ, гдѣ же правда — здѣсь, въ кроткихъ, строгихъ очахъ Спасителя, въ древней часовнѣ, или тамъ, за „Обрывомъ“, въ злобной, страшной и обязательной проповѣди новаго человѣка?

И такого поэта наши литературные судьи считали отживающимъ типомъ эстетика, точнымъ, но неглубокимъ бытописателемъ помѣщичьихъ нравовъ! Но когда отъ реалистической критики, отъ столь прославленныхъ ею *бытовыхъ* комедій и романовъ не останется ни слѣда, произведенія Гончарова, мало понятныя въ нашъ вѣкъ художественнаго матеріализма, возродятся въ полной, идеальной красотѣ. Онъ одинъ изъ величайшихъ въ современной европейской литературѣ творцовъ человѣческихъ душъ, *художниковъ-символистовъ.*

Мережковскій.

Молодой Адуевъ-герой „Обыкновенной исторіи", какъ представитель романтизма на почвѣ крѣпостного права.

Авторъ „Обыкновенной Исторіи" поэтъ, художникъ, и больше ничего. У него нѣтъ ни любви ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ ни читателю; онъ какъ-будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей, онъ одинъ, только онъ одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство — и тѣмъ самымъ успѣваютъ. Всѣ нынѣшніе писатели имѣютъ еще нѣчто кромѣ таланта, и это-то нѣчто важнѣе самаго таланта и составляетъ его силу: у Гончарова нѣтъ ничего кромѣ таланта; онъ больше, чѣмъ кто-нибудь теперь поэтъ-художникъ. Талантъ его не первостепенный, но сильный, замѣчательный. Къ особенностямъ его таланта принадлежитъ необыкновенное мастерство рисовать женскіе характеры. Онъ никогда не повторяетъ себя, ни одна его женщина не напоминаетъ собою другой, и всѣ, какъ портреты, превосходны. Что общаго между грубой и злой, но по своему способной къ нѣжнымъ чувствамъ Аграфеной и между свѣтской женщиной, мечтательной и съ разстроенными нервами? И каждая изъ нихъ въ своемъ родѣ мастерское, художественное произведеніе. Мать молодого Адуева и мать На-

динька — обѣ старухи, обѣ очень добры, обѣ очень любятъ своихъ дѣтей и обѣ равно вредны своимъ дѣтямъ, наконецъ, обѣ глупы и пошлы. А между тѣмъ это два лица совершенно различныя: одна барыня провинціальная стараго вѣка, ничего не читаетъ и ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства: словомъ, добрая внучка злой госпожи Простаковой; другая барыня столичная, которая читаетъ французскія книжки, ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства: словомъ, добрая правнучка злой госпожи Простаковой. Въ изображеніи такихъ плоскихъ и пошлыхъ лицъ, лишенныхъ всякой самостоятельности и оригинальности, иногда всего лучше высказывается талантъ, потому что всего труднѣе обозначить ихъ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Что общаго между этою живою, вѣтреною, своенравною, и немножко лукавою Надинькою и тою спокойною по наружности, но пожираемою внутреннимъ огнемъ Лизою? Тетка героя романа — лицо вводное, мимоходомъ очерченное, но какое прекрасное женское лицо! Какъ хороша она въ сценѣ, оканчивающей первую часть романа! мы не будемъ распространяться насчетъ мастерства, съ какимъ обрисованы мужскіе характеры: о женскихъ мы не могли не замѣтить, потому что до сихъ поръ они рѣдко удавались у насъ даже первостепеннымъ талантамъ; у нашихъ писателей женщина — или приторно сентиментальное существо, или семинаристъ въ юбкѣ, съ книжными фразами. Женщины Гончарова живыя, вѣрныя дѣйствительности созданія. Это новость въ нашей литературѣ.

Обратимся къ двумъ главнымъ мужскимъ лицамъ романа — молодому Адуеву и его дядѣ, Петру Иванычу: о послѣднемъ нельзя не сказать, хотя нѣсколько словъ, говоря о первомъ, потому что онъ, противоположностію своею, еще болѣе оттѣняетъ героя романа. Говорятъ, типъ молодого Адуева — устарѣлый; говорятъ, что такіе характеры уже не существуютъ на Руси. Нѣтъ, не перевелись и не переведутся никогда такіе характеры, потому что ихъ производятъ не всегда обстоятельства жизни, но иногда сама природа. Родоначальникъ ихъ на Руси — Владимиръ Ленскій, по прямой линіи происходящій отъ гёгевскаго Вертера. Пушкинъ первый замѣтилъ существованіе въ нашемъ обществѣ такихъ натуръ и указалъ на нихъ. Съ теченіемъ времени онѣ будутъ измѣняться; но сущность ихъ всегда будетъ таже самая...

Молодой Адуевъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, мечтаетъ, съ какою радостію обниметъ своего обожаемаго дядю и въ какомъ восторгѣ будетъ отъ него дядя. Онъ останавливается въ трактирѣ — и боится, что дядя осердится на него, зачѣмъ онъ не пріѣхалъ прямо къ нему. Холодный пріемъ дяди разсѣиваетъ его провинціальныя мечты. До сихъ поръ молодой Адуевъ является больше провинціаломъ, нежели романтикомъ. Онъ даже непріятно былъ пораженъ тѣмъ, что дядя назвалъ дуракомъ Заѣзжалова и дурою деревенскую тетку съ ея жолтымъ цвѣткомъ, приславшихъ къ нему преглупѣйшія письма. Провинціалы часто бываютъ очень смѣшны въ своихъ отношеніяхъ къ своимъ роднымъ и знакомымъ. Въ маленькихъ городкахъ жизнь однообразна, узка мелка, всѣ другъ друга знаютъ и если не враждуютъ между собою, то непремѣнно пребываютъ въ нѣжнѣйшей дружбѣ: среднихъ отношеній почти нѣтъ. И вотъ изъ городка отправляется искать счастія въ столицу молодой человѣкъ; всѣ имъ интересуются, провожаютъ его, желаютъ ему всякаго счастія, просятъ не забывать. Онъ уже сдѣлался въ столицѣ пожилымъ человѣкомъ, родной городокъ его представляется ему какимъ-то смутнымъ видѣніемъ; подъ вліяніемъ новыхъ знакомствъ, отношеній, интересовъ, онъ давно перезабылъ и имена и лица людей, которыхъ такъ коротко зналъ въ дѣтствѣ, и помнитъ только о самыхъ близкихъ къ нему, да и то они представляются ему въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ оставилъ, а вѣдь они съ тѣхъ поръ перемѣнились же. По ихъ письмамъ онъ видѣлъ, что у него съ ними нѣтъ ничего общаго; отвѣчая имъ, онъ поддѣлывается подъ ихъ тонъ, подъ ихъ понятія; удивительно ли, что онъ пишетъ къ нимъ рѣже и рѣже, наконецъ и совсѣмъ перестаетъ писать. Мысль о пріѣздѣ въ столицу родственника или знакомаго пугаетъ его столько же, какъ жителей пограничнаго города во время войны пугаетъ мысль, что непріятель пойдетъ ихъ дорогою. Въ столицѣ не понимаютъ заочной любви; здѣсь думаютъ, что любовь, дружба, пріязнь, знакомство поддерживаются личными отношеніями, а разлукой и отсутствіемъ охлаждаются и уничтожаются. Въ провинціи думаютъ совсѣмъ наоборотъ; вслѣдствіе однообразія жизни, тамъ удивительно развита наклонность къ любви и дружбѣ. Тамъ рады всякому; мѣшать другъ другу, не давать покою — тамъ счи-

ается священнѣйшею обязанностію. Если кому-нибудь перестанутъ надоѣдать родственники и знакомые, онъ сочтетъ себя самымъ несчастнымъ, наиболѣе обиженнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Когда къ провинціалу, живущему въ маленькомъ городкѣ, вдругъ наѣзжаатъ орда родственниковъ и обращаетъ его маленькій домикъ въ боченокъ, набитый сельдями онъ по наружности, не знаетъ какъ и радоваться; съ веселымъ лицомъ бѣгаетъ, суетится, угощаетъ всю эту толпу, а внутренно отъ всей души проклинаетъ ее. А между тѣмъ попробуй-ка эти люди въ другой разъ остановиться не у него: онъ никогда имъ не проститъ этого. Такова ужъ патріархальная логика провинціи! И съ такой-то логикой пріѣзжаетъ иногда провинціалъ въ столицу по дѣламъ со всѣмъ семействомъ своимъ. Въ столицѣ у него есть родственникъ, который лѣтъ ужъ двадцать какъ выѣхалъ изъ своего мѣстечка и давнымъ давно перезабылъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Нашъ провинціалъ летитъ къ нему съ распростертыми объятіями, съ милыми дѣтьми, которыхъ надо размѣстить по учебнымъ заведеніямъ, и обожаемою супругою, которая пріѣхала полюбоваться на столичные магазины модъ. Раздаются ахи, охи, крикъ, пискъ, визгъ. „А мы прямо къ вамъ, мы не смѣли остановиться въ трактирѣ!" Столичный родственникъ блѣднѣетъ, не знаетъ, что дѣлать, что сказать; онъ похожъ на жителя города, взятаго непріятелемъ, къ которому въ домъ ворвалась толпа предавшихся грабежу непріятельскихъ солдатъ. А между тѣмъ ему уже подробно изъяснено, какъ его любятъ, какъ его помнятъ, какъ о немъ безпрестанно говорятъ, и какъ на него надѣются, какъ увѣрены, что онъ непремѣнно поможетъ опредѣлить Костиньку, Петиньку, Ѳединьку, Митиньку по корпусамъ, а Машеньку, Сашеньку, Любочку и Таничку въ институтъ. Столичный родственникъ видитъ, что отъ одной минуты зависитъ его гибель или спасеніе, собирается съ духомъ и съ холодною вѣжливостью объясняетъ непріятельскому отряду, что онъ никакъ не можетъ принять ихъ къ себѣ, что его квартира тѣсновата и для его собственнаго семейства, что въ корпуса и институты дѣти принимаются по экзамену и по узаконенному порядку, что тутъ не поможетъ никакая протекція, если нѣтъ вакантныхъ мѣстъ, или если дѣти старше или моложе пріемныхъ лѣтъ, или не выдержатъ

экзамена, а тѣмъ болѣе протекціи такого незначительнаго человѣка, какъ онъ, который, сверхъ того, служитъ совсѣмъ по другому вѣдомству и не знакомъ ни съ кѣмъ изъ начальниковъ учебныхъ заведеній. Разочарованные провинціалы удаляются въ бѣшенствѣ; вопіютъ противъ столичнаго эгоизма и развращенія и говорятъ о своемъ родственникѣ, какъ о чудовищѣ. А между тѣмъ это можетъ быть очень порядочный человѣкъ: вся вина его въ томъ, что онъ не захотѣлъ обратить своей квартиры въ безобразный таборъ, лишить себя всякаго пріюта въ собственномъ домѣ, всякой возможности заниматься дѣлами службы въ тиши своего кабинета, принимать у себя по вечерамъ людей, или близкихъ ему, или полезныхъ и необходимыхъ ему по службѣ, и такимъ образомъ стѣснить себя, подвергнуть себя тяжкимъ лишеніямъ для людей, совершенно чуждыхъ ему, съ которыми бы онъ не захотѣлъ вести и обыкновеннаго знакомства. А между тѣмъ и эти провинціалы по-своему люди добрые и даже неглупые; вся вина ихъ въ томъ, что, отправляясь въ столицу, они увѣрены найти въ ней, за исключеніемъ огромности, великолѣпія и модныхъ магазиновъ, свой городокъ, съ тѣми же нравами, обычаями и понятіями. Они по-своему любятъ роскошь и великолѣпіе, хотя и безъ вкуса, при средствахъ готовы изукрасить всячески свою залу и гостиную; о кабинетѣ не имѣютъ и понятія и не знаютъ зачѣмъ онъ; спальня и дѣтская у нихъ всегда самыя грязныя комнаты; имъ ничего не стòитъ потѣсниться и пожаться, понятіе о комфортѣ не существуетъ для нихъ, они привыкли къ тѣснотѣ, любятъ ее по пословицѣ: въ тѣснотѣ люди живутъ, да и жилымъ крѣпче пахнетъ. Они всякому рады и, по словамъ Петра Иваныча, хоть ночью ужинъ состряпаютъ. По замѣчанію его племянника, эта черта составляетъ добродѣтель русскихъ, съ чѣмъ Петръ Иванычъ рѣшительно не согласенъ. „Какая тутъ добродѣтель“, — говоритъ онъ. — „Отъ скуки такъ всякому мерзавцу рады; милости просимъ, кушай сколько хочешь, только займи какъ-нибудь нашу праздность, помоги убить время, да дай взглянуть на тебя: все-таки что-нибудь новое; а кушанья не пожалѣемъ: это намъ здѣсь ровно ничего не стоитъ... Препротивная добродѣтель“. Петръ Иванычъ выразился немного жестко, но не совсѣмъ несправедливо. Дѣйствительно, радушіе и гостепріимство провинціаль-

ное больше всего основывается на бездѣйствіи, праздности, скукѣ, привычкѣ. Силу столичныхъ людей они измѣряютъ не мѣстомъ, не связями, не вліяніемъ, а чиномъ, и отъ души увѣрены, что если кто дѣйствительный статскій совѣтникъ, такъ ужъ непремѣнно всемогущая особа, которой стоитъ только сказать слово, чтобы сейчасъ рѣшили въ вашу пользу процессъ, тянувшійся пятьдесятъ лѣтъ, приняли вашихъ дѣтей въ учебное заведеніе, дали вамъ выгодное мѣсто, чинъ и орденъ. Откажите имъ въ какой-нибудь просьбѣ, при всемъ вашемъ желаніи исполнить ее, но по невозможности выполнить, — и вотъ вы самый безнравственный человѣкъ въ мірѣ, вы зазнались подняли носъ, презираете провинціаловъ. А у нихъ первая добродѣтель — ни передъ кѣмъ не зазнаваться, не отказываться ни отъ чьего знакомства и быть готовымъ къ услугамъ всѣмъ и каждаго. Правда, нигдѣ нѣтъ такого важничанья, ломанья, счета старшинствомъ, чинами, званіемъ; но этотъ порокъ, опасный для общаго мира и согласія, смягчается тамъ готовностію съежиться въ присутствіи человѣка, который хотя однимъ чиномъ выше, и въ то же самое время не уронить своего достоинства передъ тѣмъ, кто чиномъ ниже. Впрочемъ, эта добродѣтель процвѣтаетъ и въ столицѣ, хотя и въ болѣе тонкихъ формахъ. Но въ провинціи это дѣлается съ истинно аркадскою наивностію. „Э, братецъ (говоритъ богатый помѣщикъ или важный чиновникъ бѣдному помѣщику или чиновнику), ты меня вовсе забылъ, аль недоволенъ мной, или плохо кормлю; кажется, у меня для тебя всегда есть плошка за столомъ, шутъ ты гороховый!“ Бѣднякъ слегка сконфузится, бормочетъ извиненія, держась передъ своимъ патрономъ въ почтительной позѣ; но въ глазахъ его сіяетъ удовольствіе: онъ знаетъ гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость, и что въ иной брани больше любви, чѣмъ въ иной ласкѣ. „Ну, да хорошо, Богъ тебя проститъ, теперь пойдемъ-ка хлѣба-соли откушать, обѣдъ готовъ“. И оба довольны: одинъ, — что выполнилъ въ точности законы патріархальнаго гостепріимства и обласкалъ бѣднаго человѣка; другой, — что хорошо принятъ и обласканъ такою важною въ его глазахъ персоною. И этотъ бѣднякъ всегда предпочтетъ обществу совершенно равныхъ ему людей не только общество аристократовъ его захолустья, но и общество низшихъ ему людей, потому что онъ тогда только

и чувствуетъ свое достоинство, когда унижается передъ высшимъ и ломается передъ низшимъ. Конечно, это отнюдь не можетъ относиться ко всѣмъ провинціаламъ; вездѣ есть образованные, умные и достойные, но они вездѣ въ меньшинствѣ, а мы говоримъ о большинствѣ. Непосредственное вліяніе окружающей человѣка среды такъ на него сильно, что лучшіе изъ провинціаловъ бываютъ не чужды провинціальныхъ предразсудковъ, и на первый разъ теряются, пріѣхавши въ столицу.

Тутъ все дико имъ, все не такъ какъ у нихъ. Тамъ жизнь простая, нараспашу; ходятъ другъ къ другу во всякое время, безъ доклада. Приходитъ сосѣдъ къ сосѣду: въ прихожей или нѣтъ никого, или спитъ на грязномъ залавкѣ небритый лакей, или оборванный мальчишка, а спитъ онъ потому, что ему нечего дѣлать, хотя окружающая его грязь и вонь могли бы дать ему работы дня на два. И вотъ гость входитъ въ залу — нѣтъ никого; въ гостиную — тоже никого; онъ въ спальню — и вдругъ тамъ раздается визгливое ахъ; гость говоритъ въ пріятномъ замѣшательствѣ: извините-съ, медленно пятится въ гостиную, къ нему кто-нибудь выбѣгаетъ, изъявляетъ свой восторгъ отъ его посѣщенія, и оба смѣются надъ забавнымъ приключеніемъ. А здѣсь, въ столицѣ, все назаперти, вездѣ колокольчики, вездѣ неизбѣжное: какъ прикажете доложить? а потомъ то дома нѣтъ, то нездоровъ, то просятъ извинить — заняты; а когда примутъ, то, конечно, вѣжливо, но зато какъ равнодушно, холодно, никакого радушія, ни позавтракать, ни пообѣдать не пригласятъ...

Но обратимся къ герою „Обыкновенной исторіи". Въ немъ есть чувство диликатности и приличія; хотя онъ и былъ увѣренъ, что дядя приметъ его съ восторгомъ и помѣститъ у себя въ квартирѣ, однако какое-то темное чувство заставило его остановиться въ трактирѣ. Еслибъ онъ сдѣлалъ хорошую привычку разсуждать о томъ, что всего ближе къ нему, онъ пораздумался бы о темномъ чувствѣ, которое заставило его въѣхать въ трактиръ, а не прямо на квартиру дяди, и скоро понялъ бы, что нѣтъ никакихъ причинъ ожидать отъ дяди другого пріема, кромѣ какъ развѣ равнодушно-ласковаго, и что нѣтъ у него никакихъ правъ на жительство у него въ квартирѣ. Но къ несчастью, онъ привыкъ разсуждать только о любви, дружбѣ и другихъ высокихъ и да-

лекихъ предметахъ, и потому явился къ дядѣ провинціаломъ съ ногъ до головы. Исполненныя ума и здраваго смысла слова дяди ничего не растолковали ему, а только произвели на него тяжелое грустное впечатлѣніе и заставили его романтически страдать. Онъ былъ трижды романтикъ — по натурѣ, по воспитанію и по обстоятельствамъ жизни, между тѣмъ какъ и одной изъ этихъ причинъ достаточно, чтобъ сбить съ толку порядочнаго человѣка и заставить его надѣлать тьму глупостей. Нѣкоторые находятъ, что онъ съ своими вещественными знаками невещественныхъ отношеній и другими черезчуръ ребяческими выходками не совсѣмъ вѣроятенъ, особенно въ наше время. Не споримъ, можетъ-быть въ этомъ замѣчаніи и есть доля правды; да дѣло-то въ томъ, что полное изображеніе характера молодого Адуева надо искать не здѣсь, а въ его любовныхъ похожденіяхъ. Въ нихъ онъ весь, въ нихъ онъ представитель множества людей похожихъ на него какъ двѣ капли воды и дѣйствительно обрѣтающихся въ здѣшнемъ мірѣ. Скажемъ нѣсколько словъ объ этой не новой, но все еще интересной породѣ, къ которой принадлежитъ этотъ романтическій звѣрокъ.

Эта порода людей, которыхъ природа съ избыткомъ надѣляетъ нервическою чувствительностію, часто доходящею до болѣзненной раздражительноости (susceptibilité). Они рано обнаруживаютъ тонкое пониманіе неопредѣленныхъ ощущеній и чувствъ, любятъ слѣдить за ними, наблюдать ихъ и называютъ это — наслаждаться внутреннею жизнію. Поэтому они очень мечтательны и любятъ или уединеніе, или кругъ избранныхъ друзей, съ которыми бы они могли говорить о своихъ ощущеніяхъ, чувствахъ и мысляхъ, хотя мыслей у нихъ такъ же мало, какъ много ощущеній и чувствъ. Вообще они богато одарены отъ природы душевными способностями, но дѣятельность ихъ способностей чисто страдательная: иные изъ нихъ много понимаютъ, но ни одинъ неспособенъ что-нибудь дѣлать, производить; онъ немножко музыкантъ, немножко живописецъ, немножко поэтъ, даже при нуждѣ немножко критикъ и литераторъ, но всѣ эти таланты у него таковы, что онъ не можетъ ими пріобрѣсти не только славы или извѣстности, но даже выработывать посредственное содержаніе. Изъ всѣхъ умственныхъ способностей въ нихъ сильно развиваются воображеніе и фантазія, но не та фан-

тазія, посредствомъ которой поэтъ творитъ, а та фантазія, которая заставляетъ человѣка наслажденіе мечтами о благахъ жизни предпочитать наслажденію дѣйствительными благами жизни. Это они называютъ жить высшею жизнію, недоступною для презрѣнной толпы, парить горѣ, тогда какъ презрѣнная толпа пресмыкается долу. Отъ природы они очень добры, симпатичны, способны къ великодушнымъ движеніямъ; но какъ фантазія въ нихъ преобладаетъ надъ разсудкомъ и сердцемъ, то они скоро доходятъ до сознательнаго презрѣнія къ „пошлому здравому смыслу — этому, по ихъ мнѣнію, достоинству людей матеріальныхъ, грубыхъ и ничтожныхъ, для которыхъ не существуетъ высокаго и прекраснаго“; сердце ихъ, безпрестанно насилуемое въ его инстинктахъ и стремленіяхъ ихъ волею, подъ управленіемъ фантазіи, скоро скудѣетъ любовью, и они дѣлаются ужасными эгоистами и деспотами, сами того не замѣчая, а, напротивъ того, будучи добросовѣстно убѣждены, что они самые любящіе и самоотверженные люди. Такъ какъ въ дѣтствѣ они удивляли всѣхъ раннимъ и быстрымъ развитіемъ своихъ способностей и оказывали, сколько своими достоинствами, столько же и недостатками, сильное вліяніе надъ своими сверстниками, изъ которыхъ иные были гораздо выше ихъ, — естественно, что они были захвалены съ раннихъ лѣтъ и сами о себѣ возымѣли высокое понятіе. Природа и безъ того отпустила имъ самолюбія гораздо больше, нежели сколько нужно его для эквилибра человѣческой жизни; удивительно ли, что легкіе и мало заслуженные блестящіе успѣхи усиливаютъ у нихъ самолюбіе до невѣроятной степени? Но самолюбіе въ нихъ бываетъ всегда такъ замаскированно, что они добросовѣстно не подозрѣваютъ его въ себѣ, искренно принимаютъ его за геніальное стремленіе къ славѣ, ко всему великому, высокому и прекрасному. Они долго бываютъ помѣшаны на трехъ завѣтныхъ идеяхъ: это — слава, дружба и любовь. Все остальное для нихъ не существуетъ; это, по ихъ мнѣнію, достояніе презрѣнной толпы. Всѣ роды славы для нихъ равно обольстительны, и сначала они долго колеблются, какой избрать путь для достиженія славы. Имъ и въ голову не приходитъ, что кто считаетъ себя равно способнымъ ко всѣмъ поприщамъ славы, тотъ не способенъ ни къ какому, — что самые великіе люди узнавали о своей геніальности не прежде,

какъ сдѣлавши сперва что-нибудь дѣйствительно великое и геніальное, и узнають это не по собственному сознанію, а по одобрительнымъ и восторженнымъ кликамъ толпы. И вотъ манитъ ихъ военная слава, имъ очень бы хотѣлось въ Наполеоны, но только не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ на первый случай дали подъ команду хоть не большую, хоть стотысячную армію, чтобъ они сейчасъ же могли начинать блестящій рядъ побѣдъ своихъ. Манитъ ихъ и гражданская слава, но не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ прямо махнуть въ министры и сейчасъ же преобразовать государство (у нихъ же всегда готовы въ головѣ превосходные проекты для всякаго рода реформъ, стòитъ только присѣсть да написать). Но какъ зависть людей сдѣлала невозможными такіе геніальные скачки для такихъ геніальныхъ людей, и требуетъ, чтобъ всякій начиналъ свое поприще сначала, а не съ конца, и на дѣлѣ, а не на словахъ только, доказалъ бы свою геніальность, то наши геніи поневолѣ скоро обращаются къ другимъ путямъ славы. Хватаются они иногда и за науку, но не надолго: сухая и скучная матерія, надобно много учиться, много работать, и нѣтъ никакой пищи сердцу и фантазіи. Остается искусство; но какое же избрать? Архитектура, скульптура, живопись и музыка никакому генію не даются безъ тяжкаго и продолжительнаго труда, и, что̀ всего хуже и обиднѣе для романтиковъ, сначала труда чисто матеріальнаго и механическаго. Остается поэзія — и вотъ они бросаются къ ней со всего размаху, и, еще ничего не сдѣлавши, въ мечтахъ своихъ украшаютъ себя огненнымъ ореоломъ поэтической славы. Главное ихъ заблужденіе состоитъ еще не въ нелѣпомъ убѣжденіи, что въ поэзіи нуженъ только талантъ и вдохновеніе, что кто родился поэтомъ, тому ничего не нужно учиться, ничего не нужно знать: у кого дѣйствительно есть большой талантъ, тотъ силою самаго таланта скоро пойметъ нелѣпость этой мысли и начнетъ все изучать, ко всему прислушиваться и приглядываться. Нѣтъ, главное и гибельное ихъ заблужденіе состоитъ въ томъ, что они увѣрили себя въ своемъ поэтическомъ призваніи, какъ въ непреложной истинѣ, срослись съ этою несчастною мыслію, такъ что разочароваться въ ней значитъ для нихъ потерять всякую вѣру въ себя и въ жизнь, и въ цвѣтѣ лѣтъ сдѣлаться паралитическими стари-

ками. И вотъ нашъ романтикъ принимается писать стихи и говоритъ въ нихъ о томъ, о чемъ давно прежде него было сказано и великими и малыми поэтами и вовсе не поэтами. Онъ воспѣваетъ въ нихъ свои страданія, которыхъ не испыталъ, говоритъ о своихъ темныхъ надеждахъ, изъ которыхъ видно только то, что онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ; простираетъ къ братьямъ людямъ горячія объятія и хочетъ разомъ прижать къ сердцу все человѣчество или горько жалуется, что толпа холодно отвернулась отъ его братскихъ объятій. Бѣднякъ не понимаетъ, что, сидя въ кабинетѣ, ничего не стоитъ вдругъ возгорѣться самою неистовою любовью къ человѣчеству, по крайней мѣрѣ, гораздо легче нежели провести безъ сна хотя одну ночь у постели трудно больного. Обыкновенно романтики придаютъ страшную цѣну чувству, думаютъ, что только одни они надѣлены сильными чувствами, а другіе лишены ихъ, потому что не кричатъ о своихъ чувствахъ. Чувство, конечно, важная сторона въ натурѣ человѣка, но не всѣ и не всегда поступаютъ въ жизни сообразно съ своею способностію чувствовать глубоко и сильно. Случается и такъ, что иной, чѣмъ сильнѣе чувствуетъ, тѣмъ безчувственнѣе живетъ: рыдаетъ отъ стиховъ, отъ музыки, отъ живого изображенія человѣческихъ бѣдствій въ романѣ или повѣсти — и равнодушно проходитъ мимо дѣйствительнаго страданія, которое у него передъ глазами. Иной управляющій, изъ нѣмцевъ, со слезами восторга на глазахъ читаетъ своей Минхенъ какое-нибудь восторженное посланіе Шиллера къ Лаурѣ, и кончивши послѣдній стихъ, съ неменьшимъ удовольствіемъ идетъ пороть мужиковъ за то, что они осмѣлились робко намекнуть своему милостивому барину, что они не совсѣмъ довольны отеческими попеченіями управляющаго о ихъ благосостояніи, отъ которыхъ только одинъ онъ и жирѣетъ, а они все худѣютъ. — Стихи нашего романтика гладки, блестящи, не лишены даже поэтической обработки; хотя въ нихъ и довольно реторической водицы, однако въ нихъ мѣстами проглядываетъ чувство, иногда даже блеснетъ мысль (какъ отголосокъ чужой мысли), — словомъ, замѣтно что-то въ родѣ таланта. Стихи его печатаются въ журналахъ, многіе ихъ хвалятъ; а если онъ явится съ ними въ переходную эпоху литературы, онъ можетъ пріобрѣсти даже значительную извѣстность

Но переходныя эпохи литературы особенно гибельны для такихъ поэтовъ: ихъ извѣстность, пріобрѣтенная въ короткое время чѣмъ-то, и въ короткое же время исчезаетъ просто отъ ничего: сперва ихъ стихи перестаютъ хвалить, потомъ читать, а, наконецъ, и печатать. Но молодому Адуеву не удалось насладиться хотя на мгновеніе даже ложною извѣстностію: его не допустили до этого и время, въ которое онъ вышелъ съ своими стихами, и умный откровенный дядя. Его несчастіе состояло не въ томъ, что онъ былъ бездаренъ, а въ томъ, что у него вмѣсто таланта былъ полуталантъ, который въ поэзіи хуже бездарности, потому что увлекаетъ человѣка ложными надеждами. Вы помните, чего ему стоило разочарованіе въ своемъ поэтическомъ призваніи...

Дружба также дорого обходится романтикамъ. Всякое чувство, чтобъ быть истиннымъ, дожно быть прежде всего естественно и просто. Дружба иногда завязывается отъ сходства, а иногда отъ противоположности натуръ; но во всякомъ случаѣ, она чувство невольное, именно потому, что свободное; имъ управляетъ сердце, а не умъ и воля. Друга нельзя искать, какъ подрядчика на работу, друга нельзя выбрать; друзьями дѣлаются случайно и незамѣтно; привычка и обстоятельства жизни скрѣпляютъ дружбу. Истинные друзья не даютъ имени соединяющей ихъ симпатіи, не болтаютъ о ней безпрестанно, ничего не требуютъ одинъ отъ другого во имя дружбы, но дѣлаютъ другъ для друга что̀ могутъ. Бывали примѣры, что другъ не выносилъ смерти своего друга и умиралъ вскорѣ послѣ него; другой отъ потери своего друга изъ веселаго человѣка дѣлается на всю жизнь меланхоликомъ; а третій поскорбитъ потужитъ, да и утѣшится, но если онъ навсегда сохранитъ воспоминаніе, и оно будетъ для него вмѣстѣ и грустно и отрадно, онъ былъ истиннымъ другомъ умершаго, хотя не только не умеръ самъ отъ его потери, не сошелъ съ ума, не сдѣлался меланхоликомъ, но еще нашелъ силу быть довольно счастливымъ въ жизни и безъ друга. Степень и характеръ дружбы зависятъ отъ личностей друзей; тутъ главное, чтобъ не было въ отношеніяхъ ничего натянутаго, напряженнаго, восторженнаго, ничего похожаго на долгъ и обязанность, а то иной готовъ и Богъ знаетъ на какія самопожертвованія для своего друга, чтобы сказать самому себѣ, а иногда и дру-

гамъ: „вотъ каковъ я въ дружбѣ!“ или: „вотъ къ какой дружбѣ я способенъ!“ Этотъ-то родъ дружбы обожаютъ романтики. Они дружатся по программѣ, заранѣе составленной, гдѣ съ точностію опредѣлены сущность права и обязанности дружбы; они только не заключаютъ контрактовъ съ своими друзьями. Имъ дружба нужна чтобъ удивить міръ и показать ему, какъ великія натуры въ дружбѣ отличаются отъ обыкновенныхъ людей, отъ толпы. Ихъ тянетъ къ дружбѣ не столько потребность симпатіи столь сильной въ молодыя лѣта, сколько потребность имѣть при себѣ человѣка, которому бы они безпрестанно могли говорить о драгоцѣнной своей особѣ. Выражаясь ихъ высокимъ слогомъ, для нихъ другъ есть драгоцѣнный сосудъ для излiянiя самыхъ святыхъ и завѣтныхъ чувствъ, мыслей, надеждъ, мечтаній и т. д.; тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ въ ихъ глазахъ другъ есть лахань, куда они выливаютъ помои своего самолюбія. Зато они и не знаютъ дружбы, потому что друзья ихъ скоро оказываются неблагодарными, вѣроломными, извергами, и они еще сильнѣе злобствуютъ на людей, которые не умѣли и не хотѣли понять и оцѣнить ихъ....

Любовь обходится имъ еще дороже, потому что это чувство само по себѣ живѣе и сильнѣе другихъ. Сперва они сочиняютъ программу любви, потомъ ищутъ достойной себя женщины, а за неимѣніемъ таковой любятъ пока какую-нибудь: имъ ничего не стоитъ велѣть себѣ любить, вѣдь у нихъ все дѣлаетъ голова, а не сердце. Имъ любовь нужна не для счастія, не для наслажденія, а для оправданія на дѣлѣ своей высокой теоріи любви. И они любятъ по тетрадкѣ и больше всего боятся отступить хотя отъ одного параграфа своей програмы. Главная ихъ забота являться въ любви великими, и ни въ чемъ не унизиться до сходства съ обыкновенными людьми. И однакожъ въ любви молодого Адуева къ Надинькѣ было столько истиннаго и живого чувства; природа заставила на время молчать его романтизмъ, но не побѣдила его. Онъ бы могъ быть счастливъ надолго, но былъ только на минуту, потому что все самъ испортилъ. Надинька была умнѣе его, а главное попроще и естественнѣе. Капризное избалованное дитя, она любила его сердцемъ, а не головою, безъ теорій и безъ претензій на геніальность; она видѣла въ любви только ея свѣтлую и веселую сторону,

и потому любила какъ будто шутя — шалила, кокетничала, дразнила Адуева своими капризами. Но онъ любилъ „горестно и трудно", весь задыхающійся, весь въ пѣнѣ словно лошадь, которая тащитъ въ гору тяжелый возъ. Какъ романтикъ, онъ былъ и педантъ: легкость, шутка оскорбляли въ его глазахъ святое и высокое чувство любви. Любя, онъ хотѣлъ быть театральнымъ героемъ. Онъ скоро все переболталъ съ Наденькой о своихъ чувствахъ, пришлось повторять старое, а Наденька хотѣла, чтобъ онъ занималъ не только ея сердце, но и умъ, потому что она была пылка, впечатлительна, жаждала новаго; все привычное и однообразное скоро наскучало ей. Но къ этому Адуевъ былъ человѣкъ самый неспособный въ мірѣ, потому что собственно его умъ спалъ глубокимъ и непробуднымъ сномъ: считая себя великимъ философомъ, онъ не мыслилъ, а мечталъ, бредилъ на яву. При такихъ отношеніяхъ къ предмету его любви, ему былъ опасенъ всякой соперникъ, — пусть онъ былъ бы хуже его, лишь бы только не походилъ на него и могъ бы имѣть для Наденьки прелесть новости, а тутъ вдругъ является графъ, человѣкъ съ блестящимъ свѣтскимъ образованіемъ. Адуевъ, думая повести себя въ отношеніи къ нему истиннымъ героемъ, черезъ это самое повелъ себя какъ глупый, дурно воспитанный мальчишка, и этимъ испортилъ все дѣло. Дядя объяснилъ ему, но поздно и безполезно для него, что во всей этой исторіи былъ виноватъ только одинъ онъ. Какъ жалокъ этотъ несчастный мученикъ своей извращенной и ограниченной натуры въ послѣднемъ его объясненіи съ Наденькой и потомъ въ разговорѣ съ дядею! Страданія его невыносимы; онъ не можетъ не согласиться съ доводами дяди и между тѣмъ все таки не можетъ понять дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ. Какъ! ему унизиться до такъ называемыхъ хитростей, ему, который затѣмъ и полюбилъ, чтобъ удивить себя и міръ своею громадною страстію, хотя міръ и не думалъ заботиться ни о немъ ни о его любви! По его теоріи, судьба должна была послать ему такую же великую героиню, какъ онъ самъ, и вмѣсто этого послала легкомысленную дѣвчонку, бездушную кокетку! Наденька, которая еще недавно была въ глазахъ его выше всѣхъ женщинъ, теперь вдругъ стала ниже всѣхъ ихъ! Все это было бы очень смѣшно, еслибъ не было такъ грустно. Ложныя причины производятъ

такія же мучительныя страданія, какъ и истинныя. Но вотъ мало-по-малу онъ перешелъ отъ мрачнаго отчаянія къ холодному унынію и, какъ истинный романтикъ, началъ щеголять и кокетничать „своею нарядною печалью“. Прошелъ годъ, и онъ уже презираетъ Наденьку, говоря, что въ ея любви не было нисколько героизма и самоотверженія. На вопросъ тетки: какой любви потребовалъ бы онъ отъ женщины? онъ отвѣчалъ: я бы потребовалъ отъ нея первенства въ ея сердцѣ, любимая женщина не должна замѣчать, видѣть другихъ мужчинъ, кромѣ меня; всѣ они должны казаться ей невыносимы; я одинъ выше, прекраснѣе (тутъ онъ выпрямился), лучше благороднѣе всѣхъ. Каждый мигъ, прожитый не со мной, для нея потерянный мигъ, въ моихъ глазахъ, въ моихъ разговорахъ должна она почерпать блаженство и не знать другого; для меня она должна жертвовать всѣмъ: презрѣнными выгодами, расчетами, свергнуть съ себя деспотическое иго матери, мужа, бѣжать, если нужно, на край свѣта, сносить энергически всѣ лишенія, наконецъ презрѣть самую смерть, — вотъ любовь!“

Бѣдный мечтатель увѣренъ, что въ его словахъ выразилась страсть, къ которой способны только полубоги, а не простые смертные; и между тѣмъ тутъ выразились только самое необузданное самолюбіе и самый отвратительный эгоизмъ. Ему нужно не любовницу, а рабу, которую онъ могъ бы безнаказанно мучить капризами своего эгоизма и самолюбія. Прежде, чѣмъ требовать такой любви отъ женщины, ему слѣдовало бы спросить себя, способенъ ли самъ заплатить такою же любовью; чувство увѣряло его, что способенъ, тогда какъ въ этомъ случаѣ нельзя вѣрить ни чувству ни уму, а только опыту, но для романтиковъ чувство есть единственный непогрѣшительный авторитетъ въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ жизни. Но если бы онъ и былъ способенъ къ такой любви, это бы должно было быть для него причиною бояться любви и бѣжать отъ нея, потому что это любовь не человѣческая, а звѣрная, взаимное терзаніе другъ друга. Любовь требуетъ свободы; отдаваясь другъ другу по временамъ, любящіеся по временамъ хотятъ принадлежать и самимъ себѣ. Адуевъ требуетъ любви вѣчной, не понимая того, что чѣмъ любовь живѣе, страстнѣе, чѣмъ ближе подходитъ подъ любимый идеалъ поэтовъ, тѣмъ она кратко-

временнѣе, тѣмъ скорѣе охлаждается и переходитъ въ равнодушіе, а иногда и въ отвращеніе. И наоборотъ. чѣмъ любовь спокойнѣе и тише, т.-е. чѣмъ прозрачнѣе, тѣмъ продолжительнѣе: привычка скрѣпляетъ ее на всю жизнь. Поэтическая, страстная любовь — это цвѣтъ нашей жизни, нашей молодости; ее испытываютъ рѣдкіе, и только одинъ разъ въ жизни, хотя послѣ иные любятъ и еще нѣсколько разъ, да ужъ не такъ, потому что, какъ сказалъ нѣмецкій поэтъ, май жизни цвѣтетъ только разъ. Шекспиръ не даромъ заставилъ умереть Ромео и Юлію въ концѣ своей трагедіи: черезъ это они остаются въ памяти читателя героями любви, ея апоѳеозою; оставь же онъ ихъ въ живыхъ, они представлялись бы намъ счастливыми супругами, которые сидя вмѣстѣ зѣваютъ, а иногда и ссорятся, въ чемъ вовсе нѣтъ поэзіи.

Но вотъ судьба послала нашему герою именно такую женщину, т.-е. такую же, какъ онъ, испорченную, съ вывороченнымъ на изнанку сердцемъ и мозгомъ. Сначала онъ утопалъ въ блаженствѣ, все забылъ, все бросилъ, съ утра до поздней ночи просиживалъ у ней каждый день. Въ чемъ же заключалось его блаженство? Въ разговорахъ о своей любви. И этотъ страстный молодой человѣкъ, сидя наединѣ съ прекрасною молодою женщиною, которая его любитъ и которую онъ любитъ, не краснѣлъ, не блѣднѣлъ, не замиралъ отъ томительныхъ желаній; ему довольно было разговоровъ о взаимной ихъ любви!.. Однакожъ сердечныя изліянія съ Тафаевой скоро начали утомлять его; онъ думалъ поправить дѣло предложеніемъ жениться. Коли такъ, то надо бы было поторопиться; но онъ только думалъ, что рѣшился, а въ самомъ то дѣлѣ ему только былъ нуженъ предметъ для новыхъ мечтаній. Между тѣмъ Тафаева начала смертельно надоѣдать ему своей привязчивой любовью; онъ началъ тиранить ее самымъ грубымъ и отвратительнымъ образомъ, за то, что уже не любилъ ея. Еще прежде этого онъ ужъ начиналъ понимать, что свобода въ любви вещь недурная, что пріятно бывать у любимой женщины, но также пріятно быть вправѣ пройтись по Невскому, когда хочется, отобѣдать съ знакомыми и друзьями, провести съ ними вечеръ, — что, наконецъ, при любви можно не бросать и службы. Измучивши бѣдную женщину самымъ варварскимъ образомъ, взваливши на нее всю вину въ несчастіи, въ которомъ онъ былъ виноватъ

гораздо больше ея, — онъ рѣшился, наконецъ, сказать себѣ, что онъ ея не любитъ, и что ему пора покончить съ ней. Такимъ образомъ его глупый идеалъ любви былъ вдребезги разбитъ опытомъ. Онъ самъ увидѣлъ свою несостоятельность передъ любовью, о которой мечталъ всю жизнь свою. Онъ увидѣлъ ясно, что онъ вовсе не герой, а самый обыкновенный человѣкъ, хуже тѣхъ, кого презиралъ, что онъ самолюбивъ безъ достоинствъ, требователенъ безъ правъ, заносчивъ безъ силы, гордъ и надутъ собою безъ заслуги, неблагодаренъ, эгоистъ. Это открытіе словно громомъ пришибло его, но не заставило его искать примиренія съ жизнію, пойти настоящимъ путемъ. Онъ впалъ въ мертвую апатію и рѣшился отомстить за свое ничтожество природѣ и человѣчеству, связавшись съ животнымъ Костяковымъ и предавшись пустымъ удовольствіямъ, безъ всякой охоты къ нимъ. Послѣдняя его любовная исторія гадка. Онъ хотѣлъ погубить бѣдную страстную дѣвушку, такъ, отъ скуки. Отецъ дѣвушки далъ ему урокъ, страшный для его самолюбія: онъ обѣщалъ поколотить его; герой нашъ хотѣлъ съ отчаянія броситься въ Неву, но струсилъ. Концертъ, на который затащила его тетка, расшевелилъ въ немъ прежнія мечтанія и вызвалъ его на откровенное объясненіе съ теткою и дядею. Здѣсь онъ обвинилъ дядю во всѣхъ своихъ несчастіяхъ. Дядя по своему дѣйствительно кое въ чемъ сильно ошибался, но онъ былъ тутъ самимъ собою, не лгалъ, не притворялся, говорилъ по убѣжденію, что̀ думалъ и чувствовалъ; если слова его подѣйствовали на племянника болѣе вредно, нежели полезно, въ этомъ виновата ограниченная, болѣзненная и поврежденная натура нашего героя. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые иногда и видятъ истину, но, рванувшись къ ней, или не допрыгиваютъ до нее, или перепрыгиваютъ черезъ нее, такъ что бываютъ только около нея, но никогда въ ней. Выѣзжая изъ Петербурга въ деревню, онъ расквитался съ нимъ фразами и стихами и прочелъ стихотвореніе Пушкина: „Художникъ варваръ кисти сонной"... Эти господа ни на часъ безъ монологовъ и стиховъ — такіе болтуны!

Онъ пріѣхалъ въ деревню живымъ трупомъ; нравственная жизнь была въ немъ совершенно парализирована; самая наружность его сильно измѣнилась, мать едва узнала его. Съ нею онъ обошелся почтительно, но холодно, ничего ей

не открылъ, не объяснилъ. Онъ, наконецъ, понялъ, что между нимъ и ею нѣтъ ничего общаго, что еслибъ онъ сталъ ей объяснять, куда дѣвались его волоски, она поняла бы это такъ же, какъ Евсей и Аграфена. Ласки и угожденіе матери скоро стали ему въ тягость. Мѣста — свидѣтели его дѣтства, расшевелили въ немъ прежнія мечты, и онъ началъ хныкать о ихъ невозвратной потерѣ, говоря, что счастіе въ обманахъ и призракахъ. Это общее убѣжденіе всѣхъ дряблыхъ, безсильныхъ, недоконченныхъ натуръ. Вѣдь кажется, опытъ достаточно показалъ ему, что всѣ его несчастія произошли именно оттого, что онъ предавался обманамъ и мечтамъ: воображалъ, что у него огромный поэтическій талантъ, тогда какъ у него не было никакого, что онъ созданъ для какой то героической и самоотверженной дружбы и колоссальной любви, тогда какъ въ немъ ничего не было героическаго, самоотверженнаго. Это былъ человѣкъ обыкновенный, но вовсе не пошлый. Онъ былъ добръ, любящъ, и не глупъ, не лишенъ образованія; всѣ несчастія его произошли оттого, что будучи обыкновеннымъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ разыграть роль необыкновеннаго. Кто въ молодости не мечталъ, не предавался обманамъ, не гонялся за призраками, и кто не разочаровывался въ нихъ, и кому эти разочарованія не стоили сердечныхъ судорогъ, тоски, апатіи, и кто потомъ не смѣялся надъ ними отъ всей души? Но здоровымъ натурамъ полезна эта практическая логика жизни и опыта: они отъ нея развиваются и мужаютъ нравственно: романтики гибнутъ отъ нея...

Когда мы въ первый разъ читали письмо нашего героя къ теткѣ и дядѣ, писанное послѣ смерти его матери и исполненное душевнаго спокойствія и здраваго смысла, — это письмо подѣйствовало на насъ какъ то странно: но мы объяснили его себѣ такъ, что авторъ хочетъ послать своего героя снова въ Петербургъ затѣмъ, чтобы тотъ новыми глупостями достойно заключилъ свое донкихотское поприще. Письмомъ заключается вторая часть романа; эпилогъ начинается черезъ четыре года, послѣ вторичнаго пріѣзда нашего героя въ Петербургъ. На сценѣ Петръ Иванычъ. Это лицо введено въ романъ не само для себя, а для того, чтобы своею противоположностію съ героемъ романа лучше оттѣнить его. Это набросило на весь романъ нѣсколько дидактическій

оттѣнокъ, въ чемъ многіе безъ основанія упрекали автора. Но авторъ умѣлъ и тутъ показать себя человѣкомъ съ необыкновеннымъ талантомъ. Петръ Иванычъ — не абстрактная идея, живое лицо, фигура, нарисованная во весь ростъ кистью смѣлою, широкою и вѣрною. О немъ, какъ о человѣкѣ, судятъ или слишкомъ хорошо, или слишкомъ дурно, и въ обоихъ случаяхъ ошибочно. Одни хотятъ видѣть въ немъ какой-то идеалъ, образецъ для подражанія: это люди положительные и разсудительные. Другіе видятъ въ немъ чуть не изверга: это мечтатели. Петръ Иванычъ по своему человѣкъ очень хорошій; онъ уменъ, потому что хорошо понимаетъ чувства и страсти, которыхъ въ немъ нѣтъ, и которыя онъ презираетъ; существо вовсе не поэтическое, онъ понимаетъ поэзію въ тысячу разъ лучше своего племянника, который изъ лучшихъ произведеній Пушкина какъ то ухитрился набраться такого духа, какого можно было бы набраться изъ сочиненій фразеровъ и риторовъ. Петръ Ивановичъ эгоистъ, холоденъ по натурѣ, не способенъ къ великодушнымъ движеніямъ; но вмѣстѣ съ этимъ онъ не только не золъ, но положительно добръ. Онъ честенъ, благороденъ, не лицемѣръ, не притворщикъ, на него можно положиться, онъ не обѣщаетъ чего не можетъ или не хочетъ сдѣлать, а что обѣщаетъ, то непремѣнно сдѣлается. Словомъ, это въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, какихъ, дай Богъ, чтобъ было больше. Онъ составилъ себѣ непреложныя правила для жизни, собразуясь съ своею натурою и съ здравымъ смысломъ. Онъ ими не гордился и не хвастался, но считалъ ихъ непогрѣшительно-вѣрными. Дѣйствительно, мантія его практической философіи была сшита изъ прочной и крѣпкой матеріи, которая хорошо могла защищать его отъ невзгодъ жизни. Каковы же были его изумленіе и ужасъ, когда, доживъ до боли въ поясницѣ и до сѣдыхъ волосъ, онъ вдругъ замѣтилъ въ своей мантіи прорѣху — правда одну только, но зато какую широкую. Онъ не хлопоталъ о семейственномъ счастіи, но былъ увѣренъ, что утвердилъ свое семейственное положеніе на прочномъ основаніи, — и вдругъ увидѣлъ, что бѣдная жена его была жертвою его мудрости, что онъ заѣлъ ея вѣкъ, задушилъ ее въ холодной и тѣсной атмосферѣ.

Какой урокъ для людей положительныхъ, представителей здраваго смысла! Видно, человѣку нужно и еще чего-нибудь

немножко, кромѣ здраваго смысла! Видно, на границахъ-то крайностей больше всего и стережетъ насъ судьба. Видно. и страсти необходимы для полноты человѣческой натуры, и не всегда можно безнаказанно навязывать другому то счастіе, которое только насъ можетъ удовлетворить, но всякій человѣкъ можетъ быть счастливымъ только сообразно съ собственною натурою! Петръ Иванычъ хитро и тонко расчелъ, что ему надо овладѣть понятіями, убѣжденіями, склонностями своей жены, не давая ей этого замѣтить, вести ее по дорогѣ жизни, но такъ, чтобъ она думала, что сама идетъ; но онъ сдѣлалъ въ этомъ расчетѣ одну важную ошибку: при всемъ своемъ умѣ, онъ не сообразилъ, что для этого надо было выбрать жену, чуждую всякой страстности, всякой потребности любви и сочувствія, холодную, добрую, вялую, всего лучше пустую, даже немножко глупую. Но на такой онъ, можетъ-быть, не захотѣлъ бы жениться, по самолюбію; въ такомъ случаѣ ему слѣдовало вовсе не жениться.

Петръ Иванычъ выдержанъ отъ начала до конца съ удивительною вѣрностію; но героя романа мы не узнаемъ въ эпилогѣ: это лицо вовсе фальшивое, неестественное. Такое перерожденіе для него было бы возможно только тогда, если бъ онъ былъ обыкновенный болтунъ и фразеръ, который повторяетъ чужія слова, не понимая ихъ, наклепываетъ на себя чувства, восторги и страданія, которыхъ никогда не испытывалъ; но молодой Адуевъ, къ его несчастію, часто бывалъ слишкомъ искрененъ въ своихъ заблужденіяхъ и нелѣпостяхъ. Его романтизмъ былъ въ его натурѣ; такіе романтики никогда не дѣлаются положительными людьми. Авторъ имѣлъ бы скорѣе право заставить своего героя заглохнуть въ деревенской дичи въ апатіи и лѣни, нежели заставить его выгодно служить въ Петербургѣ и жениться на большомъ приданомъ. Еще бы лучше и естественнѣе было ему сдѣлать его мистикомъ, фанатикомъ, сектантомъ; но всего лучше и естественнѣе было бы ему сдѣлать его, напр., славянофиломъ. Тутъ Адуевъ остался бы вѣрнымъ своей натурѣ, продолжалъ бы старую свою жизнь, и между тѣмъ думалъ бы, что онъ и Богъ знаетъ какъ ушелъ впередъ, тогда какъ въ сущности онъ только бы перенесъ старыя знамена своихъ мечтаній на новую почву. Прежде онъ мечталъ о славѣ, о дружбѣ, о любви, а тутъ сталъ бы мечтать о народахъ и племенахъ,

о томъ, что на долю славянъ досталась любовь, а на долю тевтоновъ — вражда, о томъ, что во времена Гостомысла славяне имѣли высшую и образцовую для всего міра цивилизацію, что современная Россія быстро идетъ къ этой цивилизаціи, что этого не видятъ только слѣпые и ожесточенные разсудкомъ, а всѣ зрячіе и размягченные фантазіею давно это ясно видятъ. Тогда бы герой былъ вполнѣ современнымъ романтикомъ, и никому бы не вошло въ голову, что люди такого закала теперь уже не существуютъ...

Придуманная авторомъ развязка романа портитъ впечатлѣніе всего этого прекраснаго произведенія, потому что она неестественна и ложна. Въ эпилогѣ хороши только Петръ Иванычъ и Лизавета Александровна до самаго конца; въ отношеніи же къ герою романа эпилогъ хоть не читать... Какъ такой сильный талантъ могъ впасть въ такую странную ошибку? Или онъ не совладалъ съ своимъ предметомъ? Ничуть не бывало! Авторъ увлекся желаніемъ попробовать свои силы на чуждой ему почвѣ — на почвѣ сознательной мысли — и пересталъ быть поэтомъ. Г. Гончаровъ рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своею способностію рисовать; говорить и судить и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія ему надо предоставить своимъ читателямъ. Главная сила таланта г. Гончарова — всегда въ изящности и тонкости кисти, вѣрности рисунка; онъ неожиданно впадаетъ въ поэзію даже въ изображеніи мелочныхъ и постороннихъ обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, въ поэтическомъ описаніи процесса горѣнія въ каминѣ сочиненій молодого Адуева. Въ талантѣ г. Гончарова поэзія — агентъ первый, главный и единственный...

Несмотря на неудачный или, лучше сказать, на испорченный эпилогъ, романъ г. Гончарова остается однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы. Къ особеннымъ его достоинствамъ принадлежитъ, между прочимъ, языкъ чистый, правильный, легкій, свободный, льющійся. Разсказъ Гончарова въ этомъ отношеніи не печатная книга, а живая импровизація. Нѣкоторые жаловались на длинноту и утомительность разговоровъ между дядею и племянникомъ. Но для насъ эти разговоры принадлежатъ къ лучшимъ сторонамъ романа. Въ нихъ нѣтъ ничего отвлеченнаго, не идущаго къ дѣлу:

это — не диспуты, а живые, страстные, драматическіе споры, гдѣ каждое дѣйствующее лицо высказываетъ себя, какъ человѣка и характеръ, отстаиваетъ, такъ сказать, свое нравственное существованіе. Правда, въ такого рода разговорахъ, особенно при легкомъ, дидактическомъ колоритѣ, наброшенномъ на романъ, всего легче было спотккнуться хоть какому таланту; но тѣмъ больше чести г. Гончарому, что онъ такъ счастливо рѣшилъ трудную самоё по себѣ задачу и остался поэтомъ тамъ, гдѣ такъ легко было сбиться на тонъ резонера.

Бѣлинскій.

Гончарова упрекали, да и теперь часто упрекаютъ за то, что онъ не создалъ новыхъ типовъ, а разрабатывалъ лишь данные Пушкинымъ и Гоголемъ. Гончаровъ на этотъ упрекъ совершенно справедливо отвѣчалъ, что „дѣло не въ изобрѣтеніи типовъ (да коренныхъ общечеловѣческихъ типовъ и немного), а въ томъ, какъ у кого они выразились, какъ связались съ окружающею ихъ жизнію, и какъ послѣдняя на нихъ отразилась". И Гончаровъ не отрицалъ, что существуетъ сходство нѣкоторыхъ его героевъ съ типами Пушкина и Гоголя; онъ смиренно сознавался: „Всѣ мы, беллетристы, только перерабатываемъ завѣщанный ими матеріалъ". Главное вліяніе на свой талантъ Гончаровъ приписывалъ Пушкину: „онъ далъ намъ вѣчные образцы, по которымъ мы и учимся безсознательно писать, какъ живописцы по античнымъ статуямъ"[1]. Однако, сравнивая романы Гончарова съ произведеніями двухъ указанныхъ великихъ писателей, мы можемъ замѣтить едва или не большее сходство съ Гоголемъ. Правда, въ своемъ первомъ романѣ нашъ писатель является ученикомъ Пушкина, далекимъ, впрочемъ, рабскаго подражанія своему учителю. Племянникъ Адуевъ — какъ бы олицетвореніе участи, какую Пушкинъ считалъ возможною для мечтателя Ленскаго, который, какъ и молодой Адуевъ, тоже „любилъ восторженную рѣчь" и „славы сладкое мученье":

Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;

---

1) „Лучше поздно"... 8 т., стран. 239 и далѣе.

Его лелѣяла надежда,
И міра новый блескъ, и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего...
Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она:
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы...

Уже въ этомъ описаніи нельзя не видѣть прототипа молодого Адуева. А вотъ и подлинное, только продолженное окончаніе „Обыкновенной исторіи“:

А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ:
Прошли бы юношества лѣта,
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ;
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бъ съ музами, женился;
Въ деревнѣ счастливъ и рогатъ,
Носилъ бы стеганый халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ
И, наконецъ, въ своей постели
Скончался бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей.

Очевидно, Адуевъ — тотъ же Ленскій, но не Ленскій, идущій на дуэль изъ-за любимой дѣвушки, а Ленскій in potentia опошлѣвшій и бросившій свои поэтическіе восторги, правда, не для деревенскаго прозябанія, а во имѣ столичнаго бюрократизма; принявшій въ себя, такимъ образомъ, явленія позднѣйшаго времени русской жизни.

Изъ „Филол. Зап.“ за 1902 г.

Жизненныя условія, при которыхъ выросли и опредѣлились Адуевы.

Гончаровъ подробно разсказываетъ о томъ, какъ первоначально сложилась жизнь Александра Ѳедоровича... Она сложилась прежде всего въ деревнѣ, подъ вліяніемъ матери, ко-

торая внушала ему: „здѣсь ты одинъ всему господинъ“,— матери, которая въ немъ воспитала привычку считать всѣхъ вокругъ него обязанными угадывать каждое его желаніе, жить какъ бы только ему на угоду. „Нянька все пѣла ему въ колыбели, что онъ будетъ ходить въ золотѣ и не знать горя“. Вообще о слезахъ и бѣдствіи онъ зналъ только по слуху, какъ знаютъ о какой-нибудь заразѣ, которая не обнаружилась, но глухо гдѣ-то таится въ народѣ“. Мать, развившая въ немъ *эгоистическія наклонности,* умѣла какъ-то распорядиться такъ, что и самая религіозность, которую она ему, по-своему, проповѣдывала, способна была лишь питать въ немъ ту же эгоистическую закваску. При отправленіи его въ Петербургъ, говоря ему о Богѣ, о посѣщеніи церкви, она придаетъ этому значеніе какого-то исправнаго искательства высшей небесной протекціи; она пренаивно обѣщаетъ ему, что если бы самъ онъ сталъ въ этомъ отношеніи лѣниться, то она ему вымолитъ у Бога и чиновъ и крестовъ. Говоря о нищихъ, она соглашается, что надо, конечно, имъ помогать, потому что безъ этого не угодишь Богу, но что довольно, такъ сказать, только соблюдать обрядъ подаванія милостыни, вообще же много раздавать не слѣдуетъ,— надо копить для себя. Намекая на возможность выгодной женитьбы въ Петербургѣ, она прямо говоритъ, что Сонечку, которая его полюбила въ деревнѣ, можно и въ сторону; „что̀ она въ самомъ дѣлѣ воображаетъ! развѣ ты лучшей партіи не найдешь?“

Послѣ всего этого Бѣлинскій имѣлъ полное право назвать мать Адуева — „доброю внукой злой Простаковой“, а ею воспитаннаго Александра Ѳедоровича мы съ неменьшею справедливостью можемъ назвать своего рода „Митрофаномъ“. Для чего онъ ѣдетъ въ Петербургъ? Да онъ и самъ этого не знаетъ, онъ ѣдетъ искать *чего-то.* Не забудьте при этомъ, что онъ однакоже кончилъ курсъ въ университетѣ. Онъ открываетъ собою въ нашей литературѣ рядъ питомцевъ университета, вышедшихъ изъ стѣнъ его крайне мало подготовленными для настоящей жизненной дѣятельности, для дѣйствительно полезнаго служенія обществу. Гончаровъ объясняетъ это обстоятельство особымъ направленіемъ тѣхъ людей, которыхъ приходилось тогда слушать въ университетѣ. Молодому Адуеву профессора твердили, что онъ пойдетъ далеко, т.-е., разумѣется, они не лично къ нему это относили, но

онъ это заключилъ изъ ихъ курсовъ; они ему рисовали такія мечтательно неопредѣленныя картины будущей дѣятельности, въ которыхъ онъ, подъ вліяніемъ разыгравшагося воображенія, легко могъ найти себѣ видное мѣсто. Это были картины дѣятельности чисто заоблачной, ради пользы и добра *вообще, какой-то* пользы и *какого-то* добра *для всего человѣчества.*

И вотъ онъ самолюбиво мечталъ о подобной пользѣ, въ сущности только потѣшая этимъ и особеннымъ образомъ развивая свой доморощенный эгоизмъ, т.-е. онъ мечталъ, что выдвинется далеко изъ ряда, какими-то особенно блистательными успѣхами, и что на него будутъ съ уваженіемъ указывать пальцемъ. Когда онъ пріѣзжаетъ къ дядюшкѣ и тотъ начинаетъ допытываться, ради чего онъ стремился въ столицу, А. Адуевъ говоритъ: „Меня влекло неодолимое стремленіе, надежда благородной дѣятельности; во мнѣ кипѣло желаніе уяснить и осуществить тѣ надежды, которыя толпились...“ и т. д. Но тутъ же и признается: „у насъ профессоръ эстетики такъ говорилъ“. Дядя переводитъ на обыкновенный языкъ эти вдохновенныя рѣчи профессора эстетики.

— Сколько я могу припомнить университетскія лекціи и перевести слова твои, ты пріѣхалъ сюда дѣлать карьеру и фортуну?

— Да, дядюшка, „карьеру“, — совершенно искренно сознается племянникъ.

Такимъ образомъ оказывается, что дядя сразу понялъ его, — понялъ, что въ сущности племянникъ стремится къ тому же, къ чему и онъ самъ стремился всю свою жизнь; только племянникъ пока еще прикрываетъ эту цѣль грудой фразъ, заимствованныхъ изъ курса эстетики.

Молодой Адуевъ ищетъ сначала литературной славы. Дѣло въ томъ, что славы на служебномъ поприщѣ на первыхъ порахъ не добьешься; если бы можно было разомъ подняться повыше — тогда бы другое дѣло! Но низшія приготовительныя ступени мало льстятъ самолюбію; между тѣмъ и литературная слава ему не дается: дядюшка даже прямо доказываетъ ему, что у него нѣтъ таланта, — и вотъ онъ весь уходитъ въ чувство любви къ дѣвушкѣ, съ которой случайно сошелся. Гончаровъ очень подробно описываетъ это воркованье голубковъ, но сущность его заключается въ слѣ-

дующемъ выразительномъ разговорѣ между А. Адуевымъ и Наденькой:

— Ужели есть горе на свѣтѣ? — спрашиваетъ она.

— Говорятъ, есть, да я не вѣрю.

— Какое же горе можетъ быть?

— Дядюшка говоритъ: бѣдность...

— Бѣдность! да развѣ бѣдные не чувствуютъ того, что мы теперь? вотъ ужъ они и не бѣдны.

— Дядюшка говоритъ, что имъ не до того, нужно пить, ѣсть...

— Фи, ѣсть! дядюшка вамъ неправду говоритъ. Я не обѣдала сегодня, а какъ я счастлива"...

Въ этомъ миломъ разговорѣ выражается все міросозерцаніе этихъ *праздныхъ мечтателей*. Что она не знаетъ горя и выражается такъ наивно,— это неудивительно при томъ тепличномъ воспитаніи, которое получила она, подобно многимъ барышнямъ; но что онъ, кончившій курсъ въ университетѣ, держится такихъ же дѣтскихъ воззрѣній, — вотъ что̀ гораздо диковиннѣе, и объясняется только той безжизненностью, той отвлеченностью, которою такъ долго отличалась у насъ наука, потому-то и не бывшая въ состояніи исправлять недостатки домашняго барскаго воспитанія. Когда читаешь у Гончарова эти безконечныя сцены любви между А. Адуевымъ и Наденькой, то такъ и кажется, что они взялись разыграть роли того юноши и той дѣвицы изъ повѣсти А. Адуева, которые попали на какой-то необитаемый островъ и, живя на немъ, наслаждаются себѣ на просторѣ одной любовью. Искусственно уединившись отъ окружающаго ихъ многолюднаго міра, убаюкивая себя мечтою, что не существуетъ ни горя ни слезъ, Александръ Ѳедоровичъ и Наденька только любуются другъ на друга, — но читатель заранѣе чувствуетъ, что долго имъ такъ не прожить, что скоро ихъ одолѣетъ невыносимая скука. „Сердце Наденьки было занято, но умъ оставался празденъ: Александръ не позаботился дать ему пищи",— и вотъ онъ мало-по-малу надоѣдаетъ ей, прежде чѣмъ она ему надоѣла, что̀, разумѣется, также случилось бы ранѣе или позже. Чтобы успокоить его оскорбленное самолюбіе, дядя помогаетъ ему завязать другой романъ: въ него влюбляется женщина, къ которой уже самъ онъ первый охладѣваетъ. Все это очень просто и понятно: *самые*

неглубокіе люди не могутъ совершенно уйти въ одно только чувство любви; жизнь наша неизбѣжно дѣлается пуста и скучна, если у насъ не завязаны связи съ обществомъ, если намъ не досталась хотя бы самая малая доля участія въ міровой работѣ. Но Александръ не понимаетъ настоящей причины своихъ неудачныхъ романовъ. Два раза разочаровавшись въ любви, онъ готовъ окончательно махнуть рукою на все, готовъ съ досады погрязнуть въ животной жизни; сближаясь съ какимъ-то совершенно неразвитымъ человѣкомъ, онъ случайно завязываетъ, уже просто отъ скуки, третій романъ, который чуть было не довелъ его до совершеннаго нравственнаго паденія. Послѣ всего этого, дядюшка оказывается правымъ въ своемъ недовѣрчивомъ взглядѣ на тѣ выспреннія фразы, которыя такъ обильно расточались племянникомъ. Но хотѣлъ ли Гончаровъ сказать этимъ, что собственное направленіе дядюшки совершенно вѣрно; хотѣлъ ли онъ заоблачному мечтателю, пустозвонному идеалисту Александру Ѳедоровичу противопоставить трезваго, практическаго дядю, какъ высокій жизненный идеалъ? вотъ вопросъ. Я думаю, что нашъ авторъ поставилъ дядюшку выше племянника только въ томъ смыслѣ, что первый, по крайней мѣрѣ, не обманываетъ себя и другихъ, что онъ искрененъ, что въ немъ нѣтъ ничего напускного, что онъ откровенно высказываетъ, къ чему стремится. „Цѣль моей жизни — успѣхъ, выгода, та же, что у тебя, Александръ, но ты не сознаешься въ этомъ, а я сознаюсь", вотъ что̀, въ разныхъ видахъ, говоритъ онъ племяннику. Дядя не только прямѣе и, въ этомъ смыслѣ, честнѣе племянника; онъ и гораздо умнѣе его, сразу разгадывая и обнажая его передъ нимъ самимъ. Къ тому же, при всемъ своемъ дѣловомъ эгоизмѣ, онъ менѣе эгоистъ, чѣмъ племянникъ; въ немъ есть извѣстная доброта и даже теплота, онъ совершенно искренно упрекаетъ А. Адуева въ томъ, что, жалуясь на человѣчество вслѣдствіе своихъ неудачъ въ любви, онъ забываетъ о нѣжной дружбѣ тетки и, что̀ еще непростительнѣе, оставляетъ безъ писемъ свою старушку-мать, которая его безгранично любитъ. Тѣмъ не менѣе, Гончаровъ вовсе не хотѣлъ выставить дядюшку Петра Ивановича лицомъ образованнымъ; это ясно изъ того, что ему не удается доставить счастіе своей женѣ. „Мужъ ея неутомимо трудился, и все еще трудится. Но что̀ было глав-

ною цѣлью его трудовъ? Трудился ли онъ для общей человѣческой цѣли, для самаго труда, или только для мелочныхъ причинъ, чтобы пріобрѣсть между людьми чиновное и денежное значеніе?" — это оставалось для нея загадкою, а между тѣмъ она внутренно томилась чувствомъ нравственной неудовлетворености. Петръ Ивановичъ, при своемъ умѣ, не могъ, канонецъ, не понять этого, и въ этомъ заключается его нравственная кара". Не ясно ли изъ этого, что Гончаровъ представляетъ и дядю стоящимъ на ложной дорогѣ? Но припомнимъ также мастерское описаніе присутственнаго мѣста, въ которое попадаетъ молодой Адуевъ въ началѣ романа: „Каждый день, каждый часъ, и сегодня, и завтра, и цѣлый вѣкъ бюрократическая машина работаетъ стройно, исправно, безъ отдыха, какъ будто нѣтъ людей: одни колеса да пружины". А этотъ Юпитеръ-громовержецъ въ образѣ начальника отдѣленія: „откроетъ ротъ — и бѣжитъ Меркурій съ мѣдной бляхой на груди; протянетъ руку съ бумагой — и десять рукъ тянутся принять ее". Можетъ ли быть, чтобы, рисуя такого Юпитера, нашъ авторъ видѣлъ въ немъ свой идеалъ? Бѣлинскій вовсе не думалъ этого, а указывалъ на вполнѣ объективное отношеніе Гончарова ко всѣмъ его дѣйствующимъ лицамъ. Но странно, какимъ образомъ Бѣлинскій могъ находить неестественною развязку романа; какимъ образомъ могъ онъ думать, что вмѣсто прозаическаго брака, какимъ кончаетъ Александръ Адуевъ, вѣрнѣе было бы сдѣлать изъ него мистика, фанатика, сектанта. Едва ли все это не явилось у Бѣлинскаго подъ вліяніемъ желанія сказать, что можно бы было, наконецъ, сдѣлать изъ Александра „славянофила", т.-е., съ точки зрѣнія Бѣлинскаго, заоблачнаго мечтателя особаго покроя. Въ такомъ приговорѣ нельзя не признать увлеченія. Едва ли изъ основательнаго разбора личности А. Адуева можно вывести, чтобы онъ годился въ какіе бы то ни было сектанты. Въ головѣ его, собственно говоря, даже вовсе и не было никакихъ идей, а былъ только напускной фразистый идеализмъ, подъ которымъ скрывались препошленькія эгоистическія наклонности, какъ это, впрочемъ, и указалъ Бѣлинскій въ первой половинѣ своей характеристики Александра Адуева. *Ор. Миллеръ.*

Александръ Адуевъ, мы видимъ въ романѣ, отдѣлился отъ старины, и ошибочно Гончаровъ причислилъ его къ ней. Онъ ушелъ отъ своей родимой черемухи и сирени, отъ своего родного озера, отъ своей старушки — матери, носительницы старины, отъ всего, что его притягивало въ дѣтствѣ, на новую дорогу, въ университетъ и подчинился новымъ идеямъ. Это былъ первый шагъ къ новой жизни. Но теоріи университета все таки много гармонировали съ его прежней обстановкой, поэтому первый шагъ Адуева не былъ особенно труденъ. Онъ порвалъ связь со стариной. Въ дѣтствѣ Адуевъ видѣлъ не страданія, какъ другіе, а одно непрерывное счастье, и жилъ среди однѣхъ розовыхъ надеждъ. То же осталось у него и послѣ университета: онъ все мечтаетъ о какой то сладостной жизни, и радужныя краски все еще лежатъ на окружающемъ. „Жизнь, жизнь, какъ ты прекрасна!“ — твердилъ этотъ 20-лѣтней розовый юноша съ мягкими, шелковыми волосами и съ парою задумчивыхъ голубыхъ глазъ. Самою наружностью, какъ видно, Адуевъ напоминалъ ребенка. Уединенная жизнь, безъ тревогъ и волненій въ дѣтствѣ, породила въ немъ какой то свѣтлый, мечтательный взглядъ на окружающее. Тотъ же взглядъ остался у него и послѣ университета: „если бы ты перестроилъ жизнь, — говоритъ ему дядя — то, я думаю, у тебя среди розовыхъ кустовъ гуляли бы попарно любовники и друзья“. Въ дѣтствѣ Адуевъ жилъ избалованнымъ ребенкомъ, отдѣленнымъ отъ окружающей толпы. То же осталось въ немъ и послѣ, когда онъ сталъ юношей; у него была какая-то особенная вѣра въ самого себя, онъ постоянно отдѣлялъ себя отъ толпы, онъ обходилъ въ своихъ произведеніяхъ „пошлыхъ героевъ, которые встрѣчаются на каждомъ шагу, которые мыслятъ и дѣлаютъ, какъ дѣлаетъ толпа“. Его идеалъ были артисты, великіе поэты, корсары, жизнь которыхъ не походила на жизнь толпы, которые были выше ея цѣлою головою. И такого героя, между прочимъ, Адуевъ видѣлъ въ себѣ самомъ.

Но судьба заставила Александра сдѣлать второй шагъ, болѣе уже демократическій въ новизнѣ, она занесла его въ столицу; здѣсь Адуевъ встрѣтилъ совершенно иной міръ, другія мысли и теоріи, даже другую обстановку, другіе дома. Онъ долженъ былъ или подчиниться этой новизнѣ, представителемъ которой былъ его дядя, или уйти отъ нея, иначе

жизнь была бы невыносима. Онъ долженъ былъ разбить свои старыя вѣрованія и надежды, всѣ свои мечты о корсарахъ и герояхъ, все отвращеніе къ будничной жизни, къ толпѣ. Съ трудомъ, послѣ долгой борьбы, измученный Александръ, уступилъ новой жизни; ему хотѣлось бы удержать свою старину, свой прежній обликъ; его мягкая женственная натура долго боролась за старые идеалы. Но года сдѣлали свое: онъ уступилъ, такъ сказать, демократизовался, — онъ изъ мечтателя сдѣлался чиновникомъ — дѣльцомъ, одной изъ пружинъ машины; онъ по утрамъ занимался въ прозаическомъ департаментѣ, онъ съ высоты заоблачныхъ думъ спустился къ назему и картофелю; онъ потерялъ поэтическій языкъ, и у него явился „строгій, сжатый стиль", онъ уже написалъ вторую повѣсть съ болѣе реальнымъ содержаніемъ; онъ потерялъ отчасти ту вѣру, въ которой его воспитала набожная мать. Словомъ, говоритъ Гончаровъ, „у Адуева не осталось ни одной мечты, ни одной розовой надежды; все было назади, туманъ разсѣялся, и предъ нимъ, какъ степь, растилалась голая дѣйствительность". Самъ дядя призналъ это: „Александръ", говоритъ онъ племяннику въ концѣ романа: „ты моя кровь, ты Адуевъ". Эти слова дяди были похороннымъ звономъ надъ умершимъ молодымъ романтикомъ: Адуевъ въ 30 лѣтъ послѣ почти девятилѣтняго пребыванія въ столицѣ, началъ жить, по словамъ Гончарова, „той деревянной жизнью, какой жилъ его дядя".

Мизиновъ.

Автобіографическія черты въ „Обыкновенной исторіи".

„Обыкновенная исторія" была первымъ романомъ Гончарова по времени своего созданія; въ ней естественно искать и болѣе непосредственнаго отраженія автобіографическихъ чертъ самого автора.

Вчитываясь внимательно въ это произведеніе, нельзя не замѣтить, дѣйствительно, что все оно — скорѣе художественный мемуаръ, съ самонаблюденіемъ на первомъ планѣ, чѣмъ романъ, и менѣе всего какая бы то ни была „исторія". Исторія предполагаетъ извѣстную послѣдовательность въ пере-

ходѣ героевъ изъ одного состоянія въ другое. Здѣсь же мы видимъ не то: въ цѣломъ рядѣ сценъ изображается борьба дяди съ племянникомъ, переходящая, наконецъ, въ примиреніе, въ полное совпаденіе въ одномъ типѣ. Дядя разочаровываетъ племянника въ его юношескихъ мечтахъ о любви и дружбѣ, осмѣиваетъ его творческіе опыты, его незрѣлый идеализмъ, излагаетъ предъ нимъ практическую философію жизни и — черезъ нѣсколько лѣтъ — убѣждается, что слова его не пропали даромъ, что племянникъ — живое воплощеніе дяди. И насколько много этихъ сценъ, дѣлающихъ чтеніе романа подъ часъ утомительнымъ, настолько мало постепенности и равномѣрности въ изложеніи „исторіи" въ узкомъ смыслѣ. Послѣдняя совершается за спиной читателя; о ней въ короткихъ словахъ разсказываетъ самъ Гончаровъ. „Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Кто бы узналъ нашего провинціала?.." — такъ связываетъ Гончаровъ начало и продолженіе своего повѣствованія, но это — чистая внѣшняя связь. Провинціалъ измѣнился только по наружности — онъ возмужалъ, „черты лица созрѣли и образовали физіономію", и хотя Гончаровъ и добавляетъ, что „физіономія обозначила характеръ", однако внутренняя перемѣна еще не наступила. Александръ все тотъ же — вплоть до послѣдней главы, за которой слѣдуетъ знаменитый эпилогъ. Въ этой главѣ дана попытка раскрыть внутренній процессъ совершившихся въ Александрѣ перемѣнъ, — попытка, безъ которой совпаденіе дяди и племянника въ одномъ типѣ было необъяснимымъ и случайнымъ.

Поѣздка Александра Адуева, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ столицѣ, можетъ найти себѣ параллель въ послѣдней поѣздкѣ Гончарова на родину, черезъ четырнадцать лѣтъ по окончаніи университетскаго курса. Мать нашла Александра Адуева похудѣвшимъ, задумчивымъ; волосы значительно порѣдѣли. Камердинеръ его, Евсей, объяснялъ эту перемѣну „писаньемъ", которому ежедневно предавался его баринъ; запомнилъ онъ еще слово „разочарованный", подслушанное въ отзывѣ Петра Ивановича объ Александрѣ, но другихъ, болѣе глубокихъ мотивовъ перемѣны въ баринѣ не могъ указать.

— Такъ-съ, резонно.

„Онъ взглянулъ на гувернантку, та улыбнулась, а я покраснѣлъ"...

Но вернемся къ „Обыкновенной исторіи“. „Прошло два-три мѣсяца“... „Такъ прошло года полтора“... Въ Александрѣ Адуевѣ, на протяженіи нѣсколькихъ страницъ, происходитъ, подъ вліяніемъ уединеннаго размышленія, то, что на языкѣ Петровъ Иванычей называется отрезвленіемъ, сознаніемъ сдѣланныхъ ошибокъ и готовностью идти на компромиссъ. „И что я здѣсь дѣлаю? за что вяну? — спрашиваетъ себя Александръ Адуевъ, уже тяготясь деревенскимъ бездѣльемъ.— Зачѣмъ гаснутъ мои дарованья? Почему мнѣ не блистать тамъ своимъ трудомъ?.. Теперь я сталъ разсудительнѣе. Чѣмъ дядюшка лучше меня? Развѣ я не могу отыскать себѣ дороги? Ну, не удалось до сихъ поръ, пора!.. нельзя же погибнуть здѣсь! Тамъ тотъ и другой — всѣ вышли въ люди... А моя карьера, а фортуна?“

Въ этихъ словахъ выразилась вся „исторія“ волшебно-быстраго превращенія племянника въ дядю; по отношенію къ ней весь романъ является не болѣе, какъ введеніемъ. Другими словами, Гончаровъ не столько заботился о томъ, *какъ* племянникъ переходилъ въ дядю, сколько говорилъ намъ: вотъ какимъ былъ Петръ Ивановичъ въ молодости, и вотъ какимъ онъ сталъ, когда сдѣлался старше, разсудительнѣе, благоразумнѣе. Читателямъ предоставлялось судить, что было лучше; на нихъ же возлагалась и отвѣтственность за то или другое толкованіе заглавія романа.

Симпатіи Гончарова лежали всецѣло на сторонѣ дяди. Когда создавался романъ, авторъ и по годамъ и по міросозерцанію былъ весьма близокъ къ Петру Ивановичу. Добрая половина жизни была уже отжита; раннія увлеченія и разочарованія, вмѣстѣ съ юношескимъ романтизмомъ, отошли въ область невозвратнаго прошлаго. О нихъ можно было вспоминать — когда съ улыбкой, когда съ легкимъ вздохомъ сожалѣнія, потому что въ нихъ было очень много хорошаго, теплаго, искренняго, было много наивной сердечной поэзіи. „Ахъ! еслибы я могъ еще вѣрить въ это! — думаетъ Александръ, вспоминая бесѣды матери о Богѣ и Божьихъ ангелахъ. Младенческія вѣрованія утрачены, а что я узналъ новаго, вѣрнаго?.. ничего: я нашелъ сомнѣнія, толки, теоріи... И отъ истины еще дальше прежняго... Къ чему этотъ расколъ, это умничанье?.. Боже!.. Когда теплота вѣры не грѣетъ сердца, развѣ можно быть счастливымъ! Счастливѣе ли я?...

Гончарову не трудно было взять вѣрный тонъ человѣка, который разсказываетъ объ увлеченіяхъ и заблужденіяхъ своей собственной молодости, набрасывая на разсказъ легкую дымку ироніи, но подъ этой дымкой еще теплится любовь къ тому, чѣмъ украшалась молодость, чѣмъ она жила, во что вѣрила, и легкая грусть кое-гдѣ сквозила между строкъ, проникнутыхъ, на первый взглядъ, неподдѣльнымъ юморомъ.

Исключая эпилога, писатель нигдѣ не ставитъ Петра Ивановича въ комическое положеніе, подобное тому, въ какое ставитъ онъ на каждомъ шагу Александра. Писатель не допускаетъ и мысли, чтобы дядя хотя на минуту переставъ быть резоннымъ и вѣрнымъ себѣ. Принципы его выработаны разъ навсегда, взгляды ясны, житейская философія цѣльна и закончена. Низведи его Гончаровъ съ пьедестала, и романъ его получилъ бы совершенно другой смыслъ, смыслъ, который — кто знаетъ? — можетъ быть болѣе соотвѣтствовалъ бы заглавію „обыкновенной исторіи“, чѣмъ теперь, когда послѣднее является нѣкоторой загадкой. Вѣдь если перемѣна, совершившаяся въ Александрѣ, естественна и необходима въ жизни, если Петръ Ивановичъ представляется Гончарову положительной величиной въ обществѣ, личностью въ нѣкоторомъ родѣ идеальной, то, съ точки зрѣнія автора, обыкновенная исторія должна представляться исторіей прекрасной, достойной подражанія и сочувствія: въ такомъ случаѣ — побольше бы такихъ обыкновенныхъ исторій, и въ результатѣ окажется больше порядка въ общественной и домашней жизни, больше ясности въ сложныхъ человѣческихъ отношеніяхъ, наконецъ, больше практической и государственной пользы.

Едва ли Гончаровъ задумывался надъ теоретической постановкой вопроса о значеніи Петра Ивановича какъ общественнаго типа, и о томъ, въ какихъ отношеніяхъ находится этотъ типъ къ общему смыслу романа и, въ частности, къ его заглавію. Это и для насъ вопросъ второстепенный. Важно то, что Александръ Адуевъ и Петръ Ивановичъ тожественны въ своей сущности и писаны, несомнѣнно, съ одного лица, только въ разные періоды его жизни.

Тожественность эта прямо поразительна. Біографія Александра оказывается весьма схожею съ біографіей Петра Ивановича въ молодости. Дѣтство обоихъ проходитъ въ оди-

наковыхъ условіяхъ; они получаютъ одинаковое воспитаніе, учатся въ университетѣ и — каждый въ свое время — одинаково относятся къ наукѣ, искусству, литературѣ. Оба, опять таки каждый въ свое время, влюбляются по нѣскольку разъ, сначала у себя на родинѣ, въ деревнѣ, гдѣ оба плачутъ надъ озеромъ, рвутъ желтые цвѣты, пишутъ въ одинаковыхъ выраженіяхъ влюбленныя письма, потомъ въ столицѣ то очаровываются, то падаютъ съ небесъ, „бѣснуются, ревнуютъ", наконецъ, остываютъ, становятся благоразумными и стараются забыть „глупости" молодыхъ лѣтъ. Въ итогѣ у обоихъ — крупный чинъ, орденъ на шеѣ, лысина, сѣдина на вискахъ и въ бакенбардахъ, хорошее состояніе, а главное — одинаковое отношеніе къ благамъ жизни, одно и то же міросозерцаніе, вкусы, привычки... даже боль въ поясницѣ и манера выражаться, и та, по духу ближайшей родственности, перешла отъ старшаго къ младшему. Одна и та же личность — въ два разные момента. Въ стремленіи сопоставить эти моменты, сдѣлать изъ нихъ большую и малую посылку для вывода — „обыкновенная исторія", — авторъ совершенно упустилъ изъ виду необходимость исторической перспективы при обрисовкѣ развитія каждаго изъ героевъ. Петръ Ивановичъ лѣтъ на пятнадцать, на двадцать старше Александра. Въ эти пятнадцать, двадцать лѣтъ русская жизнь — заключимъ ее въ промежутокъ двадцатыхъ сороковыхъ годовъ, — несмотря на всѣ преграды, все же значительно ушла впередъ въ смыслѣ умственнаго и общественнаго самосознанія, въ смыслѣ отношенія къ кореннымъ явленіямъ своей современности. Эта сторона сама по себѣ совершенно не затронута въ романѣ, а между тѣмъ въ ней то и слѣдовало искать раскрытія общественнаго значенія романа, какъ оно представлялось автору. Въ этомъ отношеніи Гончаровъ не далъ ни одного намека на смѣну поколѣній, на борьбу отживающихъ традицій съ новыми вѣяніями, на все то, что создаетъ неизбѣжную и вѣчную разницу между отцами и дѣтьми, разницу, необходимость которой столько же коренится въ законахъ природы, сколько въ условіяхъ историческаго развитія общества. То, что мелькаетъ, какъ новое вѣяніе въ Александрѣ, въ свое время промелькнуло въ Петрѣ Ивановичѣ, и какъ въ одномъ, такъ и другомъ случаѣ, оставило послѣ себя слѣдъ въ воспоминаніяхъ, которыхъ впослѣдствіи стыдились оба героя

„Обыкновенной исторіи“. Словомъ, историческая точка зрѣнія была чужда Гончарову, когда онъ писалъ этотъ романъ: его занимала не послѣдовательность въ развитіи тѣхъ или иныхъ общественныхъ типовъ, какъ онъ наблюдалъ ихъ въ окружающей жизни, а собственныя воспоминанія, попытка разобраться въ томъ, чѣмъ онъ былъ пятнадцать, двадцать лѣтъ назадъ и чѣмъ сталъ, успокоившись отъ напрасныхъ стремленій и безплоднаго романтизма юношескихъ порывовъ.

Въ этомъ смыслѣ „Обыкновенную исторію“ можно назвать не романомъ, а художественной автобіографіей. Въ ней разсказана выработка формально-дѣловой, житейски-практической стороны міросозерцанія Гончарова, тотъ внѣшній укладъ его, которымъ онъ былъ въ частности къ людямъ, съ которыми онъ сталкивался въ повседневной жизни.

Эта сторона дѣловитой практичности, возведенной въ своего рода искусство, затронута и въ другихъ романахъ. Въ „Обрывѣ“ мы видѣли ее въ лицѣ Аянова. Въ „Обломовѣ“ ее олицетворяетъ заводчикъ Штольцъ, весьма напоминающій „тайнаго совѣтника и заводчика“ Петра Адуева, и столь же любезный сердцу Гончарова, скрасившаго, такъ или иначе, свое купеческое происхожденіе чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. И тотъ фактъ, что генералы обратились къ практической дѣятельности въ области промышленности и торговли, игралъ въ глазахъ нашего писателя немаловажную роль; отъ этого, казалось, возвышалось самое званіе промышленника и купца, самое дѣло пріобрѣтало оттѣнокъ особой порядочности и благородства. Раньше, говоритъ онъ въ своей исповѣди, считалось чуть не униженіемъ отдаваться практическому дѣлу заводчика. „Тайные совѣтники мало рѣшались на это. Чинъ не позволялъ, а званіе купца — не было лестно“.

Если бы Гончаровъ далъ себѣ трудъ провѣрить, сколько среди бюрократическихъ дѣльцовъ прошло на его глазахъ индивидуально-честныхъ Адуевыхъ и гуманныхъ Штольцевъ, онъ увидѣлъ бы, что таковыхъ было весьма немного. Не ими гордится русское общество, останавливаясь мыслью на недавнемъ прошломъ, о которомъ могъ говорить Гончаровъ: въ его настоящихъ, передовыхъ и чернорабочихъ дѣятеляхъ за этотъ періодъ было немного истыхъ бюрократовъ, въ духѣ Петра Ивановича, а бюрократовъ-заводчиковъ и того меньше.

Но Гончаровъ не дѣлалъ попытокъ провѣрять жизненность

своихъ типовъ, въ томъ значеніи, какое онъ придавалъ имъ, на примѣрахъ дѣйствительной жизни. И это, конечно, говорится не въ укоръ ему, — мы далеки отъ мысли предъявлять подобныя требованія къ художникамъ, — но когда послѣдніе, не довольствуясь созданіемъ образа, начинаютъ морализировать по поводу его, — ихъ невольно хочется иной разъ перенести изъ мастерской, изъ мерцающихъ сумерекъ вдохновенія и гармоніи, въ обычную людскую толпу, съ шумомъ и гамомъ, заботами и смѣхомъ повседневной жизни, такъ, чтобы они на время забыли свою палитру и краски, смѣшались съ толпой и въ хаосѣ ея разнородныхъ стремленій утопили свои личные интересы, личныя радости и скорби.

Жизнь Гончарова рано приняла ровное и слишкомъ ужъ обособленное теченіе, чтобы явленія общественнаго или массоваго характера могли захватить и увлечь его. Можетъ быть, это теченіе какъ нельзя болѣе подходило къ необходимѣйшимъ условіямъ его творческой дѣятельности, менѣе всего требовавшей толчковъ и побужденій извнѣ, изъ жизни, изъ самаго горнила ея, гдѣ кипятъ страсти и бьется въ противорѣчіяхъ мысль, — но оно, это спокойствіе, дѣлало его мало отзывчивымъ на запросы окружающей среды, какъ только они выходили изъ круга идей извѣстнаго порядка, изъ рамокъ органически развившагося и ставшаго привычнымъ міросозерцанія.

Это характерное для Гончарова, привычное міросозерцаніе выражалось вполнѣ опредѣленнымъ отношеніемъ къ служебнымъ обязанностямъ. Здѣсь Гончаровъ былъ человѣкомъ внѣшняго долга, добросовѣстнымъ работникомъ, однако никогда не доводившимъ своей исполнительности до настоящей, сознательной любви къ службѣ. Но едва ли не съ большей полнотой выражалось это міросозерцаніе въ томъ укладѣ и порядкѣ, который завелъ Гончаровъ у себя дома, куда уходилъ онъ и отъ назойливой суеты свѣтски-общественной жизни, и отъ „исполненія“ нужныхъ и ненужныхъ бумагъ.

Ляцкій.

Личность Обломова.

Обломовъ — женственная, поэтическая натура: не даромъ Штольцъ назвалъ его „поэтомъ“, даже нѣкоторые изъ критиковъ Гончарова называли его „народнымъ поэтомъ“. Это

былъ мягкій, добрый характеръ: не даромъ старый Захаръ поминалъ его на послѣдніе гроши и горько плакалъ на его могилѣ; не даромъ про него говорилъ его другъ: „многихъ людей встрѣчалъ я съ высокими качествами, но никогда не встрѣчалъ я сердца чище, свѣтлѣе и проще“; „душа Обломова, по словамъ Штольца, была чиста, какъ хрусталь“. Самъ Гончаровъ даже сказалъ объ Обломовѣ: „кто только случайно заглядывалъ въ эту свѣтлую, дѣтскую душу, тотъ уже не могъ отказать ему во взаимности“.

Эта добрая, мягкая натура Обломова и попала какъ разъ подъ ту ломку, которая совершалась въ жизни, и изъ него вышло нѣчто среднее, какое-то звено между прошлымъ и настоящимъ. Онъ во многомъ разошелся съ окружающей стариной: онъ далеко ушелъ отъ чиновника Судьбинскаго, міросозерцаніе котораго заключалось въ прибавкѣ жалованья, въ столовыхъ, квартирныхъ, отопленіи и освѣщеніи; онъ разошелся съ Пѣнкинымъ, который проповѣдывалъ презрѣніе къ падшему человѣку; онъ защищалъ старика Захара противъ Тарантьева. Объ окружающемъ старомъ у Обломова сформировалось самое невыгодное представленіе: ему рисовались въ жизни фигуры, симметрически расположенныя за карточными столами; въ окружающихъ не было ни искренняго смѣха ни симпатій; ему противны были люди, толкавшіеся по пяти лѣтъ въ прихожей, чтобы выиграть дѣло и обобрать другого. Въ молодые годы Обломовъ шелъ за вѣкомъ и не отставалъ отъ него: вмѣстѣ со Штольцемъ онъ упивался поэтами, волновался, плакалъ; онъ изучалъ право и политическую экономію, онъ запирался съ учителемъ математики и осиливалъ круги и квадраты; онъ учился по-англійски; онъ занимался переводами и преподнесъ Штольцу въ день его именинъ переводъ Сея; онъ мечталъ даже о путешествіяхъ и германскихъ университетахъ; онъ читалъ Байрона, Руссо, Гёте, Шиллера и другихъ даже пріучилъ къ чтенію своихъ любимыхъ поэтовъ; молодымъ юношей Обломовъ твердилъ постоянно: „вся жизнь есть мысль“, и мечталъ о реформахъ жизни.

Такъ разошелся Обломовъ со стариной, со своей Обломовкой. Но эта старина наградила его однимъ качествомъ, котораго онъ не могъ сбросить съ себя; эта старина, жизнь среди патріархальныхъ, теплыхъ нравовъ провинціи, тяже-

лою цѣпью приковала этого новаго человѣка къ себѣ: эта цѣпь было то, что старина не сдѣлала его человѣкомъ съ характеромъ, помѣшала Обломову оторваться отъ нея. И въ результатѣ вышло „новое вино въ старыхъ мѣхахъ", новый либералъ въ старомъ баринѣ. Что такое Обломовъ, это нагляднымъ образомъ видно изъ слѣдующей, нарисованной Гончаровымъ, сцены. Обломовъ лежитъ на постели... Вдругъ онъ чувствуетъ какой-то приливъ новыхъ силъ. Онъ привстаетъ наполовину, онъ протягиваетъ руку, чтобы уничтожить какое-то зло, и снова падаетъ на постель; онъ повертывается на спину и бросаетъ грустный взоръ на заходящее солнце. Въ этой сценѣ прекрасно обрисованъ весь характеръ такихъ лицъ, какъ Обломовъ, лицъ, отвернувшихся отъ старины, но не порвавшихъ съ нею связи. Вотъ почему у читателя при чтеніи „Обломова" получается какое-то двойственное впечатлѣніе: то ему рисуется старый баринъ, который спитъ и дремлетъ среди пыльной, небрежной, запущенной обстановки, у котораго въ чернильницѣ жужжатъ однѣ мухи, который боится двинуться, который не любитъ движенія и съ сокрушеніемъ говоритъ: „хоть бы исторія отдохнула"; то предъ читателемъ рисуется другое, болѣе свѣжее и свѣтлое, нѣчто болѣе симпатичное, чѣмъ этотъ спящій баринъ.

Всмотритесь въ Обломова, этого барина, лежащаго и спящаго, какъ говорятъ, на своей постели, которому только что исполнилось 30 лѣтъ (въ началѣ романа). Иногда на его лицѣ вы увидите слезы: онъ мечтаетъ о прошломъ, которое такъ сулило ему много: онъ съ грустью на лицѣ хоронитъ иногда самого себя, чувствуя, что его „затягиваетъ бездна". Сколько безсонныхъ ночей провелъ этотъ „вѣчно спящій" баринъ въ халатѣ! Обломовъ былъ сначала новымъ человѣкомъ, но его подавила старина, и вотъ онъ часто вскакивалъ ночью со своей постели и „плакалъ холодными слезами безнадежности по свѣтломъ, навсегда угаснувшемъ идеалѣ жизни, какъ плачутъ по дорогомъ усопшемъ". Сколько страданій причиняетъ ему всякое напоминаніе объ этомъ идеалѣ! „Не напоминай, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ романа Штольцу: — не напоминай, не тревожь прошлаго! Не воротишь! Съ тѣмъ міромъ, куда ты влечешь меня, я разстался навсегда! Ты не спаяешь двѣ разорван-

ныя половины. Я приросъ къ этой ямѣ больнымъ мѣстомъ: попробуй оторвать, — будетъ смерть". Сколько горечи и страданій заключается въ этихъ словахъ разбитаго параличомъ Обломова о больномъ мѣстѣ, о двухъ разорванныхъ половинахъ! Или вотъ еще одна сцена. Обломовъ лежитъ и противополагаетъ себя другимъ; на его лицѣ видна грусть; онъ задумывается. Въ головѣ его, какъ птицы, пробужденныя внезапнымъ лучомъ солнца, носятся разные жизненные вопросы. Болѣзненно чувствуется ему, что въ немъ зарыто, какъ въ могилѣ, что-то хорошее, свѣтлое. „Тяжела была,— говоритъ Гончаровъ, — эта тайная исповѣдь предъ самимъ собою". И Обломовъ такъ и умеръ страдальцемъ. На кладбищѣ, межъ кустовъ, въ затишьѣ, подъ вѣтвями сирени, посаженной дружеской рукой, нашелъ только успокоеніе этотъ человѣкъ, котораго хотѣла спасти Ольга, но котораго нельзя было спасти, конечно.

Мизиновъ.

„Сонъ Обломова" — этотъ великолѣпнѣйшій эпизодъ, который останется въ нашей словесности на вѣчныя времена, былъ первымъ могущественнымъ шагомъ къ уясненію Обломова съ его обломовщиной. Романистъ, жаждущій разгадки вопросамъ, занесеннымъ въ его душу его же созданіемъ, — потребовалъ отвѣта на эти вопросы; за отвѣтами обратился онъ къ тому источнику, къ которому ни одинъ человѣкъ съ истиннымъ дарованіемъ не обращается напрасно. Ему надобно было, наконецъ, узнать, изъ-за какой же причины Обломовъ владѣетъ его помыслами, отчего ему милъ Обломовъ, изъ-за чего онъ недоволенъ первоначальнымъ объективно-вѣрнымъ, но не полнымъ, не высказывающимъ его помысловъ Обломовымъ. Конечнаго слова на свои колебанія Гончаровъ сталъ выспрашивать у поэзіи русской жизни, у своихъ воспоминаній дѣтства, и, разъясняя прошлую жизнь своего героя, со всей свободой погрузился въ ту среду, которая ее окружала. Слѣдомъ за Пушкинымъ, своимъ учителемъ, по примѣру Гоголя, своего старшаго товарища, онъ ласково отнесся къ жизни дѣйствительной и отнесся не напрасно. „Сонъ Обломова" не только освѣтилъ, уяснилъ и разумно опоэтизировалъ все лицо героя, но еще тысячею

невидимыхъ скрѣпъ связалъ его съ сердцемъ каждаго русскаго читателя. Въ этомъ отношеніи „Сонъ“, самъ по себѣ разительный, какъ отдѣльное художественное созданіе, еще болѣе поражаетъ своимъ значеніемъ во всемъ романѣ. Глубокій по чувству, его внушившему, свѣтлый по смыслу, въ немъ заключенному, онъ въ то же время и поясняетъ и просвѣтляетъ собою то типическое лицо, въ которомъ сосредоточивается интересъ всего произведенія. Обломовъ безъ своего „Сна“ былъ бы созданіемъ неоконченнымъ, не роднымъ всякому изъ насъ, какъ теперь „Сонъ“ его разъясняетъ всѣ наши недоумѣнія, и, не давая намъ ни одного голаго толкованія, повелѣваетъ намъ понимать и любить Обломова. Нужно ли говорить о чудесахъ тонкой поэзіи, о лучезарномъ свѣтѣ правды, съ помощію которыхъ происходитъ это сближеніе между героемъ и его цѣнителями? Тутъ ничего нѣтъ лишняго, тутъ не найдете вы неясной черты, или слова, сказаннаго попусту, всѣ мелочи обстановки необходимы, всѣ законны и прекрасны. Онисимъ Сусловъ, на крыльцо котораго можно было попасть не иначе, какъ ухватясь одной рукой за траву, а другою за кровлю избы — любезенъ намъ и необходимъ въ дѣлѣ уясненія; заспанный челядинецъ, дующій спросонья на квасъ, въ которомъ сильно шевелятся утопающія мухи, и собака, признанная бѣшеною за то только, что бросилась бѣжать отъ людей, собравшихся на нее съ вилами и топорами; и няня, засыпающая послѣ жирнаго обѣда съ предчувствіемъ, что Илюша пойдетъ затрогивать козла и лазить на галлерею, и сотни другихъ подробностей здѣсь необходимы, ибо содѣйствуютъ цѣлости и высокой поэзіи главной задачи. Тутъ сродство Гончарова съ фламандскими мастерами бьетъ въ глаза, сказывается во всякомъ образѣ. Или для праздной потѣхи всякіе художники, нами вспомянутые, громадили на свое полотно множество мелкихъ деталей? или по бѣдности воображенія они тратили жаръ цѣлаго творческаго часа надъ какой-нибудь травкой, луковицей, болотной кочкой, на которую падаетъ лучъ заката, кружевнымъ воротничкомъ на камзолѣ тучнаго бургомистра? Если такъ, то отчего же они велики, почему они поэтичны, почему детали ихъ созданій слиты съ цѣлостью впечатлѣнія, не могутъ быть оторваны отъ идеи картины? Какъ же произошло, что эти истинные художники, такъ зоркіе на поэзію,

до такой степени освѣтившіе, опоэтизировавшіе жизнь своего родного края, бросались въ мелочи, сидѣли надъ подробностями? Видно, въ названныхъ нами мелочахъ и подробностяхъ таилось нѣчто большее, чѣмъ о томъ думаетъ иной близорукій составитель хитрыхъ теорій. Видно, трудъ надъ деталями былъ необходимъ и важенъ для уловленія тѣхъ высшихъ задачъ искусства, на которыхъ все зиждется, отъ которыхъ все питается и выростаетъ. Видно, творя малую частность, художникъ не даромъ отдавался ей всей душою своею, и, должно-быть, творческій духъ его отражался во всякой подробности мощнаго произведенія, такъ, какъ солнце отражается въ малой каплѣ воды — по словамъ оды, которую мы учили наизусть еще ребятишками.

Итакъ „Сонъ Обломова“ расширилъ, узаконилъ и уяснилъ собою многознаменательный типъ героя, — но этого еще не было достаточно для полноты созданія. Новымъ и послѣднимъ, рѣшительнымъ шагомъ въ процессѣ творчества было созданіе Ольги Ильинской, — созданіе до того счастливое, что мы, не обинуясь, назовемъ первую мысль о немъ краеугольнымъ камнемъ всей обломовской драмы, самой счастливой мыслью во всей артистической дѣятельности нашего автора. Даже оставивши въ сторонѣ всю прелесть исполненія, всю художественность, съ которою обработано лицо Ольги — мы не найдемъ достаточныхъ словъ, чтобъ высказать все благотворное вліяніе этого персонажа на ходъ романа и развитіе типа Обломова. Обломовы выдаютъ всю прелесть, всю слабость и весь грустный комизмъ своей натуры именно черезъ любовь къ женщинѣ. Безъ Ольги Ильинской и безъ ея драмы съ Обломовымъ не узнать бы намъ Ильи Ильича такъ, какъ мы его теперь знаемъ, безъ Ольгина взгляда на героя мы до сихъ поръ не глядѣли бы на него надлежащимъ образомъ. Въ сближеніи этихъ двухъ основныхъ лицъ произведенія все въ высшей степени естественно, каждая подробность удовлетворяетъ взыскательнѣйшимъ требованіямъ искусства, — а между тѣмъ сколько психологической глубины и мудрости черезъ него развивается передъ нами! Какъ живетъ и наполняетъ всѣ наши представленія объ Обломовѣ эта юная, горделиво-смѣлая дѣвушка, какъ сочувствуемъ мы стремленію всего ея существа къ этому незлобивому чудаку, отдѣлившемуся отъ окружающаго его міра, какъ страдаемъ мы

ея страданіемъ, какъ надѣемся мы ея надеждами, даже зная и хорошо зная ихъ несбыточность! Гончаровъ, какъ смѣлый знатокъ сердца человѣческаго, съ первыхъ сценъ между Ольгой и ея первымъ избранникомъ, отдалъ большую долю интриги комическому элементу. Его безподобная, насмѣшливая, бойкая Ольга, съ первыхъ минутъ сближенія, видитъ всѣ смѣшныя особенности героя, не обманываясь нисколько, играетъ ими, почти наслаждается ими и обманывается только въ своихъ расчетахъ на твердыя основы характера Обломова. Много разъ случалось слышать и даже читать выраженія недоумѣнія о томъ, „какъ могла умная и зоркая Ольга полюбить человѣка, неспособнаго перемѣнить квартиру и съ наслажденіемъ спящаго послѣ обѣда“. Духовный антагонизмъ Ольги съ обломовщиной, ея шутливое, затрогивающее отношеніе къ слабостямъ избранника, объясняется и фактами и существомъ дѣла. Факты сложились весьма естественно: дѣвушка, по натурѣ своей не увлекающаяся мишурой и пустыми свѣтскими юношами своего круга, заинтересована чудакомъ, о которомъ умный Штольцъ разсказываетъ ей столько исторій любопытныхъ и смѣшныхъ, необыкновенныхъ и забавныхъ. Она сближается съ нимъ изъ любопытства, и нравится ему отъ нечего дѣлать, можетъ-быть вслѣдствіе невиннаго кокетства, а затѣмъ останавливается въ изумленіи передъ чудомъ, ею сдѣланнымъ.

Нѣжная, любящая натура Обломовыхъ вся озаряется черезъ любовь — и можетъ ли быть иначе съ чистою, дѣтски ласковой русской душою, отъ которой даже ея лѣность отгоняла растлѣніе съ искушающими помыслами. Илья Ильичъ высказался вполнѣ черезъ любовь свою, и Ольга, зоркая дѣвушка, не осталась слѣпа передъ тѣми сокровищами, что передъ ней открылись. Вотъ факты внѣшніе, а отъ нихъ лишь одинъ шагъ до самой существенной истины романа. Ольга поняла Обломова ближе, чѣмъ понялъ его Штольцъ, ближе, чѣмъ всѣ лица, ему преданныя. Она разглядѣла въ немъ и нѣжность врожденную, и чистоту нрава, и русскую незлобивость, и рыцарскую способность къ преданности, и рѣшительную неспособность на какое-нибудь нечистое дѣло, и, наконецъ, — чего забывать не должно — разглядѣла въ немъ человѣка оригинальнаго, забавнаго, но чистаго и нисколько не презрѣннаго въ своей оригинальности. Разъ ставши на

эту точку, художникъ дошелъ до такой занимательности дѣйствія, до такой прелести во всемъ ходѣ событій, что неудавшаяся, печально кончившаяся любовь Ольги и Обломова стала и навсегда останется однимъ изъ обворожительнѣйшихъ эпизодовъ во всей русской литературѣ. Кто изъ стариковъ не зачитывался этими страницами, кто изъ воспріимчивыхъ юношей при чтеніи ихъ не чувствовалъ горячихъ слезъ на своихъ глазахъ? И какими простыми, часто какими комическими средствами достигнутъ такой небывалый результатъ! Какой страхъ, соединенный съ улыбкою, возбуждаютъ въ насъ эти безконечно-разнообразныя проявленія обломовщины въ борьбѣ съ истиной, дѣятельной жизнью сердца! Мы знаемъ, что время обновленія упущено, что не Ольгѣ дано поднять Обломова, а между тѣмъ, при всякой коллизіи въ ихъ драмѣ, сердце наше замираетъ отъ неизвѣстности. Чего мы не перечувствовали при всѣхъ перипетіахъ этой страсти, начиная хоть отъ той минуты, когда Илья Ильичъ, глядя на Ольгу такъ какъ глядитъ на нее Кузьминишна, — важно толкуетъ о томъ, что нехорошо и опасно видаться наединѣ, — до его страшнаго, послѣдняго свиданія съ дѣвушкой и до ея послѣднихъ словъ: „что сгубило тебя? нѣтъ имени этому злу!" Чего только нѣтъ въ этомъ промежуткѣ, въ этой борьбѣ свѣта и тѣни, — отдающей намъ всего Обломова съ сближающей его съ нами такъ, что мы мучимся за него, когда онъ, охая и скучая, пробирается въ оперу съ Выборгской стороны, — и озаряемся радостью въ тѣ минуты, когда въ его обломовскомъ, запыленномъ гнѣздѣ, при отчаянномъ лаѣ скачущей на цѣпи собаки, вдругъ является неожиданное видѣніе добраго ангела. Передъ сколькими частностями означеннаго эпизода добродушнѣйшій смѣхъ овладѣваетъ нами, и овладѣваетъ за тѣмъ, чтобъ тотчасъ же смѣниться ожиданіемъ, грустью, волненіемъ, горькимъ соболѣзнованіемъ къ слабому. Вотъ къ чему ведетъ насъ рядъ художественныхъ деталей, начавшійся еще со сна Обломова. Вотъ гдѣ является истинный смѣхъ сквозь слезы.

И въ самомъ дѣлѣ, окиньте весь романъ внимательнымъ взглядомъ, и вы увидите, какъ много въ немъ лицъ, преданныхъ Ильѣ Ильичу и даже обожающихъ его, этого кроткаго голубя, по выраженію Ольги. И Захаръ, и Анисья, и Штольцъ, и Ольга, и вялый Алексѣевъ, — всѣ привлечены

прелестью этой чистой и цѣлой натуры, передъ которою одинъ только Тарантьевъ можетъ стоять, не улыбаясь и не чувствуя на душѣ теплоты, не подшучивая надъ ней и не желая ее приголубить. Къ счастью, на свѣтѣ не много Тарантьевыхъ, и въ романѣ есть кому любить Обломова. Всякій почти изъ дѣйствующихъ лицъ любитъ его по-своему, а эта любовь такъ проста, такъ необходимо вытекаетъ изъ сущности дѣла, такъ чужда всякаго расчета или авторской натяжки! Но ничье обожаніе (даже считая тутъ чувства Ольги въ лучшую пору ея увлеченія) не трогаетъ насъ такъ, какъ любовь Агаѳьи Матвѣевны Пшеницыной, которая съ перваго своего появленія показалась намъ злымъ ангеломъ Ильи Ильича, — и увы! — дѣйствительно сдѣлалась его злымъ ангеломъ. Агаѳья Матвѣевна, тихая, преданная, всякую минуту готовая умереть за нашего друга, дѣйствительно загубила его въ конецъ, навалила гробовой камень надъ всѣми его стремленіями, ввергнула его въ зіяющую пучину на мигъ оставленной обломовщины, но этой женщинѣ все будетъ прощено за то, что она много любила. Страницы, въ которыхъ является намъ Агаѳья Матвѣевна, съ самой первой застѣнчивой своей бесѣды съ Обломовымъ, верхъ совершенства въ художественномъ отношеніи, но нашъ авторъ, заключая ловѣсть, переступилъ всѣ грани своей обычной художественности и далъ намъ такія строки, отъ которыхъ сердце разрывается, слезы льются на книгу, и душа зоркаго читателя улетаетъ въ область такой поэзіи, что до сихъ поръ, изъ всѣхъ русскихъ людей, быть творцомъ въ этой области было дано одному Пушкину. Скорбь Агаѳьи Матвѣевны о покойномъ Обломовѣ, ея отношенія къ семейству и Андрюшѣ, наконецъ, этотъ дивный анализъ ея души и ея прошлой страсти — все это выше самой восторженной оцѣнки.

„Вотъ она въ темномъ платьѣ, въ черномъ шерстяномъ платкѣ на шеѣ, ходитъ изъ комнаты въ кухню, какъ тѣнь, попрежнему отворяетъ и затворяетъ шкапы, шьетъ, гладитъ кружева, но тихо, безъ энергіи, говоритъ будто нехотя, тихимъ голосомъ, и не попрежнему смотритъ вокругъ безпечно перебѣгающими съ предмета на предметъ глазами, а со-средоточеннымъ выраженіемъ, съ затаившимся внутреннимъ смысломъ въ глазахъ. Мысль эта сѣла невидимо на ея лицо, кажется, въ то мгновеніе, когда она сознательно

и долго вглядывалась въ мертвое лицо своего мужа, и съ тѣхъ поръ не покидала ея.

„Она двигалась по дому, дѣлала руками все, что было нужно, но мысль ея не участвовала тутъ. Надъ гробомъ мужа, съ потерею его, она, кажется, вдругъ уразумѣла свою жизнь и задумалась надъ ея значеніемъ, и эта задумчивость легла навсегда тѣнью на ея лицо. Выплакавъ потомъ живое горе, она сосредоточилась на сознаніи о потерѣ: все прочее умерло для нея, кромѣ маленькаго Андрюши. Только когда видѣла она его, въ ней будто пробуждались признаки жизни, черты лица оживали, глаза наполнялись радостнымъ свѣтомъ и потомъ заливались слезами воспоминаній.

„Она была чужда всего окружающаго: разсердится ли братецъ за напрасно истраченный или невыторгованный рубль, за подгорѣлое жаркое, за несвѣжую рыбу, надуется ли невѣстка за мягко накрахмаленныя юбки, за некрѣпкій и холодный чай, нагрубитъ ли толстая кухарка, Агаѳья Матвѣевна не замѣчаетъ ничего, какъ-будто не о ней рѣчь, не слышитъ даже язвительнаго шопота: „Барыня, помѣщица!“

„Она на все отвѣчаетъ достоинствомъ своей скорби и покорнымъ молчаніемъ.

„Напротивъ, въ святки, въ свѣтлый день, въ веселые вечера масленицы, когда все ликуетъ, поетъ, ѣстъ и пьетъ въ домѣ, она вдругъ, среди общаго веселья, зальется горячими слезами и спрячется въ свой уголъ. Потомъ опять сосредоточится и иногда даже смотритъ на братца и на жену его какъ-будто съ гордостью, съ сожалѣніемъ.

„Она поняла, что проиграла и просіяла ея жизнь, что Богъ вложилъ въ ея жизнь душу и вынулъ опять, что засвѣтилось въ ней солнце и померкло навсегда... Навсегда, правда; но навсегда осмыслилась и жизнь ея: теперь уже она знала, зачѣмъ она жила и что не напрасно.

„Она такъ полно и много любила: любила Обломова — какъ любовника, какъ мужа и какъ барина; только разсказать никогда этого, какъ прежде, не могла никому. Да никто и не понялъ бы ее вокругъ. Гдѣ бы она нашла языкъ? Въ лексиконѣ братца, Тарантьева, невѣстки не было такихъ словъ, потому что не было понятій; только Илья Ильичъ понялъ бы ее, но она ему никогда невысказывала, потому что не понимала тогда сама и не умѣла... На всю жизнь ея разлились

лучи. тихій свѣтъ отъ пролетѣвшихъ, какъ одно мгновеніе, семи лѣтъ, и нечего было ей ждать больше, некуда итти".

Послѣ всего нами сказаннаго и выписаннаго, можетъ-быть, иной скептическій читатель спроситъ насъ: „Да за что же, наконецъ, Обломовъ такъ любимъ лицами, его окружающими, — и еще болѣе, за что именно онъ любезенъ читателю? Если для возбужденія выраженій и дѣлъ преданности достаточно ѣсть и валяться по диванамъ, не дѣлать никакого зла и сознаваться въ своей житейской неспособности, да сверхъ всего этого имѣть нѣсколько комическихъ сторонъ въ своемъ характерѣ, то значительная масса рода человѣческаго имѣетъ право на нашу возможную привязанность! Если Обломовъ дѣйствительно добръ, какъ голубь, то почему же авторъ не выразилъ передъ нами практическихъ проявленій этой доброты, — если герой честенъ и не способенъ на зло, то почему же эти почтенныя стороны его натуры не выставлены предъ нами осязательнымъ образомъ? Обломовщина, какъ ни тяготѣй она надъ человѣкомъ, не можетъ же вынести его изъ круга той вседневной, мелкой, насущной дѣятельности, которой, какъ всякій знаетъ, всегда достаточно для выраженія привлекательныхъ сторонъ нашей натуры. Отчего же всѣ подобныя выраженія натуры у Обломова, исключительно пассивны и отрицательны? Отчего, наконецъ, онъ не совершаетъ даже самаго малаго дѣла любви и кротости, хотя бы дѣло, которое можетъ-быть покончено безъ разлуки съ халатомъ, — почему онъ не скажетъ привѣтнаго и задушевнаго слова хоть одному изъ второстепенныхъ лицъ, стоящихъ около него, хотя бы въ награду за всю ихъ преданность"? Въ такомъ замѣчаніи читателя отыскивается вся доля правды.

По лицу всего свѣта разсѣяны многочисленные братья Ильи Ильича, то-есть люди, не подготовленные къ практической жизни, мирно укрывшіеся отъ столкновеній съ нею и не кидающіе своей нравственной дремоты за міръ волненій, къ которымъ они неспособны. Такіе люди иногда смѣшны, иногда вредны, но очень часто симпатичны и даже разумны. Обломовщина въ слишкомъ обширномъ развитіи вещь нестерпимая, но къ свободному и умѣренному ея проявленію не за что относиться съ враждою. Обломовщина гадка, ежели она происходитъ отъ гнилости, безнадежности, растлѣнія и злого упорства, но если корень ея таится просто въ незрѣлости

общества и скептическомъ колебаніи чистыхъ душою людей предъ практической безурядицей, что бываетъ во всѣхъ молодыхъ странахъ, то злиться на нее, значитъ то же, что злиться на ребенка, у котораго слипаются глазки посреди вечерней крикливой бесѣды людей взрослыхъ. Русская обломовщина, такъ какъ она уловлена Гончаровымъ, во многомъ возбуждаетъ наше негодованіе, но мы не признаемъ ее плодомъ гнилости или растлѣнія. Въ томъ-то и заслуга романиста, что онъ крѣпко сцѣпилъ всѣ корни обломовщины съ почвой народной жизни и поэзіи — проявилъ намъ ея мирныя и незлобивыя стороны, не скрывъ ни одного изъ ея недостатковъ. Обломовъ — ребенокъ, а не дрянной развратникъ; онъ соня, а не безнравственный эгоистъ или эпикуреецъ временъ паденія. Онъ безсиленъ на добро, но онъ положительно неспособенъ къ злому дѣлу, чистъ духомъ, не извращенъ житейскими софизмами, и, несмотря на всю свою жизненную безполезность, законно завладѣваетъ симпатіею всѣхъ окружающихъ его лицъ, повидимому, отдѣленныхъ отъ него цѣлою бездною.

Весьма легко нападать на Обломова съ точки зрѣнія людей практическихъ, а между тѣмъ отчего бы иногда намъ не взглянуть на недостатки современныхъ практическихъ мудрецовъ, такъ презрительно толкающихъ ребенка-Обломова. Обломовъ, уроженецъ заспанной и все-таки поэтической Обломовки, свободенъ отъ нравственныхъ болѣзней, какими страдаетъ не одинъ изъ практическихъ людей, кидающихъ въ него камнями. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ безчисленной массой грѣшниковъ нашего времени, самонадѣянно берущихся за дѣла, къ которымъ не имѣютъ призванія. Онъ не зараженъ житейскимъ развратомъ и на всякую вещь смотритъ прямо, не считая нужнымъ стѣсняться передъ кѣмъ-нибудь или передъ чѣмъ-нибудь въ жизни. Онъ *самъ* неспособенъ ни къ какой дѣятельности; усилія Андрея и Ольги къ пробужденію его апатіи остались безъ успѣха, но изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, чтобы другіе люди, при другихъ условіяхъ, не могли подвинуть Обломова на мысль и благое дѣло. Ребенокъ по натурѣ и по условіямъ своего развитія, Илья Ильичъ во многомъ оставлялъ за собою чистоту и простоту ребенка, качества драгоцѣнныя во взросломъ человѣкѣ, качества, которыя сами по себѣ, посреди величайшей практической запу-

гальности, часто открываютъ намъ область правды и временами ставятъ неопытнаго, мечтательнаго чудака и выше предразсудковъ своего вѣка и выше цѣлой толпы дѣльцовъ, его окружающихъ.

Попробуемъ подтвердить слова наши. Обломовъ, какъ живое лицо, достаточно полонъ для того, чтобъ мы могли судить о немъ въ разныхъ положеніяхъ, даже не замѣченныхъ его авторомъ. По практичности, по силѣ воли, по знанію жизни онъ далеко ниже своей Ольги и Штольца, людей хорошихъ и современныхъ; по инстинкту правды и теплотѣ своей натуры онъ ихъ несомнѣнно выше. Въ послѣдніе годы его жизни, супруги Штольцъ навѣстили Илью Ильича, Ольга осталась въ каретѣ, Андрей вошелъ въ извѣстный намъ домикъ съ цѣпной собакой у калитки. Выйдя отъ своего друга, онъ только сказалъ женѣ: *все кончено*, или что-то въ этомъ родѣ и уѣхалъ, и Ольга уѣхала, хотя, безъ сомнѣнія, съ горемъ и слезами. Въ чемъ же заключался смыслъ этого безнадежнаго, отчаяннаго приговора? Илья Ильичъ женился на Пшеницыной и прижилъ отъ этой необразованной женщины ребенка. И вотъ причина, по которой кровная связь расторгнута, обломовщина признана преступившей всѣ предѣлы! Ни Ольгу ни ея мужа мы за это не винимъ: они подчинялись закону свѣта и не безъ слезъ покинули друга. Но повернемъ медаль и на основаніи того, что дано намъ поэтомъ, спросимъ, себя: такъ ли бы поступилъ Обломовъ, если бъ ему сказали, что Ольга сдѣлала несчастную mésaillance, что его Андрей женился на кухаркѣ и что оба они, вслѣдствіе того, прячутся отъ людей, къ нимъ близкихъ? Тысячу разъ и съ полной увѣренностью скажемъ, что не такъ. Ни идеи отторженія отъ дорогихъ людей, изъ-за причинъ свѣтскихъ, ни идеи о томъ, что есть на свѣтѣ mésaillance, для Обломова не существуютъ. Онъ бы не сказалъ слова вѣчной разлуки и ковыляя пошелъ бы къ добрымъ людямъ и прилѣпился бы къ нимъ и привелъ бы къ нимъ свою Агаѳью Матвѣевну. И Андреева кухарка стала бы для него не чужою, и онъ далъ бы новую пощечину Тарантьеву, если бъ тотъ сталъ издѣваться надъ мужемъ Ольги. Отсталый и неповоротливый Илья Ильичъ, въ этомъ простомъ дѣлѣ, конечно, поступилъ бы сообразнѣе съ вѣчнымъ закономъ любви и правды, нежели два человѣка изъ числа самыхъ развитыхъ

въ полемъ обществѣ. И Штольцъ и Ольга, безъ всякаго сомнѣнія, гуманны въ своихъ идеяхъ, безъ всякаго сомнѣнія, они знаютъ силу добра и головами своими привязаны къ участи меньшихъ братьевъ, — но стоило ихъ другу связать свое существованіе съ судьбой женщины изъ породы этихъ меньшихъ братьевъ, и они оба, просвѣщенные люди, поспѣшили со слезами сказать: все кончено, все пропало — обломовщина, обломовщина!

Продолжаемъ параллель нашу. Обломовъ умеръ, Андрюша его вмѣстѣ съ Обломовкой поступилъ подъ опеку Штольца и Ольги. Очень вѣроятно, что и Андрюшѣ было у нихъ хорошо, и обломовскіе мужики не терпѣли притѣсненій. Но Захаръ, оставшійся безъ призрѣнія, лишь случайно былъ найденъ въ числѣ нищихъ, но вдова Ильи Ильича не была приближена къ друзьямъ ея мужа, но дѣти Агаѳьи Матвѣевны, которыхъ Обломовъ училъ чистописанію и географіи, дѣти, которыхъ онъ не отдѣлялъ отъ своего сына, остались на произволъ своей матери, слишкомъ привыкшей во всемъ отдѣлять ихъ отъ барчонка-Андрюши. Ни житейскій порядокъ, ни житейская правда этимъ нарушены не были, и супруговъ Штольцъ никакой законъ не нашелъ бы виноватыми. Но Илья Ильичъ Обломовъ, смѣемъ думать, иначе поступилъ бы съ лицами и сиротами, которыхъ присутствіе когда-то услаждало собою жизнь его Андрея и въ особенности Ольги. Очень можетъ-быть, что онъ не сумѣлъ бы быть имъ полезнымъ практически, но любви своей къ нимъ не сталъ бы подраздѣлять на разныя степени. Безъ расчета и соображеній, онъ подѣлился бы съ ними послѣднимъ кускомъ хлѣба и, говоря метафорически, принялъ бы ихъ всѣхъ равно подъ сѣнь своего теплаго халата. У кого сердце дальновиднѣе головы, тотъ можетъ надѣлать множество глупостей, но въ стремленіяхъ своихъ все-таки останется горячѣе и либеральнѣе людей, запутанныхъ сѣтями свѣтской мудрости. Возьмемъ хоть поведеніе Штольца въ ту пору, когда онъ жилъ гдѣ-то на Женевскомъ озерѣ, а Обломовъ чуть не повергнутъ былъ въ нищету ковами друзей Тарантьева. Андрей Штольцъ, кото- [illegible] ничего не значило изъѣздить полъ-Европы, человѣкъ ствi вязями и дѣловой опытностью, не захотѣлъ даже найти пре Іетербургѣ дѣльца, который, за приличное вознагражденіе, къ асился бы принять надзоръ надъ положеніемъ Обломова.

А между тѣмъ и онъ и Ольга не могли не знать участи. грозившей ихъ другу. Со своимъ практическимъ laissez fair, laissez passer, они оба были вполнѣ правы, и винить ихъ никто не смѣетъ. Кто въ наше время осмѣливается совать свой носъ въ дѣла самаго близкаго человѣка? Но предположите теперь, что до Ильи Ильича доходитъ слухъ о томъ, что Андрей и Ольга на краю нищеты, что они окружены врагами, грозящими ихъ будущности. Трудно сказать, что бы совершилъ Обломовъ при этомъ извѣстіи, но кажется намъ, что онъ не сказалъ бы самому себѣ: какое право имѣю я вмѣшиваться въ дѣла лицъ, когда-то мнѣ дорогихъ и близкихъ.

Можетъ-быть догадки наши покажутся иному читателю не совсѣмъ основательными, — но такова наша точка зрѣнія, и въ искренности ея никто не имѣетъ права сомнѣваться. Не за комическія стороны, не за жалостную жизнь, не за проявленіе общихъ всѣмъ намъ слабостей любимъ мы Илью Ильича Обломова. Онъ дорогъ намъ, какъ человѣкъ своего края и своего времени, какъ незлобивый и нѣжный ребенокъ, способный, при иныхъ обстоятельствахъ жизни и иномъ развитіи, на дѣла истинной любви и милосердія. Онъ дорогъ намъ, какъ самостоятельная и чистая натура, вполнѣ независимая отъ той схоластико-моральной истасканности, что пятнаетъ собою огромное большинство людей, его презирающихъ. Онъ дорогъ намъ по истинѣ, какою проникнуто все его созданіе, по тысячѣ корней, которыми поэтъ-художникъ связалъ его съ нашей родной почвой. И, наконецъ, онъ любезенъ намъ, какъ чудакъ, который въ нашу эпоху себялюбія, ухищреній и неправды, мирно покончилъ свой вѣкъ, не обидѣвши ни одного человѣка, не обманувши ни одного человѣка и не научивши ни одного человѣка чему-нибудь скверному.

Дружининъ.

Обломовъ, какъ герой переходной эпохи.

Образъ Обломова создался не сразу. Глава: „Сонъ Обломова“ въ видѣ отдѣльнаго этюда появилась въ ...ромъ ...ово-
приложеніи къ журналу: „Современникъ“ въ ... со ...чно,
и только черезъ девять лѣтъ былъ напечат... въ ...и и
ственныхъ Запискахъ“ весь романъ. Понал... сог...ныхъ

токъ времени около десяти лѣтъ, чтобы задуманный художникомъ поразительный по своему захвату синтезъ русской жизни принялъ, наконецъ, тотъ видъ, въ какомъ его знаетъ вся читающая Россія.

Появленіе „Обломова“ въ печати совпало съ могущественнымъ подъемомъ духа въ русскомъ обществѣ наканунѣ „эпохи великихъ реформъ“, когда повсюду раздавался протестъ противъ отжившаго строя, противъ мертваго застоя, въ какомъ находилась до тѣхъ поръ наша жизнь. Своимъ романомъ Гончаровъ, давши въ немъ единственное по широтѣ захвата художественное обобщеніе барской дореформенной Россіи, помогъ сразу разгадать, въ чемъ коренились главнѣйшія причины неподвижности и апатіи нашего общества. Его романъ представляетъ богатѣйшія данныя для изученія вліянія крѣпостного строя на духовный складъ русскихъ помѣщиковъ и даетъ обильный матеріалъ для сужденія о русской жизни вообще. Чтобы уяснить себѣ это громадное значеніе гончаровскаго „Обломова“, нужно подробнѣе остановиться на анализѣ характера главнаго героя романа, типичнаго представителя эпохи „пробужденія“ русскаго общества въ сороковые годы.

Мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который по своему умственному развитію, способности интенсивно мыслить и глубоко чувствовать, умѣнію понимать жизнь рѣзко выдѣляется въ окружающей его средѣ. Въ молодости, въ студенческіе годы, онъ „сгоралъ отъ жажды труда, далекой, но обаятельной цѣли“, былъ полонъ желаніемъ „блага, доблести, дѣятельности“, развивался подъ благотворнымъ вліяніемъ научной мысли — изучалъ право, политическую экономію, осиливалъ съ учителемъ математики круги и квадраты, занимался переводами съ англійскаго, мечталъ даже о дальнѣйшемъ ученіи въ германскихъ университетахъ. Онъ упивался поэтами, волновался, плакалъ надъ ними, постоянно твердилъ: „вся жизнь есть мысль“ и строилъ планы реформъ ея. „Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ глубинѣ души плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіями человѣчества“. Случалось, что онъ „исполнялся презрѣніемъ къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу и разгорался желаніемъ указать

человѣку на язвы". Яснѣе, чѣмъ кто нибудь, понималъ онъ всю безтолочь и пустоту свѣтской жизни, гдѣ на первомъ планѣ „вѣчная игра дрянныхъ страстишекъ, особенно жадности, перебиванiе другъ у друга дороги, сплетни, пересуды, щелчки другъ другу". Когда Штольцъ пытается указать привлекательныя стороны общественной жизни, онъ съ горечью замѣчаетъ: „хороша жизнь! Чего тамъ искать? интересовъ ума, сердца? Ты посмотри, гдѣ центръ, около котораго вращается все это: нѣтъ его, нѣтъ ничего глубокаго, задѣвающаго за живое. Все это мертвецы, спящiе люди, эти члены свѣта и общества. Что водитъ ихъ въ жизни?.. Войдешь въ залу и не налюбуешься, какъ симметрически разсажены гости, какъ смирно и глубокомысленно сидятъ — за картами. Нечего сказать — славныя задачи жизни!.. Собираются на обѣдъ, на вечеръ, какъ въ должность, безъ веселья, холодно, чтобы похвастать поваромъ, салономъ и потомъ подъ рукой осмѣять, подставить ногу одинъ другому". Ему противны люди, имѣющiе всю свою жизнь одно желанiе: „сбить съ ногъ другого и на его паденiи выстроить зданiе своего благосостоянiя", готовые по пять лѣтъ сидѣть и вздыхать въ прiемной, лишь-бы добиться своихъ мелкихъ, корыстныхъ цѣлей. Не привлекаетъ его и практическая дѣятельность Штольца, имѣющая цѣлью одно наживанiе денегъ. Еще болѣе симпатичны, сердечность и доброта Обломова, за которыя такъ любитъ его Штольцъ.

Казалось-бы, кому какъ не этому человѣку, умному, образованному, съ добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ, жить полною жизнью, на радость себѣ и другимъ. Между тѣмъ, „что-то помѣшало ему ринуться на поприще жизни и летѣть по нему на всѣхъ парусахъ ума и воли. Какой-то тайный врагъ наложилъ на него тяжелую руку въ началѣ пути и далеко отбросилъ отъ прямого человѣческаго назначенiя... Кто-то будто укралъ и закопалъ въ собственной его душѣ принесенныя ему въ даръ мiромъ и жизнью сокровища". И вотъ лежитъ Илья Ильичъ цѣлые дни на диванѣ въ Петербургѣ на Гороховой улицѣ, до такой степени отвыкши отъ малѣйшаго движенiя и всякой, даже ничтожной дѣятельности, что его приводитъ въ ужасъ мысль о необходимости перемѣнить квартиру и написать письмо старостѣ, завѣдующему

деревенскимъ хозяйствомъ. Это лежебока, байбакъ, тунеядецъ, губящій въ себѣ всѣ лучшія начала своей хорошей натуры и, въ концѣ концовъ, умирающій медленной духовной и тѣлесной смертью. Вся исторія Обломова, какъ она развертывается передъ нами въ романѣ, есть глубоко-грустная повѣсть о томъ, какъ постепенно гибнетъ благородный, умный, симпатичный человѣкъ, самъ сознавая свою гибель и чувствуя полное безсиліе сдѣлать что нибудь для своего спасенія.

Изображая картину постепеннаго духовнаго умиранія Обломова, его полную неприспособленность къ самой незначительной житейской борьбѣ, Гончаровъ съ полной ясностью раскрываетъ передъ нами причины духовнаго безсилія и гибели своего героя. Ключъ къ пониманію характера Обломова кроется въ знаменитомъ его „Снѣ“, къ анализу котораго мы теперь и приступимъ.

Самъ авторъ объяснилъ намъ значеніе этого „Сна“ для пониманія характера его героя. Изобразивши съ дивнымъ комизмомъ разъясненія Обломова Захару о томъ, какая разница между бариномъ и „другимъ“, который „работаетъ безъ устали, бѣгаетъ, суетится... а не поработаетъ, такъ и не съѣстъ“, самъ на себя натягиваетъ чулки, знаетъ нужду и голодъ, Гончаровъ затѣмъ рисуетъ намъ одну изъ ясныхъ, сознательныхъ минутъ своего героя, когда передъ его духовнымъ взоромъ во весь ростъ выступаетъ его собственное нравственное ничтожество. Мучительно больно становится ему „за свою неразвитость, остановку въ ростѣ нравственныхъ силъ, за тяжесть, мѣшающую всему“. „Отчего-же это я такой?“ съ болью въ сердцѣ, почти со слезами на глазахъ спрашиваетъ себя Обломовъ. Еще не успѣвшая вполнѣ отвыкнуть отъ работы мысль дѣятельно начинаетъ искать отвѣта на этотъ вопросъ и находитъ его. „Должно быть“... это... оттого“, начинаетъ Обломовъ формулировать этотъ созрѣвшій у него въ головѣ отвѣтъ, но охватившій его сонъ не даетъ ему договорить, и, какъ это часто бываетъ, готовая мысль, сложившаяся при бодрствованіи въ отвлеченной формѣ, облекается во снѣ въ живые образы. Передъ его глазами проходитъ картина его дѣтства, такъ какъ въ условіяхъ воспитанія и вліянія окружающей среды нашелъ Обломовъ отвѣтъ на мучившій его вопросъ.

Передъ нами полный здоровья, живой, наблюдательный, одаренный пытливымъ умомъ, впечатлительный ребенокъ.

Въ немъ такъ много дѣтской рѣзвости, живого темперамента, что онъ, не успѣвъ встать съ кроватки, начинаетъ шалить со своей няней. Живая натура требуетъ движенія, ищетъ выхода накопившейся энергіи, и потому, пока этотъ выходъ не найденъ, онъ всецѣло занятъ имъ. „Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять?“ вырывается вдругъ у него во время утренней молитвы давно вертѣвшаяся въ умѣ мысль, и онъ разсѣянно повторяетъ за матерью святыя слова, глядя въ окно, откуда мягкими волнами идетъ въ комнату манящій на волю весеній воздухъ, напоенный ароматомъ сирени. Наконецъ, онъ на дворѣ. Съ радостнымъ чувствомъ обѣжалъ онъ родительскій домъ, попытался взлѣзть на огибавшую весь домъ висячую галлерею, чтобы взглянуть оттуда на рѣчку, но, во-время остановленный старушкой-няней, бросился къ крутой лѣстницѣ, ведущей на сѣновалъ, задумалъ взобраться на голубятню, проникнуть на скотный дворъ и т. д. Это настоящая „юла“, какъ называетъ его едва поспѣвающая за нимъ няня, ребенокъ, отличающійся большой живостью, подвижностью натуры.

Но не одна рѣзвость бьетъ ключемъ въ маленькомъ Обломовѣ. „Онъ иногда вдругъ присмирѣетъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально“. Въ дѣтскомъ умѣ его одинъ за другимъ возникаетъ рядъ вопросовъ, на которые онъ жадно ищетъ отвѣта. „Отчего это, няня, тутъ темно, а тамъ свѣтло, а ужо будетъ и тамъ свѣтло?“ пытливо спрашиваетъ онъ, замѣтивъ, что отъ деревьевъ, отъ голубятни — отъ всего побѣжали длинныя тѣни. Предоставленный самому себѣ во время всеобщаго послѣобѣденнаго сна, противъ котораго не можетъ устоять и няня, онъ „забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины; поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья и смотритъ, что изъ нея будетъ... съ наслажденіемъ, боясь дохнуть, наблюдаетъ за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманной мухи, какъ бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ лапкахъ“ и т. п.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ натурой, которая,

будучи поставлена въ благопріятныя условія, могла бы достигнуть высокаго развитія своихъ душевныхъ силъ, занять видное мѣсто въ жизни.

Но точно сама судьба ополчилась противъ бѣднаго ребенка и отдавала его въ жертву такому вліянію воспитанія и окружающей среды, которое настойчиво, систематически подавляло въ немъ отмѣченные только что хорошіе природные задатки и, наоборотъ, развивало вредныя для него качества. Это было воспитаніе, являвшееся продуктомъ крѣпостного строя жизни, это была среда, созданная тѣмъ-же крѣпостнымъ правомъ.

Первымъ правиломъ этого воспитанія было внушеніе ребенку мысли о томъ, что онъ баринъ, что у него есть „Захаръ и еще 300 Захаровъ" для удовлетворенія всѣхъ его нуждъ и исполненія малѣйшихъ прихотей, и что ему вовсе не нужно и даже зазорно дѣлать для себя что-нибудь самому. И потому няня, несмотря на семилѣтній возрастъ мальчика, натягиваетъ на него чулки, умываетъ его, причесываетъ голову. То же повторяется и въ 14 лѣтъ съ той только разницей, что мѣсто няни занимаетъ Захарка, „а Ильюша... только и знаетъ, что подставляетъ ему лежа то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захаркѣ ногой въ носъ". Прямымъ слѣдствіемъ такого воспитанія было подавленіе въ ребенкѣ всякой самодѣятельности, уничтоженіе въ немъ той врожденной энергіи, жажды движенія, труда, которыя живымъ ключемъ били въ немъ. Захочетъ онъ, какъ рѣзвый мальчикъ, сдѣлать что-нибудь для себя самъ, какъ отовсюду раздаются голоса, указывающія на то, что это не барское дѣло, что для этого существуютъ Васьки, Ваньки, Захарки. „Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и самъ выучился покрикивать: —Эй, Васька, Ванька! Подай то, дай другое! не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!"

Никто не думалъ о томъ, чтобы предоставленіемъ ребенку разумной свободы развивать въ немъ драгоцѣнныя качества человѣческой природы, — потребность дѣятельности физической и умственной. Каждый шагъ его опекался и парализовался не въ мѣру нѣжными родителями, не считавшими однако нужнымъ позаботиться о томъ, чтобы ихъ сынъ находилъ для себя въ окружающемъ здоровую умственную

пищу. Какова была эта пища, какого рода отвѣты получалъ онъ на тѣ вопросы, которые роились въ его головкѣ, можно прекрасно судить по тому, что услышалъ онъ отъ няни, спросивъ ее, почему въ одномъ мѣстѣ свѣтло, а въ другомъ темно. „Оттого, батюшка, — отвѣчала она, — что солнце идетъ на встрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится, а уже какъ завидитъ издали, такъ просвѣтлѣетъ“. Вмѣсто того, чтобы удовлетворить должнымъ образомъ естественную любознательность ребенка, мать и няня давали волю своей необузданной фантазіи и населяли его воображеніе разсказами о какой-то невѣдомой странѣ, гдѣ нѣтъ ни ночей, ни холода, гдѣ все совершаются чудеса, гдѣ текутъ рѣки меду и молока, гдѣ никто ничего круглый годъ не дѣлаетъ, а день деньской только и знаютъ, что гуляютъ“. И такъ искусно въ этихъ разсказахъ обходилось все, что существуетъ на самомъ дѣлѣ, такъ сильно вліяли они на впечатлительнаго ребенка, что „воображеніе и умъ, проникшись вымысломъ, оставались уже у него въ рабствѣ до старости“. Хоть и знаетъ взрослый Илья Ильичъ, что нѣтъ въ дѣйствительности тѣхъ чудесъ, о которыхъ онъ слыхалъ въ дѣтствѣ, все же „у него навсегда остается расположеніе полежать на печи, походить въ готовомъ незаработанномъ платьѣ, поѣсть на счетъ доброй волшебницы“, и онъ „безсознательно грустить подчасъ, зачѣмъ сказка не жизнь, а жизнь не сказка“.

Не давая ничего, что хотя сколько-нибудь способствовало бы развитію природныхъ дарованій ребенка, окружавшая Обломова среда своимъ захватывающимъ вліяніемъ подчинила его себѣ, отравила его душу. Природная чуткость и впечатлительность Ильюши, которыя, при благопріятныхъ условіяхъ, могли бы мощно содѣйствовать его духовному росту, сослужили ему плохую службу, напитавъ его тлетворными впечатлѣніями окружавшей среды. Рисуя картину дѣтства Обломова, Гончаровъ нѣсколько разъ, варьируя на разные лады, повторяетъ одну и ту же мысль, — какъ дѣтскій умъ Ильюши наблюдаетъ всѣ совершающіеся передъ нимъ явленія жизни, какъ они глубоко западаютъ въ его душу и потомъ вмѣстѣ съ нимъ растутъ и зрѣютъ. Мы уже знаемъ отчасти, что это была за жизнь. Какъ живая, во всѣхъ деталяхъ встаетъ она передъ нашими гла-

зами въ мастерскомъ изображенiи Гончарова. „Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманiя ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напитывается мягкiй умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни его окружающей“. Видитъ Илюша, что его отецъ по цѣлымъ днямъ только и знаетъ, что ходитъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки назадъ, или же неподвижно сидитъ у окна, глядя въ пространство и отъ скуки дѣлая безсмысленныя замѣчанiя проходящей мимо дворнѣ; что никогда не придетъ ему въ голову провѣрить самому, какъ идетъ хозяйство, что даже незначительная работа по дому, какъ починка готовыхъ обрушиться галлереи и крыльца, представляется для него настолько сложнымъ дѣломъ, что онъ никакъ не можетъ взяться за него; замѣчаетъ онъ, что мать только и дѣлаетъ что хлопочетъ о ѣдѣ и переходитъ онъ кофе къ чаю, отъ чаю къ обѣду; что цѣлый штатъ крѣпостныхъ слугъ, готовыхъ исполнить малѣйшiй барскiй капризъ, всегда къ услугамъ его родителей. И невольно дѣтскiй умъ его, исполнившiйся впечатлѣнiй домашней жизни, прежде чѣмъ ему сталъ доступенъ притокъ иныхъ понятiй, хотя бы черезъ книги, рѣшаетъ, что именно такъ и нужно жить, какъ живутъ окружающiе его люди. Неоткуда было бѣдному мальчику набраться свѣжихъ, животворящихъ впечатлѣнiй, могущихъ дать здоровую пищу его уму, некому было позаботиться о томъ, чтобы его богато одаренная натура получила разумный просторъ для своего развитiя. Какъ нѣжно лелѣемое тепличное растенiе, росъ онъ, точно подъ стекломъ, медленно и вяло. „Ищущiя проявленiя силы обращались внутрь и никли увядая“.

Такъ подъ влiянiемъ нелѣпаго воспитанiя въ раннемъ дѣтствѣ и гибельнаго воздѣйствiя среды пропадали хорошiе природные задатки Ильюши. Они могли бы найти подходящiя условiя для развитiя позже, въ годы ученiя, и тогда первоначальная закваска въ значительной степени потеряла бы свою силу и могла совсѣмъ исчезнуть. Но своеобразный строй обломовской жизни налагалъ свой отпечатокъ и на ученiе, какъ домашнее, такъ и школьное. Какъ ни инертна была жизнь и среда, окружавшая Обломова въ дѣтствѣ, какъ ни равнодушно относилась она къ знанiю и просвѣ-

щенію, все же „времена Простаковыхъ и Скотининыхъ миновались давно Пословица: ученье свѣтъ — не ученье тьма бродила уже по селамъ и деревнямъ вмѣстѣ съ книгами, развозимыми букинистами". Даже обломовцы понимали выгоды и преимущества образованія, но понимали ихъ посвоему. Они видѣли, что тотъ, кто имѣлъ дипломъ, удостовѣряющій въ прохожденіи полнаго курса ученія, быстро хваталъ чины и кресты, наживалъ деньги, тогда какъ старые служаки, повидимому, искусившіеся во всѣхъ тонкостяхъ буквоѣдства и крючкотворства, или оставались въ хвостѣ, или — и того хуже — должны были убраться по добру по здорову. Отсюда ближайшее заключеніе, дальше котораго они и не шли, — нужно соблюсти предписанную форму, добыть для Ильюши какой-то аттестатъ, въ которомъ будетъ сказано, что онъ „прошелъ всѣ науки и искусства", и чѣмъ меньше будетъ затрачено на это труда и усилій, тѣмъ лучше. Они цѣнили только внѣшнюю выгоду образованія и не понимали той громадной роли, какую играетъ оно въ дѣлѣ развитія духовныхъ силъ человѣка, въ подготовкѣ его къ разумному существованію, удовлетворяя естественные запросы человѣческаго духа. Вотъ почему годы ученія у Штольца не могли уничтожить въ Ильюшѣ вліяній родной ему Обломовки, которая находилась слишкомъ близко; обаяніе ея привычекъ и атмосферы, благодаря постояннымъ поѣздкамъ Ильюши домой, парализовало всѣ начинанія Штольца. Что могъ сдѣлать со своимъ питомцемъ даже такой энергичный нѣмецъ, какъ старый Штольцъ, если обломовцы постоянно выискивали поводы къ тому, чтобы Ильюша поменьше мучилъ себя неизбѣжнымъ зломъ — ученіемъ. Всѣ были убѣждены, что печеніе блиновъ самый настоящій поводъ къ тому, чтобы не ѣхать къ нѣмцу, что праздникъ въ четвергъ — неодолимое препятствіе къ ученію во всю недѣлю и что поэтому незачѣмъ ѣздить взадъ и впередъ на три дня; что послѣ пасхальныхъ вакацій на двѣ недѣли не стоитъ ѣздить учиться, и т. д. То немногое время, какое находился маленькій Обломовъ подъ вліяніемъ своего учителя, тоже не могло принести существенной пользы, ибо старый Штольцъ встрѣтилъ неожиданное противодѣйствіе въ лицѣ своего сына, который, подружившп съ Ильюшей и горячо полюбивъ его, тайкомъ отъ отца половину работы исполнялъ за него.

Такимъ образомъ, и дѣтство, и отрочество, тѣ періоды жизни, когда въ значительной мѣрѣ слагаются наклонности и характеръ человѣка, опредѣляется его духовный обликъ, Ильюша Обломовъ находился подъ непрестаннымъ вліяніемъ окружающей его среды, которое такъ глубоко проникло въ его душу, что не могло быть искоренено ни въ годы студенческой жизни, ни въ послѣдующій зрѣлый періодъ ея. Прежняя живая, любознательная натура уже въ значительной степени была задавлена лѣнью и зарождающейся апатіей, съ которыми подчасъ онъ уже не въ силахъ бороться. Сказывалось это въ его порою чисто формальномъ отношеніи къ изучаемымъ наукамъ, которыя усваивались имъ безъ всякаго интереса. Юношескій подъемъ силъ, жажда знанія, которыя охватили одно время Обломова, когда онъ жилъ всѣми фибрами своей души, продолжались недолго. „Цвѣтъ жизни распустился, но не далъ плодовъ. Обломовъ отрезвился и только изрѣдка, по указанію Штольца, прочитывалъ ту или другую книгу, но не вдругъ, не торопясь, безъ жадности, а лѣниво пробѣгалъ глазами по строкамъ". Въ концѣ концовъ, ко времени окончанія курса Обломовъ потерялъ всякій вкусъ къ умственной работѣ; знаніе было для него мертвымъ капиталомъ, между нимъ и жизнью лежала цѣлая бездна, которую онъ не пытался пройти; оно не могло дать направленія его существованію, повліять на него. Жизнь въ его представленіи дѣлилась на двѣ половины: одна изъ нихъ была исполнена труда и неразлучной съ нимъ, въ его представленіи, скуки, другая состояла изъ покоя и мирнаго веселья.

Однако онъ не остался въ Обломовкѣ мирно наслаждаться прелестями деревенскаго существованія. Университетская жизнь все же давала нищу врожденной потребности къ дѣятельности и спасла его на время отъ окончательной гибели. Онъ былъ полонъ еще разныхъ широкихъ стремленій и надеждъ, чего-то ждалъ отъ себя и отъ жизни, мечталъ о роли, которую онъ будетъ играть на служебномъ поприщѣ и въ обществѣ, въ отдаленной перспективѣ видѣлъ семейное счастье. Все это заставило его покинуть родное гнѣздо и отправиться на поиски счастья въ Петербургъ Но первыя же столкновенія съ дѣйствительною жизнью, которая потребовала отъ него труда и энергіи, совсѣмъ оше-

ломили его, и онъ, десять лѣтъ все собираясь что-нибудь дѣлать, кончилъ тѣмъ, что, потерпѣвъ позорное фіаско, вслѣдствіе своего нерадѣнія, на служебномъ поприщѣ, оставилъ всякія мечты о повышеніяхъ, чинахъ и орденахъ и вышелъ въ отставку.

Глубоко пустившая въ него свои корни лѣнь и апатія вскорѣ побудила его порвать почти всѣ связи съ обществомъ, и онъ постепенно погружался въ спячку духовную и тѣлесную. Могущественнѣйшее изъ человѣческихъ чувствъ — любовь на время пробудило его, возродило духовно, но старая закваска оказалась сильнѣе, и мы видимъ, что онъ со страшной болью въ сердцѣ отказывается отъ любимой дѣвушки, чтобы заживо похоронить себя на Выборгской сторонѣ, отдать свою душу и жизнь во власть того настроенія, которое выросло въ русской дореформенной помѣщичьей жизни на даровомъ трудѣ крѣпостныхъ крестьянъ. „Кто проклялъ тебя, Илья?“ спрашиваетъ Ольга съ мучительной болью въ сердцѣ, потерявши въ него вѣру: „что ты сдѣлалъ? ты добръ, уменъ, нѣженъ, благороденъ... и... гибнешь! Что сгубило тебя? Нѣтъ имени этому злу“... — „Есть“—прошепталъ Обломовъ въ отвѣтъ чуть слышно:— „обломовщина“.

Такъ самъ Илья Ильичъ назвалъ погубившую его силу. Сила эта — дореформенный строй жизни, покоившійся на крѣпостномъ правѣ. Главный источникъ ея могущества скрывался въ услугахъ „трехсотъ Захаровъ“, въ безвозмездномъ пользованіи чужимъ трудомъ, въ беззаботной, праздной, сытой жизни. Въ этомъ отличіе жалкаго прозябанія Обломова отъ полной дѣятельности жизни тѣхъ, кто въ трудѣ видитъ необходимое условіе человѣческаго счастья и прогресса. Самъ Обломовъ какъ нельзя лучше въ разговорѣ съ Захаромъ указалъ, въ чемъ разница между нимъ, бариномъ, и „другимъ“. „Другой работаетъ безъ устали, — поясняетъ Илья Ильичъ, — бѣгаетъ, суетится, не поработаетъ, такъ и не поѣстъ... А я?... Да развѣ я мечусь, развѣ я работаю? Мало ѣмъ, что-ли? Худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ недостаетъ мнѣ чего-нибудь? Кажется, подать, сдѣлать есть кому. Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу. Стану ли я безпокоиться? Изъ чего мнѣ?... Ты все это знаешь, видѣлъ,

что я воспитанъ нѣжно, что я ни холода ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и, вообще, чернымъ дѣломъ не занимался". Но именно то, чѣмъ такъ гордился Обломовъ въ этой бесѣдѣ съ Захаромъ, и погубило его. Вліяніе „обломовщины" настолько сильно, что она, какъ сорная трава заглушаетъ неокрѣпшіе побѣги нужнаго человѣку растенія, въ концѣ концовъ, подавила въ Ильѣ Ильичѣ всѣ проблески новыхъ вѣяній, какими успѣлъ проникнуться онъ, всѣ задатки богато одаренной натуры. И погибъ этотъ глубоко симпатичный человѣкъ, стоящій на распутьѣ двухъ эпохъ русской общественности, засосанный въ тину дореформенной барской жизни, одурманенный съ ранняго дѣтства ея тлетворнымъ духомъ.

Рѣдкимъ по своей художественности и широтѣ захвата изображеніемъ въ „Обломовѣ" губительнаго вліянія крѣпостного строя жизни на самихъ помѣщиковъ Гончаровъ, какъ нельзя болѣе, содѣйствовалъ раздававшемуся въ то время изъ передовыхъ слоевъ общества призыву противъ спячки и застоя, въ которое было погружено, въ общей массѣ, дворянское сословіе. Молодой критикъ Добролюбовъ въ блестящей статьѣ, подъ заглавіемъ: „Что такое обломовщина", лучше которой до сихъ поръ ничего не написано о романѣ Гончарова, провелъ остроумую параллель между Обломовымъ, съ одной осotороны, и Онѣгинымъ, Печоринымъ, Рудинымъ и Бельтовымъ, съ другой, и наглядно показалъ, какъ глубоко захватилъ Гончаровъ въ своемъ романѣ одно изъ основныхъ свойствъ родной жизни, указавши въ то же время причины и условія его существованія. Для насъ Обломовъ—единственный въ своемъ родѣ художественный синтезъ жизни дореформеннаго русскаго барства.

Гончарову думалось, что съ наступленіемъ въ русской жизни новой эпохи, эпохи освобожденія и великихъ реформъ, приближеніе которыхъ ясно чуялось въ послѣдніе годы созданія „Обломова", обломовщина исчезнетъ. Посѣщая въ послѣдній разъ Илью Ильича, Штольцъ уходитъ отъ него съ такими мыслями: „Погибъ ты, Илья! Нечего тебѣ говорить, что твоя Обломовка не въ глуши больше, что до нея дошла очередь, что на нее пали лучи солнца.... что года черезъ четыре она будетъ станціей дороги, что мужики

твои пойдутъ работать насыпь, а потомъ по чугункѣ покатится твой хлѣбъ къ пристани... А тамъ школы, грамота, а дальше... Прощай, старая Обломовка, ты отжила свой вѣкъ". Но Штольцъ, устами котораго въ этомъ случаѣ, конечно, говоритъ самъ авторъ, ошибался. „Дѣло вѣковъ поправлять не легко," и Гончаровъ слишкомъ рано написалъ надгробное слово обломовщинѣ. Еще Добролюбовъ мѣтко замѣтилъ, что Обломовка—наша прямая родина, и что въ каждомъ изъ насъ сидитъ не мало обломовщины. Замѣчаніе это въ значительной мѣрѣ примѣнимо и къ последующей русской жизни вплоть до нашихъ дней, когда нерѣдко приходится встрѣчаться съ барской изнѣженностью, боязнью труда, отсутствіемъ энергіи и предпріимчивости, голубиной кротостью, лѣнью и апатіей, исключающими всякую возможность борьбы за лучшее будущее.

Отсюда цѣнность Обломова, какъ художественнаго образа значительно повышается: въ немъ слѣдуетъ видѣть не только временный, историческій, но и племенной русскій типъ, свойственный цѣлому ряду эпохъ, коренящійся въ основахъ нашей исторической, общественной и государственной жизни. Не даромъ слово „обломовщина", такъ удачно характеризующее одинъ изъ существеннѣйшихъ пороковъ нашей общественной жизни, получило широкія права гражданства и не рѣдко употребляется въ литературѣ и жизни.

На этомъ не исчерпывается значеніе образа Обломова. Создавая типъ, являющійся кореннымъ для всей русской жизни, Гончаровъ въ то же время далъ намъ и общечеловѣческій образъ и показалъ, какъ подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ условій овладѣваютъ даровитой личностью лѣнь и апатія, которыя мало по малу порабощаютъ себѣ всѣ лучшія движенія мысли и чувства. Въ этомъ отношеніи Обломовъ такой же вѣковѣчный типъ, какъ Гамлетъ, Донъ-Кихотъ, Чацкій и др., но въ рамкахъ исторической картины русской жизни сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка онъ — яркій представитель эпохи пробужденія русскаго общества, затопленный мутнымъ потокомъ старой жизни.

Александровскій.

Обломовщина, какъ одно изъ свойствъ русской жизни.

Обломовъ есть лицо не совсѣмъ новое въ нашей литературѣ; но прежде оно не выставлялось передъ нами такъ просто и естественно, какъ въ романѣ Гончарова. Чтобы не заходить слишкомъ далеко въ старину, скажемъ, что родовыя черты обломовскаго типа мы находимъ еще въ Онѣгинѣ, и затѣмъ нѣсколько разъ встрѣчаемъ ихъ повтореніе въ лучшихъ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ. Дѣло въ томъ, что это коренной, народный нашъ типъ, отъ котораго не могъ отдѣлаться ни одинъ изъ нашихъ серіозныхъ художниковъ. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ сознательнаго развитія общества, типъ этотъ измѣнилъ свои формы, становился въ другія отношенія къ жизни, получалъ новое значеніе. Подмѣтить эти новыя фазы его существованія, опредѣлить сущность его новаго смысла — это всегда составляло громадную задачу, и талантъ, умѣвшій сдѣлать это, всегда дѣлалъ существенный шагъ впередъ въ исторіи нашей литературы. Такой шагъ сдѣлалъ и Гончаровъ своимъ „Обломовымъ". Посмотримъ на главныя черты обломовскаго типа и потомъ попробуемъ провести маленькую параллель между ними и нѣкоторыми типами того же рода, въ разное время проявлявшимися въ нашей литературѣ.

Въ чемъ заключаются главныя черты обломовскаго характера? Въ совершенной инертности, происходящей отъ его апатіи ко всему, что дѣлается на свѣтѣ. Причина же апатіи заключается отчасти въ его внѣшнемъ положеніи, отчасти же въ образѣ его умственнаго и нравственнаго развитія. По внѣшнему своему положенію — онъ баринъ; „у него есть Захаръ и еще триста Захаровъ", по выраженію автора. Преимущество своего положенія Илья Ильичъ объясняетъ Захару такимъ образомъ:

„Развѣ я мечусь, развѣ работаю? мало ѣмъ, что-ли? худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ недостаетъ мнѣ чего-нибудь? Кажется, подать, сдѣлать есть кому! Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу! Стану-ли я безпокоиться? изъ чего мнѣ?.. И кому я это говорю? Не ты ли съ дѣтства ходилъ за мной? Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно,

что я ни холода ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще черным дѣломъ не занимался".

И Обломовъ говоритъ совершенную правду. Исторія его воспитанія вся служитъ подтвержденіемъ его словъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ привыкаетъ быть байбакомъ, благодаря тому, что у него и подать и сдѣлать — есть кому; тутъ ужъ даже и противъ воли нерѣдко онъ бездѣльничаетъ и сибаритствуетъ. Ну, скажите, пожалуйста, чего же бы вы хотѣли отъ человѣка, выросшаго вотъ въ какихъ условіяхъ:

„Захаръ, — какъ, бывало, нянька, — натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ только и знаетъ, что подставляетъ ему, лежа, то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захаркѣ ногой въ носъ. Если недовольный Захарка вздумаетъ пожаловаться, то получитъ еще отъ старшихъ колотушку. Потомъ Захарка чешетъ ему голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ безпокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: вставши поутру, умыться и т. п.

Захочетъ ли чего нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть — ужъ двое-четверо слугъ кидаются исполнить его желаніе; уронитъ ли онъ что нибудь, достать ли ему нужно вещь да не достанетъ, принести-ли что, сбѣгать ли за чѣмъ, — ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать, да три тетки, въ пять голосовъ и закричатъ:

„ — Зачѣмъ? куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька, Ванька, Захарка! Чего вы смотрите, розини? Вотъ я васъ!..

И не удается никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и выучился самъ покрикивать: Эй, Васька, Ванька! подай то, дай другое. Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!

Подчасъ нѣжная заботливость родителей и надоѣдала ему. Побѣжитъ ли онъ съ лѣстницы или по двору, вдругъ вслѣдъ ему раздается десять отчаянныхъ голосовъ: „ахъ, ахъ! подержите, остановите! упадетъ, расшибется! Стой, стой!"... Задумаетъ ли онъ выскочить зимой въ сѣни или отворить форточку, — опять крики: „ай, куда? какъ можно? Не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься"... И Ильюша съ печалью оставался дома, лелѣемый, какъ экзотическій цвѣтокъ въ теплицѣ, и такъ же, какъ послѣдній подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая".

Такое воспитаніе вовсе не составляетъ чего нибудь исключительнаго, страннаго въ нашемъ образованномъ обществѣ. Не вездѣ, конечно, Захарка натягиваетъ чулки барченку, и т. п. Но не нужно забывать, что подобная льгота дается Захаркѣ по особому снисхожденію или вслѣдствіе высшихъ педагогическихъ соображеній, и вовсе не находится въ гармоніи съ общимъ ходомъ домашнихъ дѣлъ. Барченокъ, пожалуй, и самъ одѣнется; но онъ знаетъ, что это для него въ родѣ милаго развлеченія, прихоти, а въ сущности онъ вовсе не обязанъ этого дѣлать самъ. Да и вообще, ему самому нѣтъ надобности что нибудь дѣлать. Изъ чего ему биться? Некому, что ли, подать и сдѣлать для него все, что ему нужно?... Поэтому онъ себя надъ работой убивать не станетъ, что бы ему ни толковали о необходимости и святости труда: онъ съ малыхъ лѣтъ видитъ въ своемъ домѣ, что всѣ домашнія работы исполняются лакеями и служанками, а папенька и маменька только распоряжаются да бранятся за дурное исполненіе. И вотъ у него уже готово первое понятіе, — что сидѣть сложа руки почетнѣе, нежели суетиться съ работою... Въ этомъ направленіи идетъ и все дальнѣйшее развитіе.

Понятно, какое дѣйствіе производится такимъ положеніемъ ребенка на все его нравственное и умственное образованіе. Внутреннія силы „никнутъ и увядаютъ“ по необходимости. Если мальчикъ и пытаетъ ихъ иногда, то развѣ въ капризахъ и въ заносчивыхъ требованіяхъ исполненія другими его приказаній. А извѣстно, какъ удовлетворенные капризы развиваютъ безхарактерность и какъ заносчивость несовмѣстна съ умѣньемъ серіозно поддерживать свое достоинство. Привыкая предъявлять безтолковыя требованія, мальчикъ скоро теряетъ мѣру возможности и удобоисполнимости своихъ желаній, лишается всякаго умѣнья соображать средства съ цѣлями, и потому становится въ тупикъ при первомъ препятствіи, для отстраненія котораго нужно употребить собственное усиліе. Когда онъ выростаетъ, онъ дѣлается Обломовымъ, съ большей или меньшей долей его апатичности, и безхарактерности, подъ болѣе или менѣе искусной маской, но всегда съ однимъ неизмѣннымъ качествомъ — отвращеніемъ отъ серіозной и самобытной дѣятельности.

Много помогаетъ тутъ и умственное развитіе Обломовыхъ, тоже, разумѣется, направляемое ихъ внѣшнимъ положеніемъ. Какъ въ первый разъ они взглянутъ на жизнь навыворотъ,— такъ ужъ потомъ до конца дней своихъ и не могутъ достигнуть разумнаго пониманія своихъ отношеній къ міру и къ людямъ. Имъ потомъ и растолкуютъ многое, они и поймутъ кое-что; но съ дѣтства укоренившееся воззрѣніе всетаки удержится гдѣ нибудь въ уголку и безпрестанно выглядываетъ оттуда, мѣшая всѣмъ новымъ понятіямъ и не допуская ихъ уложиться на дно души... И дѣлается въ головѣ какой-то хаосъ: иной разъ человѣку и рѣшимость придетъ сдѣлать что нибудь, да не знаетъ онъ, что ему начать, куда обратиться... И не мудрено: нормальный человѣкъ всегда хочетъ только того, что можетъ сдѣлать; зато онъ немедленно и дѣлаетъ все, что захочетъ... А Обломовъ... онъ не привыкъ дѣлать что нибудь, слѣдовательно, не можетъ хорошенько опредѣлить, что онъ можетъ сдѣлать и чего нѣтъ,— слѣдовательно не можетъ и серьезно, *дѣятельно* захотѣть чего нибудь... Его желанія являются только въ формѣ: „а хорошо бы, если бы вотъ это сдѣлалось"; но какъ это можетъ сдѣлаться, онъ не знаетъ. Оттого онъ любитъ помечтать и ужасно боится того момента, когда мечтанія придутъ въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью. Тутъ онъ старается взвалить дѣло на кого нибудь другого, а если нѣтъ никого, то на *авось*...

Всѣ эти черты превосходно подмѣчены и съ необыкновенной силой и истиной сосредоточены въ лицѣ Ильи Ильича Обломова. Не нужно представлять себѣ, чтобы Илья Ильичъ принадлежалъ къ какой нибудь особенной породѣ, въ которой бы неподвижность составляла существенную, конечную черту. Несправедливо было бы думать, что онъ отъ природы лишенъ способности произвольнаго движенія. Вовсе нѣтъ: отъ природы онъ — человѣкъ, какъ и всѣ. Въ ребячествѣ ему хотѣлось побѣгать и поиграть въ снѣжки съ ребятишками, достать самому то или другое, и въ оврагъ сбѣгать, и въ ближайшій березнякъ пробраться черезъ каналъ, плетни и ямы. Пользуясь часомъ общаго въ Обломовкѣ послѣобѣденнаго сна, онъ разминался, бывало: „взбѣгалъ на галлерею (куда не позволялось ходить, потому что она каждую минуту готова была развалиться), лазилъ на

голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ". А то — „забирался въ каналъ, рылся, отыскивалъ какіе-то корешки, очищалъ отъ коры и ѣлъ всласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которыя даетъ маменька". Все это могло служить задаткомъ характера кроткаго, спокойнаго, но не безсмысленно-лѣниваго. Притомъ и кротость, переходящая въ робость и подставленіе спины другимъ, есть въ человѣкѣ явленіе вовсе не природное, а чисто благопріобрѣтенное, точно также, какъ и нахальство и заносчивость. И между обоими этими качествами разстояніе вовсе не такъ велико, какъ обыкновенно думаютъ. Никто не умѣетъ такъ отлично вздергивать носа, какъ лакеи; никто такъ грубо не ведетъ себя съ подчиненными, какъ тѣ, которые подличаютъ передъ начальниками. Илья Ильичъ, при всей своей кротости, не боится поддать ногой въ рожу обувающему его Захару, и если онъ въ своей жизни не дѣлаетъ этого съ другими, такъ единственно потому, что надѣется встрѣтить противодѣйствіе, которое нужно будетъ преодолѣть. Поневолѣ онъ ограничиваетъ кругъ своей дѣятельности тремя стами своихъ Захаровъ. А будь у него этихъ Захаровъ во сто, въ тысячу разъ больше — онъ бы не встрѣчалъ себѣ противодѣйствій и пріучился бы довольно смѣло поддавать въ зубы каждому, съ кѣмъ случится имѣть дѣло. И такое поведеніе вовсе не было бы у него признакомъ какого нибудь звѣрства натуры; и ему самому и всѣмъ окружающимъ оно казалось бы очень естественнымъ, необходимымъ... никому бы и въ голову не пришло, что можно и должно вести себя какъ нибудь иначе. Но — къ несчастью иль къ счастью — Илья Ильичъ родился помѣщикомъ средней руки, получалъ дохода не болѣе десяти тысячъ рублей на ассигнаціи, и вслѣдствіе того могъ распоряжаться судьбами міра только въ своихъ мечтаніяхъ. Зато въ мечтахъ своихъ онъ и любилъ предаваться воинственнымъ и героическимъ стремленіямъ. „Онъ любилъ иногда вообразить себя какимъ нибудь непобѣдимымъ полководцемъ, предъ которымъ не только Наполеонъ, но и Еруславъ Лазаревичъ ничего не значитъ; выдумаетъ войну и причину ея: у него хлынутъ, напримѣръ, народы изъ Африки въ Европу, или устроитъ онъ новые крестовые походы, и воюетъ, рѣшаетъ участь

народовъ, разоряетъ города, щадитъ казнитъ, оказываетъ подвиги добра и великодушія". А то онъ вообразитъ, что онъ великій мыслитель или художникъ, что за нимъ гоняется толпа и всѣ поклоняются ему... Ясно, что Обломовъ не тупая, апатическая натура, безъ стремленій и чувствъ, а человѣкъ, тоже чего то ищущій въ своей жизни, о чемъ то думающій. Но гнусная привычка получать удовлетвореніе своихъ желаній не отъ собственныхъ усилій, а отъ другихъ, развила въ немъ апатическую неподвижность и повергла его въ жалкое состояніе нравственнаго рабства. Рабство это такъ переплетается съ барствомъ Обломова, такъ они взаимно проникаютъ другъ друга и одно другимъ обусловливаются, что, кажется, нѣтъ ни малѣйшей возможности провести между ними какую нибудь границу. Это нравственное рабство Обломова составляетъ едва ли не самую любопытную сторону его личности и всей его исторіи... Но какъ могъ дойти до рабства человѣкъ съ такимъ независимымъ положеніемъ, какъ Илья Ильичъ? Кажется кому бы наслаждаться свободой, какъ не ему? Не служитъ, не связанъ съ обществомъ, имѣетъ обезпеченное состояніе... Онъ самъ хвалится тѣмъ, что не чувствуетъ надобности кланяться, просить, унижаться, что онъ не подобенъ „другимъ", которые работаютъ безъ устали, бѣгаютъ, суетятся, — а не работаютъ, такъ и не поѣдятъ... Онъ внушаетъ къ себѣ благоговѣйную любовь доброй вдовѣ Пшеницыной именно тѣмъ, что онъ *баринъ*, что онъ сіяетъ и блещетъ, что онъ и ходитъ, и говоритъ такъ вольно и независимо, что онъ „не пишетъ безпрестанно бумагъ, не трясется отъ страха, что опоздаетъ въ должность, не глядитъ на всякаго такъ, какъ будто проситъ осѣдлать его и поѣхать, а глядитъ на всѣхъ и на все такъ смѣло и свободно, какъ будто требуетъ покорности себѣ". И однако же вся жизнь этого барина убита тѣмъ, что онъ постоянно остается рабомъ чужой воли и никогда не возвышается до того, чтобы проявить какую нибудь самобытность. Онъ рабъ каждой женщины, каждаго встрѣчнаго, рабъ каждаго мошенника, который захочетъ взять надъ нимъ волю. Онъ рабъ своего крѣпостнаго Захара, и трудно рѣшить, который изъ нихъ болѣе подчиняется власти другого. По крайней мѣрѣ — чего Захаръ не захочетъ, того Илья Ильичъ не можетъ заставить его сдѣлать; а чего захочетъ Захаръ, то

сдѣлаетъ и противъ воли барина, и баринъ покорится... Оно такъ и слѣдуетъ: Захаръ все-таки умѣетъ сдѣлать хоть что нибудь, а Обломовъ ровно ничего не можетъ и не умѣетъ. Ничего уже и говорить о Тарантьевѣ и Иванѣ Матвѣичѣ, которые дѣлаютъ съ Обломовымъ, что хотятъ, несмотря на то, что сами и по умственному развитію и по нравственнымъ качествамъ гораздо ниже его... Отчего же это? Да все оттого, что Обломовъ, какъ баринъ, не хочетъ и не умѣетъ работать и не понимаетъ настоящихъ отношеній своихъ ко всему окружающему. Онъ не прочь отъ дѣятельности — до тѣхъ поръ, пока она имѣетъ видъ призрака и далека отъ реальнаго осуществленія: такъ онъ создаетъ планъ устройства имѣнія и очень усердно занимался имъ, — только „подробности, смѣты и цифры“ пугаютъ его и постоянно отбрасываются имъ въ сторону, потому что гдѣ же ему съ ними возиться!... Онъ — баринъ, какъ объясняетъ самъ Иванъ Матвѣичу: „кто я, что такое? спросите вы... Подите, спросите у Захара, и онъ скажетъ вамъ: „баринъ!“ Да, я баринъ и дѣлать ничего не умѣю! Дѣлайте вы, если знаете, и помогите, если можете, а за трудъ возьмите себѣ, что хотите: — на то наука!“ И вы думаете, что онъ этимъ хочетъ только отдѣлаться отъ работы, старается прикрыть незнаніемъ свою лѣнь? Нѣтъ, онъ дѣйствительно не знаетъ и не умѣетъ ничего, дѣйствительно не въ состояніи приняться ни за какое путное дѣло. Относительно своего имѣнія (для преобразованія котораго сочинилъ уже планъ) онъ такимъ образомъ признается въ своемъ невѣдѣніи Ивану Матвѣичу: „я не знаю, что такое барщина, что такое сельскій трудъ, что значитъ бѣдный мужикъ, что богатый; не знаю, что значитъ четверть ржи или овса, что она стоитъ, въ какомъ мѣсяцѣ и что сѣютъ и жнутъ, какъ и когда продаютъ; не знаю, богатъ ли я или бѣденъ, буду ли я черезъ годъ сытъ или буду нищій—я ничего не знаю!... Слѣдовательно, говорите и совѣтуйте мнѣ, какъ ребенку“... Иначе сказать, будьте надо мною господиномъ, распоряжайтесь моимъ добромъ, какъ вздумаете, удѣляйте мнѣ изъ него, сколько найдете для себя удобнымъ... Такъ на дѣлѣ то и вышло: Иванъ Матвѣичъ совсѣмъ было прибралъ къ рукамъ имѣніе Обломова, да Штольцъ помѣшалъ, къ несчастью.

И вѣдь Обломовъ не только своихъ сельскихъ порядковъ

не знаетъ, не только положенія своихъ дѣлъ не понимаетъ: это бы еще куда ни шло!... Но вотъ въ чемъ главная бѣда: онъ и вообще жизни не умѣлъ осмыслить для себя. Въ Обломовкѣ никто не задавалъ себѣ вопроса: зачѣмъ жизнь, что она такое, какой ея смыслъ и назначеніе? Обломовцы очень просто понимали ее, „какъ идеалъ покоя и бездѣйствія, нарушаемаго по временамъ разными непріятными случайностями, какъ-то: болѣзнями, убытками, ссорами и, между прочимъ, трудомъ. Они сносили трудъ, какъ наказаніе, наложенное еще на праотцевъ нашихъ, но любить не могли, и гдѣ былъ случай, всегда отъ него избавлялись, находя это возможнымъ и должнымъ". Точно такъ относился къ жизни и Илья Ильичъ. Идеалъ счастья, нарисованный имъ Штольцу, заключается не въ чемъ другомъ, какъ въ сытой жизни, — съ оранжереями, парниками, поѣздками съ самоваромъ въ рощу и т. п., — въ халатѣ, въ крѣпкомъ снѣ, да для промежуточнаго отдыха — въ идиллическихъ прогулкахъ съ кроткою, но дебелою женою, и въ созерцаніи того, какъ крестьяне работаютъ... Разсудокъ Обломова такъ успѣлъ съ дѣтства сложиться, что даже въ самомъ отвлеченномъ разсужденіи, въ самой утопической теоріи имѣлъ способность останавливаться на данномъ моментѣ и затѣмъ не выходить изъ этого statu quo, несмотря ни на какія убѣжденія. Рисуя идеалъ своего блаженства, Илья Ильичъ не думалъ спросить себя о внутреннемъ смыслѣ его, не думалъ утвердить его законность и правду, не задалъ себѣ вопроса: откуда будутъ браться эти оранжереи и парники, кто ихъ станетъ поддерживать и съ какой стати будетъ онъ ими пользоваться?... Не задавая себѣ подобныхъ вопросовъ, не разъясняя своихъ отношеній къ міру и къ обществу, Обломовъ, разумѣется, не могъ осмыслить своей жизни и потому тяготился и скучалъ отъ всего, что ему приходилось дѣлать. Служилъ онъ — и не могъ понять, зачѣмъ это бумаги пишутся; не понявши же, ничего лучше не нашелъ, какъ выйти въ отставку и ничего не писать. Учился онъ — и не зналъ, къ чему можетъ послужить ему наука; не узнавши этого, онъ рѣшился сложить книги въ уголъ и равнодушно смотрѣть, какъ ихъ покрываетъ пыль. Выѣзжалъ онъ въ общество — и не умѣлъ себѣ объяснить, зачѣмъ люди въ гости ходятъ; не объяснивши, онъ бросилъ всѣ

свои знакомства и сталъ по цѣлымъ днямъ лежать у себя на диванѣ. Сходился онъ съ женщинами, но подумалъ: однако, чего же отъ нихъ ожидать и добиваться? подумавши же, не рѣшилъ вопроса и сталъ избѣгать и женщинъ... Все ему наскучило и опостылѣло, и онъ лежалъ на боку, съ полнымъ сознательнымъ презрѣніемъ къ „муравьиной работѣ людей“, убивающихся и суетящихся Богъ вѣсть изъ-за чего...

Дойдя до этой точки въ объясненіи характера Обломова, мы находимъ умѣстнымъ обратиться къ литературной параллели, о которой упомянуто выше. Предыдущія соображенія привели насъ къ тому заключенію, что Обломовъ не есть существо, отъ природы совершенно лишенное способности произвольнаго движенія. Его лѣнь и апатія есть созданіе воспитанія и окружающихъ обстоятельствъ. Главное здѣсь не Обломовъ, а обломовщина. Онъ бы, можетъ быть сталъ даже и работать, если бы нашелъ дѣло по себѣ; но для этого, конечно, ему надо было развиться нѣсколько подъ другими условіями, нежели подъ какими онъ развился. Въ настоящемъ же своемъ положеніи онъ не могъ нигдѣ найти себѣ дѣла по душѣ, потому что, вообще, не понималъ смысла жизни и не могъ дойти до разумнаго воззрѣнія на свои отношенія къ другимъ. Здѣсь-то онъ и подаетъ намъ поводъ къ сравненію съ прежними типами лучшихъ нашихъ писателей. Давно уже замѣчено, что всѣ герои замѣчательнѣйшихъ русскихъ повѣстей и романовъ страдаютъ оттого, что не видятъ цѣли въ жизни и не находятъ себѣ приличной дѣятельности. Вслѣдствіе того они чувствуютъ скуку и отвращеніе отъ всякаго дѣла, въ чемъ представляютъ разительное сходство съ Обломовымъ. Въ самомъ дѣлѣ, — раскройте, напримѣръ, „Онѣгина“, „Героя нашего времени“, „Кто виноватъ“, „Рудина“, или „Лишняго человѣка“, или „Гамлета Щигровскаго уѣзда“, — въ каждомъ изъ нихъ вы найдете черты, почти буквально сходныя съ чертами Обломова.

Онѣгинъ, какъ Обломовъ, оставляетъ общество, за тѣмъ, что его

Измѣны утомить успѣли,
Друзья и дружба надоѣли.

И вотъ онъ занялся писаньемъ:

Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома запершся,
Зѣвая за перо взялся.
Хотѣлъ писать; но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ; ничего
Не вышло изъ пера его...

На этомъ же поприщѣ подвизался и Рудинъ, который любилъ читать избраннымъ „первыя страницы предполагаемыхъ статей и сочиненій своихъ“. Тентетниковъ тоже много лѣтъ занимался „колоссальнымъ сочиненіемъ, долженствовавшимъ обнять всю Россію со всѣхъ точекъ зрѣнія“; но и у него „предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываньемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки, и потомъ все это отодвигалось въ сторону“. Илья Ильичъ не отсталъ въ этомъ отъ своихъ собратій: онъ тоже писалъ и переводилъ, — Сэя даже переводилъ. „Гдѣ-же твои работы, твои переводы?“ спрашиваетъ его потомъ Штольцъ. — „Не знаю, Захаръ куда-то дѣлъ; въ углу, должно быть, лежатъ“, отвѣчаетъ Обломовъ. Выходитъ, что Илья Ильичъ даже больше, можетъ быть, сдѣлалъ, чѣмъ другіе, принимавшіеся за дѣло съ такой же твердой рѣшимостью, какъ и онъ... А принимались за это дѣло почти всѣ братцы обломовской семьи, несмотря на разницу своихъ положеній и умственнаго развитія. Печоринъ только свысока смотрѣлъ на „поставщиковъ повѣстей“ и сочинителей мѣщанскихъ драмъ; впрочемъ и онъ писалъ свои записки. Что касается Бельтова, то онъ навѣрное сочинялъ что нибудь, да еще кромѣ того артистомъ былъ, ходилъ въ Эрмитажъ и сидѣлъ за мольбертомъ, обдумывалъ большую картину встрѣчи Бирона, ѣдущаго изъ Сибири, съ Минихомъ, ѣдущимъ въ Сибирь... Что изъ всего этого вышло, извѣстно читателямъ... Во всей семьѣ таже обломовщина...

Относительно „присвоенія себѣ чужого ума“, т.-е. чтенія, Обломовъ тоже не много расходится съ своими братьями. Илья Ильичъ читалъ тоже кое-что, и читалъ не такъ, какъ покойный батюшка его: „давно, говоритъ, не читалъ книги“; „дай-ко, почитаю книгу“, — да и возьметъ, какая подъ руку попадется... Нѣтъ, вѣяніе современнаго образованія коснулось и Обломова: онъ уже читалъ по выбору, сознательно.

„Услышитъ о какомъ нибудь замѣчательномъ произведенiи, — у него явится позывъ познакомиться съ нимъ; онъ ищетъ, проситъ книги, и если принесутъ скоро, онъ примется за нее, у него начнетъ формироваться идея о предметѣ; еще шагъ, и онъ овладѣлъ-бы имъ, а посмотришь, онъ уже лежитъ, глядя апатически въ потолокъ, и книга лежитъ, подлѣ него, недочитанная, непонятая. Охлажденiе одолѣвало имъ еще быстрѣе, нежели увлеченiе: онъ уже никогда не возвращался къ покинутой книгѣ“. Не то ли же самое было и съ другими? Онѣгинъ, думая себѣ присвоить умъ чужой, началъ съ того, что

Отрядомъ книгъ уставилъ полку,

и принялся читать. Но толку не вышло ни какого: чтенiе скоро ему надоѣло, и —

Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку, съ пыльной ихъ семьей,
Задернулъ траурной тафтой.

Тентетниковъ тоже такъ читалъ книги (благо, онъ привыкъ ихъ всегда имѣть подъ рукой), — большею частiю во время обѣда: „съ супомъ, съ соусомъ, съ жаркимъ и даже съ пирожнымъ“... Рудинъ тоже признается Лежневу, что накупилъ онъ себѣ какихъ-то агрономическихъ книгъ, но ни одной до конца не прочелъ; сдѣлался учителемъ, да нашелъ, что фактовъ зналъ маловато, и даже на одномъ памятникѣ XVI столѣтiя былъ сбитъ учителемъ математики. И у него, какъ у Обломова, принимались легко только общiя идеи, а „подробности, смѣты и цифры“ постоянно оставались въ сторонѣ.

„Но вѣдь это еще не жизнь, — это только приготовленiе къ жизни“, — думалъ Андрей Иванычъ Тентетниковъ, проходившiй, вмѣстѣ съ Обломовымъ и всей этой компанiей, тьму ненужныхъ наукъ и не умѣвшiй ни iоты изъ нихъ примѣнить къ жизни. „Настоящая жизнь — это служба“. И всѣ наши герои, кромѣ Онѣгина и Печорина, служатъ, и для всѣхъ ихъ служба — ненужное и неимѣющее смысла бремя; и всѣ они оканчиваютъ благородной и ранней отставкой. Бельтовъ четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ не дослужилъ до пряжки, потому что, погорячившись сна-

чала вскорѣ охладѣлъ къ канцелярскимъ занятіямъ, сталъ раздражителенъ и небреженъ... Тентетниковъ поговорилъ крупно съ начальникомъ, да притомъ-же хотѣлъ принести пользу государству, лично занявшись устройствомъ своего имѣнія. Рудинъ поссорился съ директоромъ гимназіи, гдѣ былъ учителемъ. Обломову не понравилось, что съ начальникомъ всѣ говорятъ „не своимъ голосомъ, а какимъ-то другимъ, тоненькимъ и гадкимъ"; онъ не захотѣлъ этимъ голосомъ объясняться съ начальникомъ по тому поводу, что „отправилъ нужную бумагу вмѣсто Астрахани въ Архангельскъ", и подалъ въ отставку... Вездѣ все одна и та же обломовщина...

Въ домашней жизни обломовцы тоже очень похожи другъ на друга:

Прогулки, чтенье, сонъ глубокій,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина, —
Вотъ жизнь Онѣгина святая...

То же самое, слово въ слово, за исключеніемъ коня, рисуется у Илья Ильича въ идеалѣ домашней жизни. Даже поцѣлуй черноокой бѣлянки не забытъ у Обломова. „Одна изъ крестьянокъ, — мечтаетъ Илья Ильичъ, — съ загорѣлой шеей, съ открытыми локтями, съ робко-опущенными, но лукавыми глазами, чуть-чуть, для виду только, обороняется отъ барской ласки, а сама счастлива... тс... жена чтобъ не увидала, Боже сохрани!" (Обломовъ воображаетъ себя уже женатымъ)... И еслибъ Ильѣ Ильичу не лѣнь было уѣхать изъ Петербурга въ деревню, онъ непремѣнно привелъ бы въ исполненіе задушевную свою идиллію. Вообще обломовцы склонны къ идиллическому, бездѣйственному счастью, которое ничего отъ нихъ не требуетъ: „наслаждайся, молъ, мною, да и только"...! Ужъ на что, кажется, Печоринъ, а и тотъ полагаетъ, что счастье-то можетъ быть, заключается въ покоѣ и сладкомъ отдыхѣ. Онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ сравниваетъ себя съ человѣкомъ,

томимымъ голодомъ, который „въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ предъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче... но только проснулся, мечта исчезаетъ, остается удвоенный голодъ и отчаяніе"... Въ другомъ мѣстѣ Печоринъ себя спрашиваетъ: „отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?" Онъ самъ полагаетъ, — оттого, что „душа его сжилась съ бурями и жаждетъ кипучей дѣятельности"... Но вѣдь онъ вѣчно недоволенъ своей борьбой и самъ же безпрестанно высказываетъ, что всѣ свои дрянныя дебоширства затѣваетъ потому только, что ничего лучшаго не находитъ дѣлать..... А ужъ коли не находитъ дѣла и вслѣдствіе того ничего не дѣлаетъ и ничѣмъ не удовлетворяется, такъ это значитъ, что къ бездѣлью болѣе наклоненъ, чѣмъ къ дѣлу... Та же обломовщина...

Отношенія къ людямъ и въ особенности къ женщинамъ тоже имѣютъ у всѣхъ обломовцевъ нѣкоторыя общія черты. Людей они вообще презираютъ, съ ихъ мелкимъ трудомъ, съ ихъ узкими понятіями и близорукими стремленіями. „Это все чернорабочіе", небрежно отзывается даже Бельтовъ, гуманнѣйшій между ними. Рудинъ наивно воображаетъ себя геніемъ, котораго никто не въ состояніи понять. Печоринъ, ужъ разумѣется, топчетъ всѣхъ ногами. Даже Онѣгинъ имѣетъ за собою два стиха, гласящіе, что

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей.

Тентетниковъ даже, — ужъ на что смирный, — и тотъ, пришедши въ департаментъ, почувствовалъ, что „какъ будто его за проступокъ перевели изъ верхняго класса въ нижній"; а пріѣхавши въ деревню, скоро постарался, подобно Онѣгину и Обломову, разнакомиться со всѣми сосѣдями, которые поспѣшили съ нимъ познакомиться. И нашъ Илья Ильичъ не уступитъ никому въ презрѣніи къ людямъ: оно вѣдь такъ легко, для него даже усилій никакихъ не нужно. Онъ самодовольно проводитъ передъ Захаромъ параллель между собой и „другими"; онъ въ разговорахъ съ пріятелями выражаетъ наивное удивленіе, изъ-за чего это люди бьются, заставляя себя ходить въ должность, писать, слѣдить за

газетами, посѣщать общество, и пр. Онъ даже весьма категорически выражаетъ Штольцу сознаніе своего превосходства надъ всѣми людьми. „Жизнь, говоритъ, въ обществѣ? Хороша жизнь! Чего тамъ искать? Интересовъ ума, сердца? Ты посмотри, гдѣ центръ, около котораго вращается все это; нѣтъ его, нѣтъ ничего глубокаго, задѣвающаго за живое. Все это мертвецы, спящіе люди, хуже меня, эти члены свѣта и общества!“ И затѣмъ Илья Ильичъ очень пространно и краснорѣчиво говоритъ на эту тему, такъ что хоть-бы Рудину такъ поговорить.

Въ отношеніи къ женщинамъ всѣ обломовцы ведутъ себя одинаково постыднымъ образомъ. Они вовсе не умѣютъ любить и не знаютъ, чего искать въ любви, точно такъ же, какъ и вообще въ жизни. Они не прочь пококетничать съ женщиной, пока видятъ въ ней куклу, двигающуюся на пружинахъ; не прочь они и поработить себѣ женскую душу... какъ же! этимъ бываетъ очень довольна ихъ барская натура! Но только чуть дѣло дойдетъ до чего-нибудь серіознаго, чуть они начнутъ подозрѣвать, что передъ ними дѣйствительно не игрушка, а женщина, которая можетъ и отъ нихъ потребовать уваженія къ своимъ правамъ, — они немедленно обращаются въ постыднѣйшее бѣгство. Трусость у всѣхъ этихъ господъ непомѣрная. Онѣгинъ, который такъ „рано умѣлъ тревожить сердца кокетокъ записныхъ“, который женщинъ „искалъ безъ упоенья, а оставлялъ безъ сожалѣнья“, — Онѣгинъ струсилъ предъ Татьяной, дважды струсилъ, — и въ то время, когда принималъ отъ нея урокъ, и тогда, какъ самъ ей давалъ его. Она ему, вѣдь, нравилась съ самаго начала, и если бы любила менѣе серіозно, онъ не подумалъ бы принять съ нею тонъ строгаго нравоучителя. А тутъ онъ увидѣлъ, что шутить опасно, и потому началъ толковать о своей отжитой жизни, о дурномъ характерѣ, о томъ, что она другаго полюбитъ впослѣдствіи, и т. д. Впослѣдствіи онъ самъ объясняетъ свой поступокъ тѣмъ, что „замѣтя искру нѣжности въ Татьянѣ, онъ не хотѣлъ ей вѣрить“, и что

Свою постылую свободу
Онъ потерять не захотѣлъ.

А какими фразами-то прикрылъ себя, малодушный!

Бельтовъ съ Круциферской, какъ извѣстно, тоже не посмѣлъ идти до конца и убѣжалъ отъ нея, хотя и по совершенно другимъ соображеніямъ, если ему только вѣрить. Рудинъ—этотъ уже совершенно растерялся, когда Наталья хотѣла отъ него добиться чего-нибудь рѣшительнаго. Онъ ничего болѣе не сумѣлъ, какъ только посовѣтовать ей „покориться". На другой день онъ остроумно объяснилъ ей въ письмѣ, что ему „было не въ привычку" имѣть дѣло съ такими женщинами, какъ она. Такимъ же оказывается и Печоринъ, спеціалистъ по части женскаго сердца, признающійся, что кромѣ женщинъ онъ ничего на свѣтѣ не любилъ, что для нихъ онъ готовъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ. И онъ признается, что, во-первыхъ, „не любитъ женщинъ съ характеромъ: ихъ ли это дѣло!" — во-вторыхъ, что онъ никогда не можетъ жениться. „Какъ-бы страстно я не любилъ женщину", говоритъ онъ, „но если она мнѣ дастъ только почувствовать, что я долженъ на ней жениться — прости любовь. Мое сердце превращается въ камень, и ничто не разогрѣетъ его снова. Я готовъ на всѣ жертвы, кромѣ этой; двадцать разъ жизнь свою, даже честь поставлю на карту, но свободы своей не продамъ. Отчего же я такъ дорожу ею? Что мнѣ въ ней? куда я себя готовлю? чего я жду отъ будущаго? Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страхъ, неизъяснимое предчувствіе" и т. д. А въ сущности, это — больше ничего, какъ обломовщина.

А Илья Ильичъ развѣ, вы думаете, не имѣетъ въ себѣ, въ свою очередь, печоринскаго и рудинскаго элемента, не говоря объ онѣгинскомъ? Еще какъ имѣетъ-то! Онъ напримѣръ, подобно Печорину, хочетъ непремѣнно *обладать* женщиной, хочетъ вынудить у нея всяческія жертвы въ доказательство любви. Онъ, видите ли, не надѣялся сначала, что Ольга пойдетъ за него замужъ, и съ робостью предложилъ ей быть его женой. Она ему сказала что-то въ родѣ того, что это давно бы ему слѣдовало сдѣлать. Онъ пришелъ въ смущеніе, ему стало не довольно согласія Ольги, и онъ — что бы вы думали?... онъ началъ — пытать ее, столько ли она его любитъ, чтобы быть въ состояніи сдѣлаться его любовницей! И ему стало досадно, когда она сказала, что никогда не пойдетъ по этому пути; но затѣмъ ея объсненіе и страстная сцена успокоили его... А все таки

онъ струсилъ подъ конецъ до того, что даже на глаза Ольгѣ боялся показаться, прикидывался больнымъ, прикрывалъ себя разведеннымъ мостомъ, давалъ понять Ольгѣ, что она его можетъ компрометировать, и т. д. И все отчего? — оттого, что она отъ него потребовала рѣшимости, дѣла, того, что не входило въ его привычки. Женитьба сама по себѣ не страшила его такъ, какъ страшила Печорина и Рудина: у него болѣе патріархальныя были привычки. Но Ольга захотѣла, чтобъ онъ передъ женитьбой устроилъ дѣла по имѣнію; это ужъ была бы *жертва*, и онъ, конечно, этой жертвы не совершилъ, а явился настоящимъ Обломовымъ. А самъ между тѣмъ очень требователенъ. Онъ сдѣлалъ съ Ольгой такую штуку, какая и Печорину въ пору была бы. Ему вообразилось, что онъ не довольно хорошъ собою и вообще не довольно привлекателенъ для того, чтобы Ольга могла сильно полюбить его. Онъ начинаетъ страдать, не спитъ ночь, наконецъ, вооружается энергіей и строчитъ къ Ольгѣ длинное, рудинское посланіе, въ которомъ повторяетъ извѣстную, тертую и перетертую вещь, говоренную и Онѣгинымъ Татьянѣ, и Рудинымъ Натальѣ, и даже Печоринымъ княжнѣ Мери: „я, дескать, не такъ созданъ, чтобы вы могли быть со мною счастливы; придетъ время, вы полюбите другого, болѣе достойнаго“.

Смѣнитъ не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты...
Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою;
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ...
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.

Всѣ обломовцы любятъ уничижать себя; но это они дѣлаютъ съ той цѣлью, чтобъ имѣть удовольствіе быть опровергнутыми и услышать себѣ похвалу отъ тѣхъ, предъ кѣмъ они себя ругаютъ. Они довольны своимъ самоуниженіемъ и всѣ похожи на Рудина, о которомъ Пигасовъ выражается: „начнетъ себя бранить, съ грязью себя смѣшаетъ, — ну, думаешь, теперь, теперь на свѣтъ Божій глядѣть не станетъ. Какое! повеселѣетъ даже, словно горькой водкой себя попотчивалъ!“ Такъ и Онѣгинъ послѣ ругательствъ на себя рисуется предъ Татьяной своимъ великодушіемъ. Такъ и

Обломовъ, написавши къ Ольгѣ пасквиль на самого себя, чувствовалъ, „что ему ужъ не тяжело, что онъ почти счастливъ“... Письмо свое онъ заключаетъ тѣмъ же нравоученіемъ, какъ и Онѣгинъ свою рѣчь: „исторія со мною пусть, говоритъ, послужитъ вамъ руководствомъ въ будущей, нормальной любви“ и пр. Илья Ильичъ, разумѣется, не выдержалъ себя на высотѣ униженія передъ Ольгой: онъ бросился посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на нее письмо, увидѣлъ, что она плачетъ, удовлетворился и — не могъ удержаться, чтобы не предстать передъ ней въ сію критическую минуту. А она доказала ему, какимъ онъ пошлымъ и жалкимъ эгоистомъ явился въ этомъ письмѣ, написанномъ „изъ заботы объ ея счастьи“. Тутъ уже онъ окончательно спасовалъ, какъ дѣлаютъ, впрочемъ, всѣ обломовцы, встрѣчая женщину, которая выше ихъ по характеру и по развитію.

„Однако же, возопіютъ глубокомысленные люди, — въ вашей параллели, несмотря на подборъ видимо одинаковыхъ фактовъ, совсѣмъ нѣтъ смысла. При опредѣленіи характера не столько важны внѣшнія проявленія, сколько побужденія, вслѣдствіе которыхъ то или другое дѣлается человѣкомъ. А относительно побужденій, какъ же не видѣть неизмѣримой разницы между поведеніемъ Обломова и образомъ дѣйствій Печорина, Рудина и другихъ?... Этотъ все дѣлаетъ по инерціи, потому что ему лѣнь самому съ мѣста двинуться и лѣнь упереться на мѣстѣ, когда его тащатъ; вся его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы лишній разъ пальцами не пошевелить. А тѣ снѣдаются жаждою дѣятельности, съ жаромъ за все принимаются, ими безпрестанно

Овладѣваетъ безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ

и другіе недуги, признаки сильной души. Если они и не дѣлаютъ ничего истинно-полезнаго, такъ это потому, что не находятъ дѣятельности, соотвѣтствующей своимъ силамъ. Они, по выраженію Печорина, подобны генію, прикованному къ чиновничьему столу и осужденному переписывать бумаги. Они выше окружающей ихъ дѣйствительности и потому имѣютъ право презирать жизнь и людей. Вся ихъ жизнь есть отрицаніе въ смыслѣ реакціи существующему

порядку вещей; а его жизнь есть пассивное подчиненіе существующимъ уже вліяніямъ, консервативное отвращеніе отъ всякой перемѣны, совершенный недостатокъ внутренней реакціи въ натурѣ. Можно-ли сравнивать этихъ людей? Рудина ставить на одну доску съ Обломовымъ!... Печорина осуждать на то же ничтожество, въ какомъ погрязаетъ Илья Ильичъ!... Это совершенное непониманіе, это нелѣпость, это — преступленіе!...

Ахъ, Боже, мой! Въ самомъ дѣлѣ, — мы вѣдь и позабыли, что съ глубокомысленными людьми надо держать ухо востро: какъ разъ выведутъ такія заключенія, о которыхъ вамъ даже и не снилось. Если вы собираетесь купаться, а глубокомысленный человѣкъ, стоя на берегу со связанными руками, хвастается тѣмъ, что онъ отлично плаваетъ и обѣщаетъ спасти васъ, когда вы станете тонуть, — бойтесь сказать: „да помилуй, любезный другъ, у тебя вѣдь руки связаны; позаботься прежде о томъ, чтобъ развязать себѣ руки". Бойтесь говорить это, потому что глубокомысленный человѣкъ сейчасъ-же ударится въ амбицію и скажетъ „а, такъ вы утверждаете, что я не умѣю плавать! Вы хвалите того, кто связалъ мнѣ руки! Вы не сочувствуете людямъ, которые спасаютъ утопающихъ!.." И такъ далѣе... глубокомысленные люди бываютъ очень краснорѣчивы и обильны на выводы самые неожиданные... Вотъ и теперь: сейчасъ выведутъ заключеніе, что мы Обломова хотѣли поставить выше Печорина и Рудина, что мы хотѣли оправдать его лежанье, что мы не умѣемъ видѣть внутренняго, коренного различія между нимъ и прежними героями, и т. д... Поспѣшимъ же объясниться съ глубокомысленными людьми.

Во всемъ, что мы говорили, мы имѣли въ виду болѣе обломовщину, нежели личность Обломова и другихъ героевъ. Что касается до личности, то мы не могли не видѣть разницы темперамента, напр., у Печорина и Обломова, такъ же точно, какъ не можемъ не найти ее и у Печорина съ Онѣгинымъ, и у Рудина съ Бельтовымъ... Кто же станетъ спорить, что личная разница между людьми существуетъ (хотя, можетъ быть, и далеко не въ той степени и не съ тѣмъ значеніемъ, какъ обыкновенно предполагаютъ). Но дѣло въ томъ, что надъ всѣми этими лицами тяготѣетъ одна и та же обломовщина, которая кладетъ на нихъ неизгла-

шимую печать бездѣльничества, дармоѣдства и совершенной ненужности на свѣтѣ. Весьма вѣроятно, что при другихъ условіяхъ жизни, въ другомъ обществѣ, Онѣгинъ былъ-бы истинно-добрымъ малымъ, Печоринъ и Рудинъ дѣлали бы великіе подвиги, а Бельтовъ оказался бы дѣйствительно превосходнымъ человѣкомъ. Но при другихъ условіяхъ развитія можетъ быть и Обломовъ съ Тентетниковымъ не были бы такими байбаками, и нашли бы себѣ какое нибудь полезное занятіе... Дѣло въ томъ, что теперь-то у нихъ всѣхъ одна общая черта — безплодное стремленіе къ дѣятельности, сознаніе, что изъ нихъ многое могло бы выйти, но не выйдетъ ничего... Въ этомъ они поразительно сходятся. „Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее, и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?... А, вѣрно, она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя. Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ на вѣки пылъ благородныхъ стремленій, — лучшій цвѣтъ жизни“. Это — Печоринъ... А вотъ какъ разсуждаетъ о себѣ Рудинъ. „Да, природа мнѣ много дала; но я умру, не сдѣлавъ ничего достойнаго силъ моихъ, не оставивъ за собою никакого благотворнаго слѣда. Все мое богатство пропадетъ даромъ: я не увижу плодовъ отъ сѣмянъ своихъ...“ Илья Ильичъ тоже не отстаетъ отъ прочихъ: и онъ болѣзненно чувствовалъ, что въ немъ зарыто, какъ въ могилѣ, какое-то хорошее, свѣтлое начало, можетъ быть теперь уже умершее, или лежитъ оно, какъ золото въ нѣдрахъ горы, и давно пора бы этому золоту быть ходячей монетой. Но глубоко и тяжело заваленъ кладъ дрянью, наноснымъ соромъ. Кто-то будто укралъ и закопалъ въ собственной его душѣ принесенныя ему въ даръ міромъ и жизнью сокровища“. Видите — *сокровища* были зарыты въ его натурѣ, только раскрыть ихъ предъ міромъ онъ никогда не могъ. Другіе братья его, помоложе, „по свѣту рыщутъ

Дѣла себѣ исполинскаго ищутъ,
Благо наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ...

Обломовъ тоже мечталъ въ молодости „служить, пока станетъ силъ, потому что Россіи нужны руки и головы для разрабатыванія неистощимыхъ источниковъ...“ Да и теперь онъ „не чуждъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей, ему доступны наслажденія высокихъ помысловъ“, и хотя онъ не рыщетъ по свѣту за исполинскимъ дѣломъ, но все-таки мечтаетъ о всемірной дѣятельности, все-таки съ презрѣніемъ смотритъ на чернорабочихъ и съ жаромъ говоритъ:

Нѣтъ, я души не растрачу моей
На муравьиной работѣ людей...

А бездѣльничаетъ онъ ничуть не больше, чѣмъ всѣ остальные братья обломовцы; только онъ откровеннѣе, — не старается прикрыть своего бездѣлья даже разговорами въ обществахъ и гуляньемъ по Невскому проспекту.

Но отчего же такая разница впечатлѣній, производимыхъ на насъ Обломовымъ и героями, о которыхъ мы вспоминали выше? Тѣ представляются намъ въ разныхъ родахъ сильными натурами, задавленными неблагопріятной обстановкой, а этотъ — байбакомъ, который и при самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ ничего не сдѣлаетъ. Но, во-первыхъ, у Обломова темпераментъ слишкомъ вялый, и потому естественно, что онъ для осуществленія своихъ замысловъ и для отпора враждебныхъ обстоятельствъ употребляетъ еще нѣсколько менѣе попытокъ, нежели сангвиническій Онѣгинъ или желчный Печоринъ. Въ сущности же они всѣ равно несостоятельны предъ силою враждебныхъ обстоятельствъ, всѣ равно погружаются въ ничтожество, когда имъ предстоитъ настоящая, серіозная дѣятельность. Въ чемъ обстоятельства Обломова открывали ему благопріятное поле дѣятельности? У него было имѣнье, которое могъ онъ устроить; былъ другъ, вызывавшій его на практическую дѣятельность; была женщина, которая превосходила его энергіей характера и ясностью взгляда и которая нѣжно полюбила его... Да скажите, у кого же изъ обломовцевъ не было всего этого, и что всѣ они изъ этого сдѣлали? И Онѣгинъ и Тентетниковъ хозяйничали въ своемъ имѣньи, и о Тентетниковѣ мужики даже говорили сначала: „экой востроногій!“ Но вскорѣ тѣ же мужики смекнули, что баринъ, хоть и прытокъ на первыхъ порахъ, но ничего не смыслитъ и толку никакого

не сдѣлаетъ... А дружба? Что они всѣ дѣлаютъ съ своими друзьями? Онѣгинъ убилъ Ленскаго; Печоринъ только все пикируется съ Вернеромъ; Рудинъ умѣлъ оттолкнуть отъ себя Лежнева и не воспользовался дружбой Покорскаго... Да и мало ли людей, подобныхъ Покорскому, встрѣчалось на пути каждаго изъ нихъ?... Что же они? Соединились-ли другъ съ другомъ для одного общаго дѣла, образовали ли тѣсный союзъ для обороны отъ враждебныхъ обстоятельствъ? Ничего не было... Все разсыпалось прахомъ, все кончилось той же обломовщиной... О любви нечего и говорить. Каждый изъ обломовцевъ встрѣчалъ женщину выше себя (потому что Круциферская выше Бельтова и даже княжна Мери все-таки выше Печорина), и каждый постыдно бѣжалъ отъ ея любви или добивался того, чтобъ она сама прогнала его... Чѣмъ это объяснить, какъ не давленіемъ на нихъ гнусной обломовщины?

Кромѣ разницы темперамента, большое различіе находится въ самомъ возрастѣ Обломова и другихъ героевъ. Говоримъ не о лѣтахъ: они почти однолѣтки, Рудинъ даже двумя-тремя годами постарше Обломова; говоримъ о времени ихъ появленія. Обломовъ относится къ позднѣйшему времени, стало быть онъ уже для молодого поколѣнія, для современной жизни, долженъ казаться гораздо старше, чѣмъ казались прежніе обломовцы... Онъ въ университетѣ, какихъ нибудь 17 — 18-ти лѣтъ, прочувствовалъ тѣ стремленія, проникся тѣми идеями, которыми одушевляется Рудинъ въ тридцать пять лѣтъ. За этимъ курсомъ для него было только двѣ дороги: или дѣятельность, настоящая дѣятельность, — не языкомъ а головой, сердцемъ и руками вмѣстѣ, или уже просто лежанье сложа руки. Апатическая натура привела его къ послѣднему: скверно, но, по крайней мѣрѣ, тутъ нѣтъ лжи и обморочиванья. Если-бъ онъ, подобно своимъ братцамъ, пустился толковать во всеуслышаніе о томъ, о чемъ теперь осмѣливается только мечтать, то онъ каждый день испытывалъ бы огорченія, подобныя тѣмъ, какія испыталъ по случаю полученія письма отъ старосты и приглашенія отъ хозяина дома — очистить квартиру. Прежде съ любовью, съ благоговѣніемъ слушали фразеровъ, толкующихъ о необходимости того и другого, о высшихъ стремленіяхъ и т. п. Тогда, можетъ быть, и Обломовъ не прочь былъ бы

поговорить... Но теперь всякаго фразера и прожектера встрѣчають требованіемъ: „а не угодно ли попробовать?" Этого ужъ обломовцы не въ силахъ снести...

Въ самомъ дѣлѣ, — какъ чувствуется вѣяніе новой жизни, когда, по прочтеніи Обломова, думаешь, что вызвало въ литературѣ этотъ типъ. Нельзя приписать этого единственно личному таланту автора и широтѣ его воззрѣній. И силу таланта и воззрѣнія самыя широкія и гуманныя находимъ мы у авторовъ, произведшихъ прежніе типы, приведенные нами выше. Но дѣло въ томъ, что отъ появленія перваго изъ нихъ, Онѣгина, до сихъ поръ прошло уже тридцать лѣтъ. То, что было тогда въ зародышѣ, что выражалось только въ неясномъ полусловѣ, произнесенномъ шопотомъ, то приняло уже теперь опредѣленную и твердую форму, высказалось открыто и громко. Фраза потеряла свое значеніе, явилась въ самомъ общества потребность настоящаго дѣла. Бельтовъ и Рудинъ, люди съ стремленіями, дѣйствительно высокими и благородными, не только не могли проникнуться необходимостью, но даже не могли представить себѣ близкой возможности страшной, смертельной борьбы съ обстоятельствами, которыя ихъ давили. Они вступали въ дремучій, невѣдомый лѣсъ, шли по топкому, опасному болоту, видѣли подъ ногами разныхъ гадовъ и змѣй, и лѣзли на дерево, — отчасти, чтобъ посмотрѣть, не увидятъ ли гдѣ дороги, отчасти же для того, чтобы отдохнуть и хоть на время избавиться отъ опасности увязнуть или быть ужаленными. Слѣдовавшіе за ними люди ждали, что они скажутъ, и смотрѣли на нихъ съ уваженіемъ, какъ на людей шедшихъ впереди. Но эти передовые люди ничего не увидѣли съ высоты, на которую взобрались; лѣсъ былъ очень обширенъ и густъ. Между тѣмъ, влѣзая на дерево, они исцарапали себѣ лицо, переранили себѣ ноги, испортили руки... Они страдаютъ, они утомлены, они должны отдохнуть, примостившись какъ нибудь поудобнѣе на деревѣ. Правда, они ничего не дѣлаютъ для общей пользы, они ничего не разглядѣли и не сказали; стоящіе внизу сами, безъ ихъ помощи, должны прорубать и расчищать себѣ дорогу по лѣсу. Но кто же рѣшится бросить камень въ этихъ несчастныхъ, чтобы заставить ихъ упасть съ высоты, на которую они взмостились съ такими трудами, имѣя въ виду общую пользу?

Имъ сострадаютъ, отъ нихъ даже не требуютъ пока, чтобы они принимали участіе въ расчисткѣ лѣса: на ихъ долю выпало другое дѣло, и они его сдѣлали. Если толку не вышло, — не ихъ вина. Съ этой точки зрѣнія каждый изъ авторовъ могъ прежде смотрѣть на своего обломовскаго героя, и былъ правъ. Къ этому присоединялось еще и то, что надежда увидѣть гдѣ-нибудь выходъ изъ лѣсу на дорогу долго держалась во всей ватагѣ путниковъ, равно какъ долго не терялась и увѣренность въ дальнозоркости передовыхъ людей, взобравшихся на дерево. Но вотъ, мало-помалу, дѣло прояснилось и приняло другой оборотъ: передовымъ людямъ понравилось на деревѣ; они разсуждаютъ очень краснорѣчиво о разныхъ путяхъ и средствахъ выбраться изъ болота и изъ лѣсу; они нашли даже на деревѣ кой-какіе плоды и наслаждаются ими, бросая чешуйку внизъ; они зовутъ къ себѣ еще кой-кого, избранныхъ изъ толпы, и тѣ идутъ и остаются на деревѣ, уже и не высматривая дороги, а только пожирая плоды. Это уже Обломовы въ собственномъ смыслѣ... А бѣдные путники, стоящіе внизу, вязнутъ въ болотѣ, ихъ жалятъ змѣи, пугаютъ гады, хлещутъ по лицу сучья... Наконецъ, толпа рѣшается приняться за дѣло и хочетъ воротить тѣхъ, которые позже полѣзли на дерево, но Обломовы молчатъ и обжираются плодами. Тогда толпа обращается и къ прежнимъ своимъ передовымъ людямъ, прося ихъ спуститься и помочь общей работѣ. Но передовые люди опять повторяютъ прежнія фразы о томъ, что надо высматривать дорогу, а надъ расчисткой трудиться нечего. — Тогда бѣдные путники видятъ свою ошибку и, махнувъ рукой, говорятъ: „э, да вы всѣ Обломовы!“ И затѣмъ начинается дѣятельная, неутомимая работа: рубятъ деревья, дѣлаютъ изъ нихъ мостъ на болотѣ; образуютъ тропинку, бьютъ змѣй и гадовъ, попавшихся на ней, не заботясь болѣе объ умникахъ, объ этихъ сильныхъ натурахъ, Печориныхъ и Рудиныхъ, на которыхъ прежде надѣялись, которыми восхищались. Обломовцы сначала спокойно смотрятъ на общее движеніе, но потомъ, по своему обыкновенію, трусятъ и начинаютъ кричать... „Ай, ай — не дѣлайте этого, оставьте, — кричатъ они, видя, что подсѣкается дерево, на которомъ они сидятъ. — Помилуйте, вѣдь мы можемъ убиться, и вмѣстѣ съ нами погибнутъ тѣ

прекрасныя идеи, тѣ высокія чувства, тѣ гуманныя стремленія, то краснорѣчіе, тотъ паѳосъ, любовь ко всему прекрасному и благородному, которыя въ насъ всегда жили... Оставьте, оставьте! Что вы дѣлаете?..." Но путники уже слыхали тысячу разъ всѣ эти прекрасныя фразы и, не обращая на нихъ вниманія, продолжаютъ работу. Обломовцамъ еще есть средство спасти себя и свою репутацію: слѣзть съ дерева и приняться за работу вмѣстѣ съ другими. Но они, по обыкновенію, растерялись и не знаютъ, что имъ дѣлать... „Какъ же это такъ вдругъ?" повторяютъ они въ отчаяніи и продолжаютъ посылать безплодныя проклятія глупой толпѣ, потерявшей къ нимъ уваженіе.

А вѣдь толпа права! Если ужъ она сознала необходимость настоящаго дѣла, такъ для нея совершенно все равно, — Печоринъ ли передъ ней, или Обломовъ. Мы не говоримъ опять, чтобы Печоринъ въ данныхъ обстоятельствахъ сталъ дѣйствовать именно такъ, какъ Обломовъ; онъ могъ самыми этими обстоятельствами развиться въ другую сторону. Но типы, созданные сильнымъ талантомъ, долговѣчны: и нынѣ живутъ люди, представляющіе какъ будто сколокъ съ Онѣгина, Печорина, Рудина, и пр., и не въ томъ видѣ, какъ они могли бы развиться при другихъ обстоятельствахъ, а именно въ томъ, въ какомъ они представлены Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Тургеневымъ. Только въ общественномъ сознаніи всѣ они болѣе и болѣе превращаются въ Обломова. Нельзя сказать, чтобъ превращеніе это уже совершилось: нѣтъ, еще и теперь тысячи людей проводятъ время въ разговорахъ и тысячи другихъ людей готовы принять разговоры за дѣла. Но что превращеніе это начинается — доказываетъ типъ Обломова, созданный Гончаровымъ. Появленіе его было бы невозможно, если бы хотя въ нѣкоторой части общества не созрѣло сознаніе о томъ, какъ ничтожны всѣ эти quasi-талантливыя натуры, которыми прежде восхищались. Прежде онѣ прикрывались разными мантіями, украшали себя разными прическами, привлекали къ себѣ разными талантами. Но теперь Обломовъ является предъ нами разоблаченный, какъ онъ есть, молчаливый, сведенный съ красиваго пьедестала на мягкій диванъ, прикрытый вмѣсто мантіи только просторнымъ халатомъ. Вопросъ: *что онъ дѣлаетъ? въ чемъ смыслъ и цѣль его жизни?* — поставленъ прямо и ясно, не

забить никакими побочными вопросами. Это потому, что теперь уже настало, или настаеть неотлагательно время работы общественной... И вотъ почему мы сказали въ началѣ статьи, что видимъ въ романѣ Гончарова *знаменіе времени*.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ измѣнилась точка зрѣнія на образованныхъ и хорошо разсуждающихъ лежебоковъ, которыхъ прежде принимали за настоящихъ общественныхъ дѣятелей.

Вотъ передъ вами молодой человѣкъ, очень красивый, ловкій, образованный. Онъ выѣзжаетъ въ большиой свѣтъ и имѣетъ тамъ успѣхъ; онъ ѣздитъ въ театры, балы и маскарады; онъ отлично одѣвается и обѣдаетъ; читаетъ книжки и пишетъ очень грамотно... Сердце его волнуется только ежедневностью свѣтской жизни, но онъ имѣетъ понятіе и о высшихъ вопросахъ. Онъ любитъ потолковать о страстяхъ,

О предразсудкахъ вѣковыхъ,
И гроба тайнахъ роковыхъ...

Онъ имѣетъ нѣкоторыя честныя правила: способенъ

Яремъ отъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнить;

способенъ иногда не воспользоваться неопытностью дѣвушки, которую не любитъ; способенъ не придавать особенной цѣны своимъ свѣтскимъ успѣхамъ. Онъ выше окружающаго его свѣтскаго общества настолько, что дошелъ до сознанія его пустоты; онъ можетъ даже оставить свѣтъ и переѣхать въ деревню, но только и тамъ скучать, не зная, какое найти себѣ дѣло... Отъ нечего дѣлать онъ ссорится съ другомъ своимъ и по легкомыслію убиваетъ его на дуэли... Черезъ нѣсколько лѣтъ опять возвращается въ свѣтъ и влюбляется въ женщину, любовь которой самъ прежде отвергъ, потому что для нея нужно было бы ему отказаться отъ своей бродяжнической свободы... Вы узнаете въ этомъ человѣкѣ Онѣгина. Но всмотритесь хорошенько; это — Обломовъ...

Передъ вами другой человѣкъ, съ болѣе страстной душой, съ болѣе широкимъ самолюбіемъ. Этотъ имѣетъ въ себѣ какъ будто отъ природы все то, что для Онѣгина соста-

вляетъ предметъ заботъ. Онъ не хлопочетъ о туалетѣ и нарядѣ: онъ свѣтскій человѣкъ и безъ этого. Ему не нужно подбирать слова и блистать мишурнымъ знаніемъ: и безъ этого языкъ у него какъ бритва. Онъ дѣйствительно презираетъ людей, хорошо понимая ихъ слабости; онъ дѣйствительно умѣетъ овладѣть сердцемъ женщины, не на краткое мгновенье, а надолго, нерѣдко навсегда. Все, что встрѣчается ему на дорогѣ, онъ умѣетъ отстранить или уничтожить. Одно только несчастье: онъ не знаетъ, куда итти. Сердце его пусто и холодно ко всему. Онъ все испыталъ, и ему еще въ юности опротивѣли всѣ удовольствія, которыя можно достать за деньги; любовь свѣтскихъ красавицъ тоже опротивѣла ему, потому что ничего не давала сердцу; науки тоже надоѣли, потому что онъ увидѣлъ, что отъ нихъ не зависитъ ни слава ни счастье; самые счастливые люди — невѣжды, а слава — удача; военныя опасности тоже ему скоро наскучили, потому что онъ не видѣлъ въ нихъ смысла и скоро привыкъ къ нимъ. Наконецъ, даже простосердечная, чистая любовь дикой дѣвушки, которая ему самому нравится, тоже надоѣдаетъ ему: онъ и въ ней не находитъ удовлетворенія своихъ порывовъ. Но что же это за порывы? куда влекутъ они? отчего онъ не отдается имъ всей силой души своей? Оттого, что онъ самъ ихъ не понимаетъ и не даетъ себѣ труда подумать о томъ, куда дѣвать свою душевную силу; и вотъ онъ проводитъ свою жизнь въ томъ, что острить надъ глупцами, тревожитъ сердца неопытныхъ барышень, мѣшается въ чужія сердечныя дѣла, напрашивается на ссоры, выказываетъ отвагу въ пустякахъ, дерется безъ надобности... Вы припоминаете, что это исторія Печорина, что отчасти почти такими словами самъ онъ объясняетъ свой характеръ Максиму Максимычу... Всмотритесь, пожалуйста, получше: вы и тутъ увидите того же Обломова...

Но вотъ еще человѣкъ, болѣе сознательно идущій по своей дорогѣ. Онъ не только понимаетъ, что ему дано много силъ, но знаетъ и то, что у него есть великая цѣль... Подозрѣваетъ, кажется, даже и то, какая это цѣль и гдѣ она находится. Онъ благороденъ, честенъ (хотя часто и не платитъ долговъ); съ жаромъ разсуждаетъ не о пустякахъ, а о высшихъ вопросахъ; увѣряетъ, что готовъ пожертво-

вать собою для блага человѣчества. Въ головѣ его рѣшены всѣ вопросы, все приведено въ живую, стройную связь, онъ увлекаетъ своимъ могучимъ словомъ неопытныхъ юношей, такъ что послушавъ его, и они чувствуютъ, что призваны къ чему-то великому... Но въ чемъ проходитъ его жизнь? Въ томъ, что онъ все начинаетъ и не оканчиваетъ, разбрасывается во всѣ стороны, всему отдается съ жадностью и — не можетъ отдаться... Онъ влюбляется въ дѣвушку, которая, наконецъ, говоритъ ему, что несмотря на запрещеніе матери, она готова принадлежать ему; а онъ отвѣчаетъ: „Боже! такъ ваша маменька не согласна! какой внезапный ударъ! Боже! какъ скоро... Дѣлать нечего, — надо покориться"... И въ этомъ точный образецъ всей его жизни... Вы уже знаете, что это Рудинъ... Нѣтъ, теперь ужъ и это Обломовъ. Когда вы хорошенько всмотритесь въ эту личность и поставите ее лицомъ къ лицу съ требованіями современной жизни, — вы сами въ этомъ убѣдитесь.

Общее у всѣхъ этихъ людей то, что въ жизни нѣтъ имъ дѣла, которое бы для нихъ было жизненной необходимостью, сердечной святыней, религіей, которое бы органически срослось съ ними, такъ что отнять его у нихъ, значило бы лишить ихъ жизни. Все у нихъ внѣшнее, ничто не имѣетъ корня въ ихъ натурѣ. Они, пожалуй, и дѣлаютъ что-то такое, когда принуждаетъ внѣшняя необходимость, такъ какъ Обломовъ ѣздилъ въ гости, куда тащилъ его Штольцъ, покупалъ ноты и книги для Ольги, читалъ то, что она заставляла его читать. Но душа ихъ не лежитъ къ тому дѣлу, которое наложено на нихъ случаемъ. Если бы каждому изъ нихъ даромъ предложили всѣ внѣшнія выгоды, какія имъ доставляются ихъ работой, они бы съ радостью отказались отъ своего дѣла. Въ силу обломовщины, обломовскій чиновникъ не станетъ ходить въ должность, если ему и безъ того сохранятъ его жалованье и будутъ производить въ чины. Воинъ дастъ клятву не прикасаться къ оружію, если ему предложатъ тѣ же условія, да еще сохранятъ его красивую форму, очень полезную въ извѣстныхъ случаяхъ. Профессоръ перестанетъ читать лекціи, студентъ перестанетъ учиться, писатель бросить авторство, актеръ не покажется на сцену, артистъ изломаетъ рѣзецъ и палитру,

говоря высокимъ слогомъ, если найдетъ возможность даромъ получить все, чего теперь добивается трудомъ. Они только говорятъ о высшихъ стремленіяхъ, о сознаніи нравственнаго долга, о проникновеніи общими интересами, а на повѣрку выходитъ, что все это — слова и слова. Самое искреннее, задушевное ихъ стремленіе есть стремленіе къ покою, къ халату, и самая дѣятельность ихъ есть не что иное, какъ *почетный халатъ* (по выраженію, не намъ принадлежащему), которымъ прикрываютъ они свою пустоту и апатію. Даже наиболѣе образованные люди, притомъ люди съ живою натурою, съ теплымъ сердцемъ, чрезвычайно легко отступаются въ практической жизни отъ своихъ идей и плановъ, чрезвычайно скоро мирятся съ окружающей дѣйствительностью, которую, однако, на словахъ не перестаютъ считать пошлою и гадкою. Это значитъ, что все, о чемъ они говорятъ и мечтаютъ, — у нихъ чужое, наносное; въ глубинѣ же души ихъ коренится одна мечта, одинъ идеалъ — возможно-невозмутимый покой, квіетизмъ, обломовщина. Многіе доходятъ даже до того, что не могутъ представить себѣ, чтобъ человѣкъ могъ работать по охотѣ, по увлеченію. Прочтите-ка въ „Экономическомъ указателѣ“ разсужденія о томъ, какъ всѣ умрутъ голодною смертью отъ бездѣлья, ежели равномѣрное распредѣленіе богатства отниметъ у частныхъ людей побужденіе стремиться къ наживанію себѣ капиталовъ...

Да, всѣ эти обломовцы никогда не переработывали въ плоть и въ кровь свою тѣхъ началъ, которыя имъ внушили, никогда не проводили ихъ до послѣднихъ выводовъ, не доходили до той грани, гдѣ слово становится дѣломъ, гдѣ принципъ сливается съ внутренней потребностью души, исчезаетъ въ ней и дѣлается единственною силою, двигающею человѣкомъ. Потому-то эти люди и лгутъ безпрестанно, потому-то они и являются такъ несостоятельными въ частныхъ фактахъ своей дѣятельности. Потому-то и дороже для нихъ отвлеченныя воззрѣнія, чѣмъ живые факты, важнѣе общіе принципы, чѣмъ живая жизненная правда. Они читаютъ полезныя книги для того, чтобы знать, что пишется; пишутъ благородныя статьи затѣмъ, чтобы любоваться логическимъ построеніемъ своей рѣчи; говорятъ смѣлыя вещи, чтобы прислушиваться къ благозвучію своихъ фразъ и воз-

буждать ими похвалы слушателей. Но что далѣе, какая цѣль всего этого читанья, писанья, говоренья, — они или вовсе не хотятъ знать, или не слишкомъ объ этомъ безпокоятся. Они постоянно говорятъ вамъ: вотъ что мы знаемъ, вотъ что мы думаемъ, а впрочемъ — какъ тамъ хотятъ, наше дѣло сторона .. Пока не было работы въ виду, можно было еще надувать этимъ публику, можно было тщеславиться тѣмъ, что мы вотъ, дескать, все-таки хлопочемъ, ходимъ, говоримъ, разсказываемъ. На этомъ и основанъ былъ въ обществѣ успѣхъ людей, подобныхъ Рудину. Даже больше — можно было заняться кутежомъ, интрижками, каламбурами, театральствомъ, — и увѣрять, что это мы пустились, молъ, оттого, что нѣтъ простора для болѣе широкой дѣятельности. Тогда и Печоринъ, и даже Онѣгинъ долженъ былъ казаться натурою съ необъятными силами души. Но теперь ужъ всѣ эти герои отодвинулись на второй планъ, потеряли прежнее значеніе, перестали сбивать насъ съ толку своей загадочностью и таинственнымъ разладомъ между ними и обществомъ, между великими ихъ силами и ничтожностью дѣлъ ихъ.

Теперь загадка разъяснилась,
Теперь имъ слово найдено.

Слово это — *обломовщина*.

Если я вижу помѣщика, толкующаго о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности, — я уже съ первыхъ словъ его знаю, что это Обломовъ.

Если я встрѣчаю чиновника, жалующагося на запутанность и обременительность дѣлопроизводства, онъ — Обломовъ.

Если слышу отъ офицера жалобы на утомительность парадовъ и смѣлыя разсужденія о безполезности *тихаго шага* и т. п., я не сомнѣваюсь, что онъ Обломовъ.

Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что, наконецъ, сдѣлано то, чего мы давно надѣялись и желали, — я думаю, что это все пишутъ изъ Обломовки.

Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и въ теченіе многихъ лѣтъ съ неуменьшающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ же самые (а иногда новые) анекдоты о взя-

точникахъ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода, — я невольно чувствую, что я перенесенъ въ старую Обломовку...

Остановите этихъ людей въ ихъ шумномъ разглагольствіи и скажите: „вы говорите, что не хорошо то и то; что же нужно дѣлать?“ Они не знаютъ... Предложите имъ самое простое средство, — они скажутъ: „да какъ же это такъ вдругъ?“ Непремѣнно скажутъ, потому что Обломовы иначе отвѣчать не могутъ... Продолжайте разговоръ съ ними и спросите: что же вы намѣрены дѣлать? — Они вамъ отвѣтятъ тѣмъ, чѣмъ Рудинъ отвѣтилъ Натальѣ: „Что дѣлать? Разумѣется, покориться судьбѣ. Что же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами“... и пр. Больше отъ нихъ вы ничего не дождетесь, потому что на всѣхъ ихъ лежитъ печать обломовщины.

Кто же, наконецъ, сдвинетъ ихъ съ мѣста этимъ всемогущимъ словомъ: „впередъ!“, о которомъ такъ мечталъ Гоголь и котораго такъ давно и томительно ожидаетъ Русь? До сихъ поръ нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ ни въ обществѣ ни въ литературѣ. Гончаровъ, умѣвшій понять и показать намъ нашу обломовщину, не могъ, однако, не заплатить дани общему заблужденію, до сихъ поръ столь сильному въ нашемъ обществѣ: онъ рѣшился похоронить обломовщину и сказать ей похвальное надгробное слово. Прощай, старая Обломовка, ты отжила свой вѣкъ“, говоритъ онъ устами Штольца, и говоритъ неправду. Вся Россія, которая прочитала или прочитаетъ Обломова, не согласится съ этимъ. Нѣтъ, Обломовка есть наша прямая родина, ея владѣльцы — наши воспитатели, ея триста Захаровъ всегда готовы къ нашимъ услугамъ. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова, и еще рано писать намъ надгробное слово. Не за что говорить объ насъ съ Ильею Ильичемъ слѣдующія строки:

„Въ немъ было то, что дороже всякаго ума: честное, вѣрное сердце! Это его природное золото; онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь. Онъ падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ, наконецъ, убитый, разочарованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязи. Не обольститъ его

никакая нарядная ложь и ничто не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла; пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ навыворотъ, — никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; это перлы въ толпѣ! Его сердца не подкупишь ничѣмъ; на него всюду и вездѣ можно положиться".

Распространяться объ этомъ пассажѣ мы не станемъ; но каждый изъ читателей замѣтитъ, что въ немъ заключена большая неправда. Одно въ Обломовѣ хорошо, дѣйствительно: то, что онъ не усиливался надувать другихъ, а ужъ такъ и являлся въ натурѣ — лежебокомъ. Но, помилуйте, въ чемъ же на него *можно положиться?* Развѣ въ томъ, гдѣ ничего дѣлать не нужно? Тутъ онъ, дѣйствительно, отличится такъ, какъ никто. Но ничего-то не дѣлать и безъ него можно. Онъ не поклонится идолу зла! Да вѣдь почему это? Потому, что ему лѣнь встать съ дивана. А стащите его, поставьте на колѣни передъ этимъ идоломъ: онъ не въ силахъ будетъ встать. Не подкупишь его ничѣмъ! Да на что его подкупать-то? На то, чтобы съ мѣста сдвинулся? Ну, это дѣйствительно трудно. Грязь къ нему не пристанетъ! Да, пока лежитъ одинъ, такъ еще ничего; а какъ придетъ Тарантьевъ, Затертый, Иванъ Матвѣичъ — брр! какая отвратительная гадость начинается около Обломова. Его объѣдаютъ, опиваютъ, спаиваютъ, берутъ съ него фальшивый вексель (отъ котораго Штольцъ нѣсколько безцеремонно, по русскимъ обычаямъ, безъ суда и слѣдствія избавляетъ его), разоряетъ его именемъ мужиковъ, дерутъ съ него немилосердныя деньги ни за что ни про что. Онъ все это терпитъ безмолвно и потому, разумѣется, не издаетъ ни одного фальшиваго звука.

Нѣтъ, нельзя такъ льстить живымъ, а мы еще живы, мы еще по-прежнему Обломовы. Обломовщина никогда не оставляла насъ и не оставила даже теперь, — *въ настоящее время, когда* и пр. Кто изъ нашихъ литераторовъ, публицистовъ, людей образованныхъ, общественныхъ дѣятелей, кто не согласится, что, должно быть, его-то именно и имѣлъ въ виду Гончаровъ, когда писалъ объ Ильѣ Ильичѣ слѣдующія строки:

„Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ глу-

бинѣ души плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія, и тоску, и стремленія куда-то вдаль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его, бывало, Штольцъ. Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его. Случается и то, что онъ исполнится презрѣнія къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу, и разгорится желаніемъ указать человѣку на его язвы, и вдругъ загораются въ немъ мысли, ходятъ и гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ, потомъ вырастаютъ въ намѣреніи, зажгутъ всю кровь въ немъ, задвигаются мускулы его, напрягутся жилы, намѣренія преображаются въ стремленіи: онъ, движимый нравственною силою, въ одну минуту быстро измѣнитъ двѣ-три позы, съ блистающими глазами привстанетъ до половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно озирается кругомъ... Вотъ, вотъ стремленіе осуществится, обратится въ подвигъ... и тогда, Господи! какихъ чудесъ, какихъ благихъ послѣдствій могли-бы ожидать отъ такого высокаго усилія! Но, смотришь, промелькнетъ утро, день уже клонится къ вечеру, а съ нимъ клонятся къ покою и утомленныя силы Обломова: бури и волненія смиряются въ душѣ, голова отрезвляется отъ думъ, кровь медленнѣе пробирается по жиламъ. Обломовъ тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремивъ печальный взглядъ въ окно къ небу, съ грустью провожаетъ глазами солнце, великолѣпно садящееся за чей-то четырехъ-этажный домъ. И сколько, сколько разъ онъ провожалъ такъ солнечный закатъ!"

Не правда ли, образованный и благородно-мыслящій читатель, — вѣдь тутъ вѣрное изображеніе вашихъ благихъ стремленій и вашей полезной дѣятельности? Разница можетъ быть только въ томъ, до какого момента вы доходите въ вашемъ развитіи. Илья Ильичъ доходилъ до того, что привставалъ съ постели, протягивалъ руку и озирался вокругъ. Иные такъ далеко не заходятъ; у нихъ только мысли гуляютъ въ головѣ, какъ волны на морѣ (такихъ большая часть); у другихъ мысли вырастаютъ въ намѣренія, но не доходятъ до степени стремленій (такихъ меньше); у третьихъ даже стремленія являются (этихъ ужъ совсѣмъ мало)...

Итакъ, слѣдуя направленію настоящаго времени, когда вся литература, по выраженію г. Бенедиктова представляетъ

... нашей плоти истязанье,
Вериги въ прозѣ и стихахъ, —

мы смиренно сознаемся, что какъ ни лестны для нашего самолюбія похвалы г. Гончарова Обломову, но мы не мо-

жемъ признать ихъ справедливыми. Обломовъ менѣе раздражаетъ свѣжаго, молодого, дѣятельнаго человѣка, нежели Печоринъ и Рудинъ, но все-таки онъ противенъ въ своей ничтожности. *Добролюбовъ.*

„Обломовъ" и его критики.

Болѣе 10-ти лѣтъ отдѣляютъ „Обломова" отъ „Обыкновенной исторіи", а между тѣмъ въ содержаніи обоихъ романовъ замѣчается нѣкоторое соотвѣтствіе. Съ другой стороны, и въ отношеніяхъ къ обоимъ произведеніямъ нашей критики оказывается много общаго.

„Обыкновенная исторія" была встрѣчена обстоятельной и вполнѣ справедливой критикой Бѣлинскаго. Затѣмъ значительно позже, стали появляться критики другого рода, въ которыхъ высказывались взгляды на это произведеніе уже совершенно предвзятые, высказывалось недовольство самимъ авторомъ, которому страннымъ образомъ приписывалось сочувствіе его дѣйствующимъ лицамъ.

Подобныя воззрѣнія критики составляютъ въ своемъ родѣ замѣчательное явленіе; они доказываютъ только, что „натуральная школа" своей жизненной правдой производила настоящее свое дѣйствіе Видя передъ собой живыхъ, людей, стали сторониться отъ этихъ людей, отъ ихъ нравственной неудовлетворительности, ихъ пошлости, той пошлости, которая скрывалась подъ ихъ идеализмомъ, и Гончаровъ имѣлъ полное право напомнить своимъ позднѣйшимъ критикамъ, по примѣру Гоголя, народную пословицу: „на зеркало нечего пенять"...

Но я указалъ, что въ настоящее время „Обыкновенная исторія" уже не можетъ служить намъ зеркаломъ, потому что романъ этотъ отражаетъ уже пережитую нами эпоху. Едва ли мы можемъ сказать то же самое объ „Обломовѣ". Едва ли совершенно перевелось въ нашей жизни то, что называется, со словъ Штольца, „Обломовщиной"?

Когда появился романъ, многіе стали узнавать въ немъ знакомыя черты; поднялись со всѣхъ сторонъ толки о на-

шей „Обломовщинѣ“, и краснорѣчивымъ истолкователемъ этихъ толковъ явился тотъ даровитый критикъ, который замѣнилъ собою Бѣлинскаго, но замѣнилъ, къ сожалѣнію, не на-долго. Появилась въ высшей степени доказательная, справедливая, добросовѣстная критика „Обломова“, принадлежащая Добролюбову. Къ сожалѣнію, позже стали появляться другія критики, настолько же несправедливы были нѣкоторыя критики относительно „Обыкновенной Исторіи“.

Добролюбовъ въ своей блистательной статьѣ уяснилъ, что Обломовъ Гончарова — лицо вовсе не отвлеченное, лицо непосредственно принадлежащее нашей русской жизни, самымъ непосредственнымъ образомъ съ нею связанное. Онъ положительно выяснилъ въ своей мастерской статьѣ, какимъ образомъ подъ вліяніемъ барскаго воспитанія возникали и еще долго будутъ возникать Обломовы. Можетъ быть онъ съ недостаточной подробностью разсмотрѣлъ знаменитый *„Сонъ Обломова“, составляющій одинъ изъ перловъ нашей литературы,* — сонъ, въ которомъ Обломову рисуется его дѣтство, его Обломовка, этотъ мирный уголокъ, представляющій нѣчто въ родѣ сказочнаго „соннаго царства“. Замѣчу также, что съ другой стороны, тому барскому воспитанію, которое раскрывается въ „Снѣ Обломова“, можно бы было противопоставить многія черты изъ дѣтства простыхъ людей, рисуемыя Тургеневымъ въ „Бѣжиномъ Лугѣ“. Крестьянскія дѣти, выведенныя въ этомъ произведеніи, лишены всякаго воспитанія, т.-е. всякаго ухода за ними; но зато, предоставленныя самимъ себѣ, они рано дѣлаются самостоятельными, рано проявляютъ дѣятельность, на которую вызываетъ ихъ сама жизнь. Потребность помогать родителямъ, пасти стадо и при этомъ не бояться звѣрей, дѣлаетъ ихъ преждевременно взрослыми; трудовая доля, въ которую втянуты они съ самаго дѣтства, не даетъ молодымъ ихъ силамъ оставаться праздными, — и вотъ это-то и составляетъ для нихъ ту естественную воспитательную силу, воздѣйствія которой лишены дѣти, выросшія въ барствѣ. Широко понимая Обломова и объясняя его какъ произведеніе нашей барской среды, Добролюбовъ видѣлъ „Обломовщину“ и во многихъ другихъ типахъ нашей литературы; онъ видѣлъ Обломова не только въ Гоголевскомъ Тентетниковѣ, который дѣйствительно можетъ быть при-

знанъ прямымъ родоначальникомъ Ильи Ильича, онъ видѣлъ Обломова и въ такихъ типахъ, которые съ перваго взгляда вовсе на него не похожи, въ типахъ такихъ людей, которые, много толкуя о дѣлѣ, прямо считаютъ себя дѣльцами, но въ сущности мало, или совсѣмъ ничего не дѣлаютъ. Какъ извѣстно, Добролюбовъ, находилъ „Обломовщину" и въ Тургеневскомъ „Рудинѣ", и въ „Героѣ нашего времени" Лермонтова, и даже въ Пушкинскомъ „Онѣгинѣ". *Добролюбовъ понималъ „Обломовщину" какъ жизнь внѣ всякихъ связей съ обществомъ, какъ исключительное погруженіе въ самого себя, при чисто-мечтательномъ, праздномъ сочувствіи общественнымъ интересамъ.*

Если понимать обломовщину такимъ образомъ, то зачатки ея представляетъ у самого Гончарова Александръ Адуевъ, точно такъ же, какъ Петръ Ивановичъ Адуевъ, дядюшка „Обыкновенной исторіи", представляетъ немало общаго со Штольцемъ. Воспитаніе Александра Адуева и воспитаніе Обломова весьма сходно; оно связываетъ ихъ обоихъ, дѣтей XIX столѣтія, съ Фонвизинскимъ Митрофанушкой. Далѣе, однакоже, оба они слушали курсъ наукъ въ университетѣ. Но я замѣтилъ уже, что наша литература выставила не мало людей, не вынесшихъ почти ничего изъ университетскаго курса.

Въ „Обломовѣ" Гончаровъ подробно говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ и довольно ясно истолковываетъ его. По выходѣ Обломова изъ университета, „голова его представляла сложный архивъ мертвыхъ дѣлъ, лицъ, эпохъ, цифръ, религій, ничѣмъ не связанныхъ, политико-экономическихъ, математическихъ или другихъ истинъ, задачъ, положеній... у него между наукой и жизнью лежала цѣлая бездна, которой онъ не пытался перейти. *Жизнь у него была сама по себѣ, а наука сама по себѣ*".

Эта схоластическая мертвенность нашей университетской науки объясняется тѣмъ, что она долго оставалась у насъ только *прививною* — естественное неудобство нашей запоздалой образованности. Намъ приходилось на скорую руку только переносить къ себѣ готовое, усиленно повторять чужіе зады, прежде чѣмъ удалось, наконецъ, начать и самостоятельную работу. Весьма медленно становилась наша наука въ уровень съ требованіями нашей жизни,

весьма неподатливо откликалась она на нихъ въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, которымъ и доставалось же за то отъ схоластиковъ: „помилуйте, да это вѣдь не наука; вы этимъ испортите молодежь“ и т. п., тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, эта такъ-называемая „порча молодежи“ могла только помѣшать ей окончательно погрузиться въ ту или другую „Обломовщину“.

Герой второго романа Гончарова, конечно, вынесъ изъ университетскихъ стѣнъ уже значительно болѣе, чѣмъ Александръ Адуевъ. Онъ вынесъ изъ нихъ довольно ясное пониманіе того, что должно называть настоящимъ „дѣломъ“ и что „бездѣльемъ“, только скрывающимся подъ личиною дѣла. Обломовъ въ своемъ сужденіи о другихъ высказываетъ весьма свѣтлые взгляды. Онъ не видитъ, напр., настоящаго дѣла въ простомъ составленіи себѣ карьеры, онъ не видитъ настоящаго дѣла и въ литературномъ подбираніи мелкаго житейскаго сора, *въ ожесточенномъ ратованіи противъ пустяковъ,* въ томъ, что позднѣйшимъ сатирикомъ названо было „*литературнымъ пѣнкоснимательствомъ*“. Въ Обломовѣ есть желаніе дѣятельности, но дѣятельности не механической, а самостоятельной, творческой, только эта творческая дѣятельность проявляется у него въ *мечтахъ:* онъ много создаетъ, лежа у себя на постели. Обломовъ способенъ отдавать справедивость чужому труду, но, на бѣду, труда въ настоящемъ смыслѣ онъ не замѣчаетъ вокругъ себя. А трудъ просто ради труда, безъ всякой другой, высшей цѣли, ему непонятенъ; поэтому онъ готовъ бы, пожалуй, хотя и не рѣшается этого высказать, видѣть своего рода бездѣлье и въ трудолюбіи Штольца. Но сознаніе важности и цѣнности настоящаго труда такъ и остается въ немъ только *сознаніемъ;* онъ слишкомъ тяжелъ на подъемъ, для того чтобы, приглядѣвшись къ явленіямъ жизни, высмотрѣть себѣ практическую цѣль и начать для нея трудиться. Какъ по своему свѣтлому уму, ясно понимающему наше *дѣловое бездѣлье,* такъ и по барской неразвитости въ немъ самомъ *силы воли,* необходимой для настоящаго труда, Обломовъ самымъ непосредственнымъ образомъ связанъ съ русскою жизнью. Если-же связь эта и могла-бы быть еще болѣе выяснена, то только при окончательномъ устраненіи тѣхъ условій нашей литературной дѣятельности, о которыхъ гово-

рить Тургеневъ въ поэмѣ своей „*Разговоръ*“. Нельзя не удивляться послѣ этой самой возможности появленія критической статьи Писарева, въ которой утверждалось будто-бы „Обломовщина“ оказывается у Гончарова не явленіемъ общественнымъ, а простымъ результатомъ темперамента, несчастнаго тѣлосложенія героя романа.

Писаревъ, какъ извѣстно, дошелъ въ своей критикѣ до того, что усмотрѣлъ въ Обломовѣ какую то „клевету на русскую жизнь“; но вѣдь это нѣсколько отзывается тѣмъ направленіемъ, которое и въ Гоголевскихъ типахъ усматривало клевету!.. Вмѣстѣ съ тѣмъ Писаревъ какъ-будто обидѣлся нѣмецкимъ происхожденіемъ Штольца; по крайней мѣрѣ онъ вложилъ въ уста Гончарову слѣдующую обидную для насъ мораль: „Россіяне, всѣ вы спите... всѣ вы до такой степени одурѣли отъ сна... что мнѣ, романисту, приходится, въ укоръ вамъ, брать своего положительнаго героя изъ нѣмцевъ, подобно тому, какъ предки ваши, новгородскіе славяне, изъ нѣмцевъ призвали себѣ великаго князя, собирателя Русской земли“. „И россіяне, продолжаетъ уже самъ критикъ, съ свойственною имъ однимъ добродушною наивностью, умиляются надъ геніальнымъ произведеніемъ своего романиста, всматриваются въ утрированную до-нельзя фигуру Обломова и восклицаютъ съ добродѣтельнымъ раскаяніемъ: „да, да, вотъ наша язва“, и т. д. Но Писаревъ правъ въ одномъ: Гончаровъ дѣйствительно видитъ образцовую личность въ Штольцѣ; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Чтобы онъ сочувствовалъ Петру Ивановичу Адуеву, на это, какъ мы видѣли, нѣтъ доказательствъ, но въ Штольцѣ онъ хотѣлъ выставить нѣчто въ родѣ идеала; онъ хотѣлъ представить въ немъ сочетаніе дѣлового направленія съ тою сердечною теплотою, съ тѣми поэтическими наклонностями, которыхъ почти нѣтъ у Петра Ивановича; но это, надо признаться, вовсе не удалось нашему романисту.

Гончаровъ, очевидно, думалъ представить въ Штольцѣ гармоническое сліяніе двухъ стихій — нѣмецкой практичности съ русской „широкой натурой“. Вышло же только то, что Штольцъ тратитъ „по бюджету каждый день, какъ каждый рубль“, что „въ организмѣ у него нѣтъ ничего лишняго“, и что онъ, наконецъ, „ищетъ равновѣсія практическихъ сторонъ съ тонкими потребностями духа“. Но эти

тонкія потребности духа выражаются у него собственно въ томъ, что онъ охотно слушаетъ музыку и читаетъ Шиллера, т.-е. это составляетъ для него извѣстную принадлежность того *комфорта*, стремленіе къ которому является, въ сущности, главною цѣлью Штольца. Въ чемъ выразилась у этого обрусѣлаго нѣмца такъ-называемая „широкая русская натура“ — остается загадкой. Вообще попытка Гончарова выставить идеальнаго дѣлового человѣка кончилась почти также печально, какъ и болѣе ранняя попытка въ этомъ родѣ Гоголя.

Во второй части „Мертвыхъ душъ“ онъ, какъ извѣстно, думалъ выставить образцовыхъ людей въ лицѣ такихъ пріобрѣтателей, какъ помѣщикъ Костанжогло и откупщикъ Муразовъ. Гончаровъ въ лицѣ Штольца хотѣлъ, повидимому, представить личность болѣе высокой пробы, которая, наживаясь, не забываетъ и высшихъ человѣческихъ стремленій; но на самомъ дѣлѣ вышелъ такой же „пріобрѣтатель“, человѣкъ, который скоро составляетъ себѣ состояніе, принимая участіе въ разныхъ компаніяхъ, безпрестанно разъѣзжая съ мѣста на мѣсто и такимъ образомъ постоянно, повидимому, оставаясь дѣятельнымъ — но, въ сущности, только ради собственнаго интереса. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что Гончаровъ въ концѣ романа самъ почувствовалъ неудачность своего идеальнаго замысла, а потому и заставилъ Штольца испытать въ своей семейной жизни участь, отчасти напоминающую участь Петра Иваныча Адуева.

Та тоска, которая овладѣваетъ по временамъ Ольгой, несмотря на то, что она такъ счастлива со Штольцемъ, эта тоска доказываетъ, что и въ немъ она не нашла того, что ей нужно, тѣхъ высшихъ цѣлей, къ которымъ она постоянно стремилась, сначала какъ-бы инстиктивно, потомъ совершенно сознательно. Ольга представляетъ намъ въ высшей степени привлекательный, художественно обрисованный образецъ женщины, которая не удовлетворяется однимъ личнымъ счастьемъ, однимъ личнымъ чувствомъ любви.

Это выражается уже въ одномъ изъ первыхъ разговоровъ ея съ Обломовымъ, когда онъ, подъ вліяніемъ только-что охватившаго его чувства, говоритъ ей:

— Въ вашихъ глазахъ, въ улыбкѣ, въ этой вѣткѣ, въ casta diva — все здѣсь...

— Нѣтъ, не все — половина, отвѣчаетъ Ольга.
— Гдѣ же другая? что послѣ этого еще?
— Ищите.
— Зачѣмъ?
— Чтобы не потерять первой.

Ей нужна другая, высшая половина счастья, т.-е. высшая жизненная цѣль. Только при этой высшей цѣли любовь можетъ быть постоянной, вѣчной; только такая любовь, которая соединяетъ людей во имя общаго служенія чему-то высшему, можетъ дать содержаніе цѣлой жизни; иначе, рано или поздно, она приведетъ къ той же скукѣ, къ какой привела Адуева съ Наденькой. Только предполагая эту, неистощимую въ своемъ содержаніи, лучшую половину жизни, Ольга спрашиваетъ Обломова: „ужели вы не шутя думаете, что можно разлюбить?" Оттого-то ее и поражаетъ вопросъ — пожертвовала-ли бы она ему тѣмъ, что̀ всего дороже, честью? — „Никогда; на этомъ пути впослѣдствіи всегда разстаются, а я... разстаться съ тобой"!... Но разлука съ нимъ представляется ей невозможною только до тѣхъ поръ, пока она вѣритъ въ возможность воскресить его, пробудить въ немъ дѣятельное стремленіе къ высшей цѣли и этимъ стремленіемъ, какъ рычагомъ, поднять его на ноги. Но ей приходится страшно разочароваться, и вотъ въ своей послѣдней бесѣдѣ съ Обломовымъ она говоритъ: „ты нѣженъ, какъ голубь, ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей, да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего — я не знаю"! Она и сама вполнѣ ясно не сознаетъ, въ чемъ именно должна заключаться эта другая цѣль, но она ее страстно ищетъ.

Разочаровавшись въ Обломовѣ, Ольга поддержала себя вѣрою въ Штольца. Но когда она начала догадываться, что и его дѣятельность — только кажущаяся, потому что и въ немъ никакой высшей цѣли нѣтъ, — поколебалась ея вѣра въ него, поколебалось и ея счастье. Это живое исканіе чего-то, дающаго широкое содержаніе жизни — черта дѣйствительно существующая въ человѣческой природѣ — совершенно вѣрно подмѣчена Гончаровымъ въ нашихъ женщинахъ, подобно тому, какъ многія въ высшей степени сочувственныя черты подмѣчены въ нихъ и Тургеневымъ. Это составляетъ замѣчательную черту въ нашей литературѣ, что, постоянно терпя

неудачу въ идеальныхъ мужскихъ характерахъ, она дала намъ нѣсколько совершенно удачныхъ идеальныхъ характеровъ женскихъ. Но если мы сопоставимъ Ольгу Гончарова со многими женскими личностями Тургенева, то увидимъ, что хотя послѣднія, большею частью, богаты силами, но у многихъ изъ нихъ эти силы уходятъ сполна на одну только личную привязанность; не удалась имъ любовь — и все пропало, вся жизнь испорчена! Таковы напр. Маша въ „Затишье“, Вѣра въ „Фаустѣ“, Лиза въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“. Много говорилось въ нашей критикѣ объ ошибочныхъ понятіяхъ этихъ лицъ, (не о воспроизведеніи ихъ у Тургенева, совершенно вѣрномъ, вполнѣ художественномъ). Но ошибочность эта не въ томъ, что Вѣра не жертвуетъ своихъ долгомъ жены, что Лиза отступаетъ передъ правомъ другой, хотя и недостойной женщины; ошибочность въ томъ, что, испытавъ несчастіе въ любви, испытавъ необходимость разлуки съ тѣмъ, кого любишь, — онѣ затѣмъ никакой другой цѣли въ жизни не видятъ; — въ томъ, что Вѣра въ „Фаустѣ“ не находитъ поддержки себѣ въ долгѣ матери, что Лиза въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“ умѣетъ только заживо схоронить себя въ монастырѣ. Стремленіе къ чему-то пошире одной личной любви замѣтно отчасти у Наташи въ повѣсти „Рудинъ“. Но эти задатки высшихъ стремленій едва ли не должны заглохнуть въ ней послѣ брака съ такимъ лицомъ, какъ Волынцевъ. Совершенно уже ясное стремленіе въ высшему оказывается въ Тургеневской Асѣ. „Дни уходятъ, жизнь уйдетъ“, говоритъ она, „а что мы сдѣлали“? Или въ другой разъ: „Крылья у меня выросли — да летѣть некуда“. Но мы не знаемъ, что постигло ее послѣ разлуки съ тѣмъ, кого она полюбила. Еще болѣе ясное стремленіе къ высшему видимъ мы въ повѣсти Тургенева „Наканунѣ“, въ этой прекрасной повѣсти, такъ справедливо и такъ тепло оцѣненной Добролюбовымъ и такъ странно осмѣянной Писаревымъ. Съ Тургеневской Еленой всего болѣе находится въ нравственномъ родствѣ Ольга Гончарова; но судьба ихъ неодинакова: Елена нашла свой идеалъ въ болгаринѣ Инсаровѣ, Ольга не нашла своего идеала и въ Штольцѣ. Елена, лишась преждевременно Инсарова, находитъ себѣ дальнѣйшій исходъ въ служеніи той идеѣ, для которой жилъ онъ и страстная преданность, которой надорвала его здоровье; какой же исходъ

можетъ найти Ольга, послѣ того, какъ пошатнулась ея вѣра въ Штольца? Добролюбовъ въ своей критикѣ предполагалъ, что, разувѣрившись въ Штольцѣ, она оставитъ и его, какъ оставила Обломова. Нѣтъ, она не оставитъ его, имѣемъ мы право сказать, зная то глубокое *семейное чувство*, которое такъ сильно развито въ Ольгѣ. У нея уже есть семья; къ семьѣ этой, какъ, извѣстно, принадлежитъ и принятый на воспитаніе Штольцемъ, сынъ умершаго Обломова. Ольга должна найти исходъ въ томъ, чтобы воспитательнымъ вліяніемъ своей личности не дать этому новому поколѣнію пойти по стопамъ Обломова или Штольца.

Чего не доставало, чтобы поднять на ноги залежавшагося Илью Ильича, чтобы придать высшее значеніе Штольцу? Штольцъ говоритъ, что „любовь съ силою Архимедова рычага движетъ міромъ“, т.-е. онъ говоритъ это о личной любви; и что же? этотъ рычагъ, который доставался Обломову въ лицѣ Ольги, однако же не поднялъ его на ноги. Та же личная любовь, которая затѣмъ въ полной мѣрѣ досталась Штольцу, не сдѣлала его такимъ, чтобы не дать тоскѣ закрасться въ душу Ольги. Выходитъ, что настоящимъ рычагомъ можетъ служить только другого рода любовь, болѣе обнимающая, болѣе и дающая, — любовь къ другимъ людямъ, къ обществу, къ родинѣ. Вотъ такъ жизненный выводъ, который приходится сдѣлать Ольгѣ. Она не станетъ воспитывать то юное поколѣніе, которое у нея на рукахъ, въ нравственномъ одиночествѣ, въ томъ барскомъ уединеніи, въ которомъ держали Обломова. Она будетъ умѣть завязать уже въ дѣтяхъ спасительныя для человѣка связи съ окружающимъ его міромъ. Она не станетъ откладывать ознакомленіе юнаго поколѣнія съ тѣмъ, что̀ значитъ человѣческое горе и человѣческая нужда, а потому въ немъ пробудится рано и потребность приходить на помощь другимъ и только въ этомъ и видѣть настоящую, полную содержанія жизнь. Семья, среди которой будетъ дѣйствовать Ольга, послужитъ для нея, такъ сказать, мастерской, гдѣ, подъ теплымъ вліяніемъ ея любящей женской природы, подготовятся будущіе общественные дѣятели. Вотъ тѣ заключенія, которыя могутъ быть сдѣланы на основаніи романа Гончарова относительно воспитальныхъ мѣръ противъ „обломовщины“.

Ор. Миллеръ.

Автобіографическія черты въ „Обломовѣ“.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ родился въ 1812 г., въ Симбирскѣ, въ семьѣ мѣстнаго виднаго дѣятеля изъ купцовъ.

Такъ гласитъ біографическая справка. Мы и начнемъ последовательную характеристику Гончарова съ изображенія той обстановки, гдѣ онъ родился и провелъ раннее дѣтство. Это была обстановка приволья и свободы купеческо-помѣщичьей жизни первыхъ десятилѣтій прошлаго вѣка, но безъ причудъ и родовитой спеси крѣпостного дворянства. У Гончаровыхъ была цѣлая деревня, настоящее имѣніе въ самомъ городѣ: домъ — полная чаша, дворы, амбары, людскія, погреба, ледники со всевозможными запасами, обширная дворня, полное хозяйство, — словомъ, всѣмъ и каждому въ этой семьѣ жилось привольно и сытно, и самое крѣпостное право, благодаря вліянію города и общему мирному настроенію, теряло свой мрачный колоритъ. Во всякомъ случаѣ, оно не оставило въ душѣ мальчика тѣхъ острыхъ и жгучихъ впечатлѣній, какими судьба такъ щедро наградила, напримѣръ, Тургенева.

Не трудно замѣтить, что къ подобной же обстановкѣ, мягкой и усыпляющей, нисходятъ корнями своими и всѣ близкіе (и даже очень!) родственники Гончарова — Сашенька Адуевъ, Ильюша Обломовъ, Борисъ Райскій. Молодой Адуевъ, переживая, какъ впослѣдствіи Гончаровъ, первыя впечатлѣнія провинціала въ Петербургѣ, съ отрадой вспоминаетъ „свой городъ“, домики съ остроконечными крышами, палисаднички, голубятни, домики-фонари, домики съ флигелями-будками, — „этотъ весь спрятался въ зелени; тотъ обернулся на улицу задомъ, а тутъ на двѣ версты тянется заборъ, изъ-за котораго выглядываютъ съ деревьевъ румяныя яблоки, — искушеніе мальчишекъ... Присутственныя мѣста — такъ и видно, что присутственныя мѣста: близко безъ надобности никто не подходитъ... А пройдешь тамъ, въ городѣ, двѣ, три улицы, ужъ и чуешь вольный воздухъ, начинаются плетни, за ними огороды, а тамъ и чистое поле съ яровымъ. А тишина, а неподвижность, а скука, — и на улицѣ, и въ людяхъ тотъ же благодатный застой! И всѣ живутъ вольно,

на распашку, никому не тѣсно; даже куры и пѣтухи свободно расхаживаютъ по улицамъ, козы и коровы щиплютъ траву, ребятишки пускаютъ змѣй"...

Въ этомъ же видѣ застаетъ „свой городъ" и Гончаровъ, когда пріѣзжаетъ, по окончаніи университетскаго курса на родину. Тѣ же дома и домишки, палисадники, заборы, присутственныя мѣста. Ребятишки, если не пускаютъ змѣй, то — „среди улицы располагаются играть въ бабки". У забора — коза, одна изъ тѣхъ, которыхъ видѣлъ Адуевъ, щиплетъ траву...

Пріѣзжаетъ въ тотъ же городъ и студентъ Райскій. Домъ его — тоже „маленькое имѣніе", у самаго города, съ превосходными видами на Заволжье и страшнымъ обрывомъ, куда, между прочимъ, не пускали въ дѣтствѣ и Ильюшу Обломова. „Какой Эдемъ распахнулся ему въ этомъ уголкѣ, откуда его увезли въ дѣтствѣ, и гдѣ потомъ онъ гостилъ мальчикомъ иногда, въ лѣтнія каникулы! Какіе виды кругомъ — каждое окно въ домѣ было рамой своей особенной картины! Съ одной стороны Волга съ крутыми берегами и Заволжьемъ; съ другой — широкія поля, обработанныя и пустыя, овраги, и все это замыкалось далью синѣвшихъ горъ. Съ третьей стороны видны села, деревни и часть города. Воздухъ свѣжій, прохладный, отъ котораго какъ отъ лѣтняго купанья, пробѣгаетъ по тѣлу дрожь бодрости". Въ этомъ Эдемѣ, какъ въ „Грачахъ Адуева, въ „Обломовкѣ", наконецъ, въ усадьбѣ Гончаровыхъ на первомъ планѣ — хозяйство, козы, куры, повара, дворня, „баловство", которое охватываетъ юношей, „какъ паромъ" — сладкой нѣгой внимательности и ухода. „Кромѣ семьи, старые слуги, съ нянькой во главѣ, смотрятъ въ глаза, припоминаютъ мои вкусы, привычки, гдѣ стоялъ мой письменный столъ, на какомъ креслѣ я сидѣлъ, какъ постлать мнѣ постель. Поваръ припоминаетъ мои любимыя блюда — и всѣ не наглядятся на меня".

Это говоритъ Гончаровъ о своемъ возвращеніи на родину изъ столицы. Но таково же было и его дѣтство, разсказанное въ „Обломовѣ"; няня, упомянутая выше, была та же самая няня, которая смотрѣла за маленькимъ Обломовымъ и не пускала его въ оврагъ и на галлерею, какъ не пускали и Гончарова лазить по деревьямъ, по крышамъ или взбираться на колокольню.

Гончаровъ былъ въ дѣтствѣ, по его же словамъ, зоркій и впечатлительный ребенокъ. У него тогда уже, среди этого беззаботнаго житья-бытья, бездѣлья и лежанья, зарождалось неясное представленіе объ „обломовщинѣ". Столь же зоркимъ „ничего не пропускающимъ" и впечатлительнымъ ребенкомъ былъ Ильюша Обмоловъ: „ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка: неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни, его окружающей". Ни одна черта, ни одна особенность не ускользаетъ и отъ наблюдательнаго взора Райскаго; по тому, какъ онъ ведетъ себя въ школѣ и относится къ объясненіямъ учителя, можно съ увѣренностью сказать, что его наблюдательность, въ связи съ нѣкоторой не то разсѣянностью, не то распущенностью талантливаго барчука, развилась подъ знойными лучами обломовскаго солнца, подъ стукъ ножей обломовской кухни. Дома, въ Обломовкѣ, онъ оставилъ няню, Захарку, Антипа, Аверку (Акимку-повара — въ „Воспоминаніяхъ"), Арапку, которыхъ онъ въ точности изучилъ и запомнилъ; въ школѣ онъ тѣмъ же переимчивымъ взоромъ наблюдаетъ учениковъ и учителя. „И доску, на которой пишутъ задачи, замѣтилъ, даже мѣлъ, и тряпку, которою стираютъ съ доски. *Кстати тутъ же представилъ и себя, какъ онъ сидитъ, какое у него должно быть лицо, что другимъ приходитъ на умъ, когда они глядятъ на него, какимъ онъ имъ представляется*".

Кромѣ Обломовки въ городѣ, Гончарову была знакома Обломовка-деревня. Обломовка романа принадлежала, разсказываетъ авторъ, издавна роду Обломовыхъ; рядомъ съ ней лежало сельцо Верхлево, которымъ владѣлъ богатый помѣщикъ, никогда не показывавшійся въ свое имѣніе. Въ этомъ имѣніи управляющимъ былъ нѣмецъ Штольцъ, открывшій у себя пансіонъ для обученія дѣтей окрестныхъ помѣщиковъ. Мы можемъ дать болѣе опредѣленныя свѣдѣнія объ этомъ имѣніи — оно находилось на правомъ берегу Волги и принадлежало княгинѣ Хованской. Тамъ существовалъ и пансіонъ, куда былъ отданъ маленькій Гончаровъ, но училъ въ немъ не нѣмецъ Штольцъ, а священникъ, воспитанникъ казанской духовной академіи, человѣкъ просвѣщенный и,

можно думать, широко образованный; зато нѣмцу Штольцу соотвѣтствовала *француженка*, (или нѣмка, по дѣвической фамиліи Липманъ), жена священника, учившая дѣтей французскому языку. И маленькій Обломовъ и Райскій немногому научились въ этой школѣ; едва ли многому научился въ ней и Гончаровъ, хотя онъ и относился къ воспоминаніямъ о ней съ видимой симпатіей. Священникъ княжескаго имѣнія напоминаетъ верхлёвскаго старика Штольца. „Нѣмецъ былъ человѣкъ дѣльный и строгій, какъ почти всѣ нѣмцы. Можетъ быть, у него Илюша и успѣлъ бы выучиться чему-нибудь хорошенько, еслибъ Обломовка была верстахъ въ пятистахъ отъ Верхлёва. А то какъ выучиться? Обаяніе обломовской атмосферы простиралось и на Верхлёво", умъ и сердце Ильюши исполнились картинъ и нравовъ этого быта, прежде чѣмъ онъ увидѣлъ первую книгу. И не одного Ильюши, — таковъ же былъ и самъ Гончаровъ: эти картины и нравы окрасятъ собою все творчество будущаго писателя и опредѣлятъ его наиболѣе положительные жизненные — если и не идеалы и стремленія, — то привычки и вкусы.

Впослѣдствіи, уже на склонѣ лѣтъ, писатель дастъ себѣ отчетъ въ этихъ впечатлѣніяхъ, когда выразитъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, вѣское предположеніе о томъ, что у него, „очень зоркаго и впечатлительнаго мальчика, уже тогда, при видѣ всѣхъ этихъ фигуръ (Якубова и сосѣдей помѣщиковъ), этого беззаботнаго житья-бытья, бездѣлья и лежанья, и зародилось неясное представленіе объ обломовщинѣ".

Въ воспоминаніяхъ этихъ будетъ много искренности и теплоты. Нѣжностью признательности и любовью откликнется невольно душа на любовь и ласку, испытанныя имъ въ раннемъ дѣтствѣ, всякій разъ, какъ память воскреситъ передъ нимъ образъ его покойной матери. Она была разумно строга и добра, по отзыву писателя, и послѣднее свойство, синонимъ безграничной материнской любви, становится исчерпывающимъ и неизмѣннымъ признакомъ, какъ только Гончаровъ принимается изображать личность матери въ семейной обстановкѣ героевъ.

Слѣпая, беззавѣтная, безконечно-нѣжная любовь — коренная черта въ отношеніяхъ матерей Александра Адуева и Ильи Ильича, сближающая образы этихъ женщинъ до полнаго совпаденія. Воспоминанія о матери являются у нихъ

наиболѣе трогательными и завѣтными, проникнутыми грустью сожалѣнія о невозвратной утратѣ. Переходя во второй періодъ своей сознательной жизни, когда впереди начинаетъ видѣться прозаическая старость, а позади остаются раскаянія и разочарованія, Александръ Адуевъ мысленно пробѣгаетъ свое дѣтство и юношество до поѣздки въ Петербургъ, вспоминаетъ, какъ ребенкомъ онъ повторялъ за матерью молитвы, и она твердила ему объ ангелѣ-хранителѣ, который стоитъ на стражѣ души человѣческой и вѣчно враждуетъ съ нечистымъ... Указывая на звѣзды, она говорила мальчику, что это очи Божіихъ ангеловъ, которые смотрятъ на міръ и считаютъ добрыя и злыя дѣла людей; небожители плачутъ, когда злыхъ дѣлъ окажется больше, чѣмъ добрыхъ, и радуются, если добрыя возьмутъ перевѣсъ. Показывая на синеву дальняго горизонта, она говорила, что это Сіонъ... Милая, наивная вѣра, трогательныя суевѣрія дѣтскихъ образовъ — въ нихъ было много теплоты и поэзіи, и Александръ, съ искреннимъ вздохомъ, посылаетъ привѣтъ этимъ воскресшимъ отзвукамъ прошлаго.

Вспоминаетъ молитвы съ матерью и Илья Ильичъ Обломовъ. Тогда, поглощенный дѣтскими мыслями о предстоящей прогулкѣ, онъ „разсѣянно„ и „вяло“ повторялъ слова молитвы, но мать — „влагала въ нихъ всю свою душу“, и эти дѣтскія впечатлѣнія не прошли безслѣдно. „Обломовъ, увидѣвъ давно-умершую мать, и во снѣ затрепеталъ отъ радости, отъ жаркой любви къ ней: у него, у соннаго, медленно выплыли изъ-подъ рѣсницъ и стали неподвижно двѣ теплыя слезы“.

Тѣмъ же чувствомъ проникнуты и воспоминанія Райскаго о матери, но въ нихъ нѣтъ уже этой непосредственности и жизненности, какъ въ „Обломовѣ“. На сходство автора съ образомъ Ильи Ильича Обломова указывалось съ давнихъ поръ, еще при жизни Гончарова. Не высказываясь опредѣленно, по своему обыкновенію, онъ замѣчалъ, что, какъ это случалось со всѣми писателями, читатели старались его самого подводить подъ того или другого героя, отыскивая его то тамъ, то сямъ, или угадывая тѣ или другія личности. „Чаще всего меня видятъ въ Обломовѣ, любезно упрекая за мою авторскую лѣнь и говоря, что я это лицо писалъ съ себя. Иногда же, напротивъ, затруднялись, куда меня

дѣвать, въ которомъ нибудь романѣ, напримѣръ, въ дядю или племянниковъ. Нѣсколько далѣе, характеризуя процессъ своей творческой работы въ прошломъ, когда онъ писалъ то, что, казалось ему, носилось около него въ воздухѣ и было далеко отъ „выдумки", онъ приводитъ любопытный примѣръ близости къ нему создавшихся образовъ. „Мнѣ, говоритъ онъ, — прежде всего бросается въ глаза лѣнивый образъ Обломова — въ себѣ и другихъ — и все ярче и ярче выступалъ передо мной. Конечно, я инстинктивно чувствовалъ что въ эту фигуру вбираются мало-по-малу элементарныя свойства русскаго человѣка — и пока этого инстинкта довольно было, чтобы образъ былъ вѣренъ характеру".

Романъ „Обломовъ" писался, тоже по обыкновенію Гончарова, очень долго — лѣтъ около десяти, съ перерывами для „Фрегата Паллады", съ отвлеченіями въ сторону „Обрыва", образы котораго уже начинали тревожить творческіе нервы писателя. Не говоря уже о томъ, что во второмъ романѣ обнаружилось значительно большее мастерство кисти художника и болѣе глубокая вдумчивость при построеніи романа и обрисовкѣ центральной фигуры, самое отношеніе Гончарова къ своему герою должно было измѣниться съ годами, и оно дѣйствительно измѣнилось.

Въ этомъ отношеніи намъ придется нѣсколько разойтись съ тѣмъ общераспространеннымъ мнѣніемъ, что Обломовъ ближе другихъ героевъ подходитъ къ самому Гончарову. Если-бы это было дѣйствительно такъ, Гончаровъ не относился бы къ нему съ такимъ неизмѣннымъ чувствомъ ироніи, какого, напримѣръ, у него вовсе нѣтъ, какъ только рѣчь заходитъ о Петрѣ Ивановичѣ Адуевѣ или Штольцѣ. Въ этой ироніи нѣтъ злости, нѣтъ и оттѣнка желчи и раздраженія, порождающаго сарказмъ. Напротивъ, добродушное, даже любовное отношеніе придаетъ ей особую задушевность и прелесть. Такъ пожилой и ласковый по натурѣ человѣкъ снисходительно улыбается слабостямъ своего младшаго пріятеля, слабостямъ, которыя далеко не чужды и ему самому. И эта улыбка такъ искренна, такъ непосредственна на устахъ Гончарова, что читатель невольно поддается ея обаянію, и самъ начинаетъ улыбаться тою же снисходительной и доброй улыбкой.

Мы видѣли уже не разъ — въ разсказѣ объ Обломовѣ

не мало автобіографическихъ штриховъ. Ихъ не трудно подмѣтить въ исторіи дѣтства Обломова, въ отдѣльныхъ частностяхъ, несомнѣнно и въ обрисовкѣ характера, съ слабостью волевого элемента на первомъ планѣ и съ сильно развитымъ сознаніемъ, внѣшнимъ и внутреннимъ, доводящимъ иногда процессъ самоанализа до глубокаго и истиннаго страданія. Но отъ Обломова до Гончарова — разстояніе гораздо большее, чѣмъ отъ Адуевыхъ, племянника и дяди. Кстати сказать, Илья Ильичъ первой половины романа отличается, на нашъ взглядъ, отъ Ильи Ильича второй половины. Это два типа равно свойственные русской жизни, близко родственные, но не вполнѣ одинаковые. Первый — съ несомнѣннымъ трагическимъ началомъ сознанія своего безсилія — такъ и умираетъ, не сдѣлавъ ничего полезнаго и высокаго въ жизни, къ чему стремился такъ пламенно, но — увы! — платонически; его тревога не утихаетъ съ годами, — она можетъ перейти въ тихую жалобу, въ покаяніе Рудина, но ни минуту не станетъ пошлой и плоской. Сильное возбужденіе, страсть, негодованіе могутъ воспламенить ихъ пожаромъ, правда, на одно мгновеніе, но въ это мгновеніе они могутъ явиться героями, способными пожертвовать собой, во имя идеи или за улыбку красавицы, смотря по моменту. Вторая категорія Обломовыхъ — иного свойства. Если у нихъ и было какое-либо міросозерцаніе, въ смыслѣ извѣстныхъ „умственныхъ“ идей и нравственныхъ требованій, то это міросозерцаніе уснуло у нихъ раньше, чѣмъ глаза успѣли заплыть жиромъ отъ вѣчнаго спанья и въ груди появилась одышка отъ неподвижной жизни. Проза будничной домашней жизни, низменность желаній, не выходящихъ изъ круга инстинктовъ пищеваренія и элементарнаго животнаго довольства — вотъ атмосфера, изъ которой никогда не вытащатъ ихъ на свѣтъ Божій никакіе Штольцы и Ольги Ильинскія. Пошляки Маниловы — ихъ ближайшіе родственники, если они одарены благожелательно-настроенной душой, но никакъ не „коптители неба“ Тентетниковы, всю жизнь собирающіеся заняться большимъ сочиненіемъ о Россіи, словно Обломовъ, въ первой части романа, съ своимъ грандіознымъ планомъ переустройства Обломовки.

Кромѣ наклонности къ неподвижности и лѣни, общей вялости, мы не видимъ у Обломова крупныхъ чертъ, родня-

щихъ этотъ образъ съ самимъ Гончаровымъ. На присутствіе этихъ чертъ въ характерѣ нашего писателя указываютъ его же собственныя слова — тамъ, гдѣ онъ довольно недвусмысленно рисуетъ свою собственную наружность. Въ дѣтствѣ онъ — здоровый, краснощекій мальчикъ „съ мечтательными глазами“, какъ Илюша Обломовъ; студентомъ цвѣтущій, жизнерадостный юноша; ко времени трезвости и благоразумія онъ, какъ двѣ капли воды, напоминаетъ остепенившагося Александра Адуева, съ брюшкомъ и плѣшью, съ начинающейся сѣдиной въ вискахъ и бакенбардахъ. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и Гончаровъ, кончая „Обломова“, будетъ опредѣлять себя такъ: „литераторъ, полный, съ апатическимъ лицомъ, задумчивыми, какъ будто сонными глазами“. Этотъ отзывъ напоминаетъ собою „пожилого беллетриста Скудельникова“ (въ „Литературномъ вечерѣ“), который — „какъ сѣлъ, такъ и не пошевелился въ креслѣ, какъ будто приросъ или заснулъ. Изрѣдка онъ поднималъ апатичные глаза на автора (читавшаго свой романъ) и опять опускалъ ихъ. Онъ, повидимому, былъ равнодушенъ и къ этому чтенію, и къ литературѣ — вообще ко всему вокругъ себя. Григорій Петровичъ (Урановъ, хозяинъ) вытащилъ его изъ его гнѣзда, обѣщалъ хорошій романъ, хорошее общество, хорошихъ, даже прекрасныхъ, дамъ и хорошій ужинъ. Онъ и пріѣхалъ“...

Послѣднія слова чрезвычайно важны, пожалуй, важнѣе самого портрета. Въ нихъ выразились основныя привычки и вкусы „пожилого беллетриста“. Онъ не прочь бывать въ обществѣ, но предпочитаетъ покой и тишину своего „гнѣзда“. Общество онъ посѣщаетъ только избранное, гдѣ онъ встрѣтитъ, какъ художникъ, красоту и грацію аристократическаго женскаго лица, услышитъ остроумную бесѣду и веселый смѣхъ; какъ гастрономъ и бывшій обломовецъ, онъ оцѣнитъ по достоинству тонкій ужинъ и хорошее вино. Но, вообще говоря, — къ людямъ его не особенно тянетъ. И переживая въ томъ кругу, гдѣ онъ бывалъ, привычныя и милыя сердцу ощущенія, онъ самъ не вносилъ въ общество ни веселья ни даже оживленія, хотя ни въ умѣ ни въ остроуміи ему отказать было нельзя. Онъ, какъ художникъ, накапливалъ впечатлѣнія, но расточалъ ихъ въ разговорѣ неохотно и скупо.

Въ общемъ представленіи жизнь казалась Гончарову вялою и скучною. Уѣзжая изъ усадьбы, Райскій собирается написать романъ — картину вялаго сна, вялой жизни. Изображеніе зѣвоты и мечтательной задумчивости встрѣчается у него также часто, какъ изображеніе ѣды и сна.

Часы ѣды и сна являются священными для Гончарова при всѣхъ положеніяхъ, въ которыя онъ ставитъ своихъ героевъ. Даже болѣе: отношеніемъ къ этимъ благамъ жизни характеризуются у нихъ душевныя состоянія, причемъ Гончаровъ нигдѣ не упускаетъ случая отмѣтить значеніе тонкаго обѣда или ужина, присутствіе или отсутствіе аппетита у того или другого героя, благодѣтельное вліяніе сна или безсонницу. Райскій волнуется по поводу Вѣры, раздумывая отъ кого она получила другое, загадочное, письмо, и волненіе это выражается у него въ томъ, что онъ „машинально обѣдалъ"; страницей ниже Гончаровъ отмѣчаетъ по тому же поводу, что Райскій — „ночью не спалъ, мало ѣлъ и даже похудѣлъ немного". Волненіе рѣдко, впрочемъ, отзывается у Райскаго безсонницей; обыкновенно сонъ не покидаетъ его, въ качествѣ „друга", въ самыя тяжелыя минуты, навѣщаетъ и днемъ послѣ обѣда, и Райскій спитъ долго и крѣпко. Вернувшись на разсвѣтѣ домой послѣ страшной драмы, разыгравшейся въ обрывѣ, Райскій до того былъ измученъ, что самъ не узналъ себя въ зеркалѣ. „Ему было не легче Вѣры", и онъ навѣрно заболѣлъ бы, если-бы его не выручилъ спасительный сонъ. Райскій отдался ему, какъ „здравому другу, поручая себя его попеченіямъ. И сонъ исполнилъ эту обязанность"... — Ему снилось все другое, противоположное"... — „...Приснилось ему, что онъ сидитъ съ пріятелями у Сентъ-Жоржа и съ аппетитомъ ѣстъ и пьетъ, разсказываетъ и слушаетъ пошлый вздоръ, обыкновенно разсказываемый на холостыхъ обѣдахъ, что ему отъ этого стало тяжело и скучно, и *во снѣ даже спать захотѣлось*. И онъ спалъ здоровымъ, прозаическимъ сномъ"... Вѣра, душу которой „раздираетъ" страсть къ Марку, неизмѣнно появляется передъ читателями въ часы ѣды и чая. „Она, поздоровавшись съ бабушкой, попросила кофе, съ аппетитомъ съѣла нѣсколько сухарей"... — ...„Прошло два дня. По утрамъ Райскій не видалъ почти Вѣру наединѣ. Она приходила обѣдать, пила вечеромъ вмѣстѣ со всѣми

чай, говорила объ обыкновенныхъ предметахъ, иногда только казалась утомленной". Но какія бы драмы ни разыгрывались въ душѣ героевъ, какія бы страсти ни волновали ихъ, обычный порядокъ не нарушался. — „въ домѣ у Татьяны Марковны все шло своимъ порядкомъ, отужинали и сидѣли въ залѣ, позѣвывая"... Негодующее или разгнѣванное сердце бабушки успокаивается сразу, какъ только виновные выражали желаніе позавтракать или пообѣдать; въ такихъ случаяхъ óна готова была примириться даже съ безобразникомъ Маркомъ. Эта бытовая черта проходитъ по всѣмъ романамъ. Влюбленный Александръ Адуевъ приходитъ къ дядѣ сообщить ему о своемъ намѣреніи вызвать на дуэль соперника графа Новинскаго, у него „дѣло идетъ о жизни и смерти", а Петръ Ивановичъ предлагаетъ ему поужинать, — „ужинъ не портитъ дѣла" — и ужинаетъ, на протяженіи нѣсколькихъ страницъ, пока Александръ, который не ужиналъ двое сутокъ", разсказывалъ ему обстоятельства своего трагическаго положенія.

Остановимся еще на одной чертѣ — апатіи, неизмѣнно присутствующей, какъ только Гончаровъ начинаетъ говорить о самомъ себѣ. По отношенію къ человѣку, неустанно работавшему въ тиши кабинета надъ созданіемъ ряда произведеній, техника которыхъ, по его собственнымъ словамъ, стоила ему большого труда, это слово должно имѣть особый, условный смыслъ. Это менѣе всего — внутреннее разочарованіе въ томъ, во что вѣрилось въ юности, въ идеалахъ, надеждахъ, наконецъ, любви и дружбѣ. Наоборотъ, мощью здороваго идеализма звучатъ послѣднія произведенія Гончарова: ласковый юморъ ихъ достигаетъ мѣстами удивительной свѣжести, изящества и даже глубины. Это и не безсиліе человѣка, которые вышелъ на борьбу, и увидѣлъ, что руки у него были связаны. Борьба не была въ натурѣ Гончарова, и менѣе всего онъ подходилъ-бы подъ понятіе борца во имя чего бы то ни было. Правильнѣе всего признать, кажется, что Гончаровская апатія, если не принимать въ расчетъ нѣкоторой доли скептицизма, свойственнаго всѣмъ пожилымъ людямъ, видѣвшимъ свѣтъ, сводилась преимущественно къ внѣшнимъ проявленіямъ, къ внѣшнему виду или, вѣрнѣе, къ тому впечатлѣнію, которое производилъ Гончаровъ на людей своей неподвижной, по виду вялой, по разговору —

равнодушной фигурой. Въ головѣ и въ сердцѣ творилась невидимая глазу сложная работа, изъ которой слагалось творчество образовъ и картинъ; на эту работу и уходила значительная доля энергіи и органической самостоятельности художника.

Будь Гончаровъ только Обломовымъ, въ немъ и не пошевельнулось бы желаніе промѣнять свое насиженное „гнѣздо" на каюту готоваго ко всякаго рода случайностямъ, безпокойствамъ и опасностямъ „Фрегата Паллады". Но въ немъ жило какое-то особое начало, которое разжигало и мучило его. Слишкомъ сѣрая дѣйствительность давила его своей однотонностью, какъ онъ ни скрашивалъ ее цвѣтами фантазіи и поэзіи. „Дни мелькали—такъ характеризуетъ онъ свою жизнь въ первой главѣ „Фрегата Паллады", — жизнь грозила пустотой, сумерками, вѣчными буднями: дни, хотя порознь разнообразные, сливались въ одну утомительно-однообразную массу годовъ. Зѣвота за дѣломъ, за книгой, зѣвота въ спектаклѣ, и та же зѣвота въ шумномъ собраніи и въ пріятельской бесѣдѣ!"

Зѣвота и апатія — неотъемлемые признаки Гончарова; безъ нихъ онъ и представить самого себя не можетъ. „Между моряками, *зѣвая апатически*, лѣниво смотритъ въ безбрежную даль" океана литераторъ, помышляя о томъ, хороши ли гостиницы въ Бразиліи, есть ли прачки на Сандвичевыхъ островахъ, на чемъ ѣздятъ въ Австраліи?" Но этого апатическаго литератора манитъ поэзія путешествія, просторъ и „рядъ неисчерпанныхъ наслажденій" — и онъ объѣдетъ весь міръ, хотя бы для того, чтобы сказать потомъ, что въ немъ нѣтъ ничего чудеснаго, что и вдали, какъ и вблизи — „все подходитъ подъ какой-то прозаическій уровень". Но самое путешествіе является для него праздникомъ, радостнымъ воплощеніемъ съ дѣтства лелѣянной мечты.

Ничего подобнаго нѣтъ въ Обломовѣ, не только второй, но и первой половины романа. Илью тянетъ въ даль только тогда, когда его соблазняетъ своими разсказами Штольцъ, и то лишь пока тотъ не ушелъ изъ комнаты. Но едва Штольцъ оставляетъ Обломова одного, въ немъ начинаются колебанія, сомнѣнія, ему жаль разстаться съ диваномъ и халатомъ, и всѣ планы падаютъ, какъ карточный домикъ, отъ самой ничтожной причины: ячмень вскочитъ или губа

раздуется наканунѣ отъѣзда. „Нельзя же съ этакой губой въ море!“ — скажетъ Илья Ильичъ и махнетъ рукой.

Гончаровъ любитъ комфортъ; Обломовъ къ нему совершенно равнодушенъ. Гончаровъ задаетъ вопросы о сандвичевскихъ прачкахъ; у Обломова по нѣскольку дней не подметается квартира. Гончаровъ весь на сторонѣ порядка — и дома, и въ обществѣ, и въ государствѣ; Обломовъ заговариваетъ о порядкѣ исключительно съ цѣлью донять Захара „жалкими словами“. Его порядокъ черезчуръ опредѣляется временемъ завтрака, обѣда, ужина, сна... Гончаровъ безконечно цѣлостнѣе и шире и по отношенію къ нему Обломовъ — только часть, близкая, кровная, но не важнѣйшая...

Ляцкій.

Галлерея мужскихъ портретовъ въ произведеніяхъ Гончарова.

Помѣщица Адуева въ „Обыкновенной исторіи“, отправляя сына въ Петербургъ, поручаетъ его заботамъ дяди. Среди прочихъ наивныхъ просьбъ о миломъ Сашенькѣ, она даетъ наставленіе петербургскому чиновнику: „Сашенька привыкъ лежать на спинѣ: отъ этого, сердечный, больно стонетъ и мечется; вы тихонько разбудите его да перекрестите: сейчасъ и пройдетъ; а лѣтомъ покрывайте ему ротъ платочкомъ: онъ его разѣваетъ во снѣ, а проклятыя мухи такъ туда и лѣзутъ подъ утро“ (36, I). Эта черта любви, соединенной съ умственной ограниченностью, сразу опредѣляетъ характеръ воспитанія Александра. Въ томъ же письмѣ, черезъ нѣсколько строкъ, говорится о крѣпостномъ человѣкѣ, лакеѣ молодого барина: „присмотрите за Евсеемъ: онъ смирный и непьющій, да, пожалуй, тамъ въ столицѣ, избалуется, — *тогда можно и посѣчь*“. *Растлѣвающее вліяніе* крѣпостного права, впивавшееся въ кровь и плоть цѣлыхъ поколѣній, и теплая, мягкая, расслабляющая атмосфера семейной любви — таковы условія, въ которыхъ проходятъ дѣтскіе и отроческіе годы Александра Адуева, Райскаго, Обломова.

Праздность, сдѣлавшаяся не только привычкой, но возве-

денная въ принципъ, въ исключительную привилегію людей умныхъ и талантливыхъ — вотъ результатъ этого воспитанія.

Александръ пріѣхалъ въ Петербургъ, по собственному признанію, чтобы жить и „пользоваться жизнью“, при чемъ „трудиться казалось ему страннымъ“ (838, I). Когда изъ редакціи журнала вернули молодому автору рукопись, онъ сказалъ себѣ: „нѣтъ! если погибло для меня благородное творчество въ сферѣ изящнаго, такъ я не хочу и труженичества: въ этомъ судьба меня не переломитъ!“ (48, I, ч. 2). Въ работѣ видитъ онъ несомнѣнный признакъ отсутствія таланта, искры Божіей и вдохновенія. Отъ подобныхъ взглядовъ — одинъ шагъ до обломовскаго халата. Шагъ этотъ сдѣланъ Александромъ послѣ двухъ-трехъ неудачъ въ любви и въ литературѣ. „Узкій щегольской фракъ, — говоритъ авторъ, — онъ замѣнилъ широкимъ халатомъ домашней работы“ (890, I, 2). „Я стремиться выше не хочу, — разсуждаетъ онъ съ дядей, — я хочу такъ остаться, какъ есть... Нашелъ простыхъ людей, нужды нѣтъ что ограниченныхъ умомъ, играю съ ними въ шашки и ужу рыбу — и прекрасно!... Хочу, чтобы мнѣ не мѣшали быть въ моей темной сферѣ, не хлопотать не о чемъ и быть покойнымъ“ (107, I, 2). Вотъ цѣликомъ обломовская программа жизни. Александръ Адуевъ — это Илья Ильичъ въ молодости, и при томъ въ болѣе ранній періодъ русской жизни. Интересно наблюдать на первообразѣ Обломова отблескъ модныхъ въ тѣ времена байроническихъ идей, связь Обломова съ героями Лермонтова и Пушкина. „Безъ малаго въ восемнадцать лѣтъ“ — онъ ужъ „разочарованный“ и говоритъ о жизни съ пренебреженіемъ, подражая Печорину и Онѣгину. Обломовъ проще: у него нѣтъ напускного байронизма и фразерства. Въ хорошія минуты онъ глубоко сознаетъ свое нравственное паденіе. Александръ Адуевъ въ эпилогѣ радуется „фортунѣ, карьерѣ и богатой невѣстѣ“; самодовольная пошлость противнѣе въ немъ обломовскаго сна и апатіи.

Ильѣ Ильичу, — говоритъ авторъ, — доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ нечуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ иную пору плакалъ надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія и тоску, стремленіе куда-то вдаль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его,

бывало Штольцъ. Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его..." Но вмѣстѣ съ тѣмъ у него со слугою происходятъ такія сцены: какъ-то Захаръ имѣлъ несчастіе, въ разговорѣ о переѣздѣ съ квартиры, заикнуться, что „другіе, молъ, не хуже насъ, а переѣзжаютъ", слѣдовательно, и намъ нечего безпокоиться. Илья Ильичъ страшно разсердился. „Онъ въ низведеніи себя Захаромъ до степени другихъ видѣлъ нарушеніе правъ своихъ на исключительное предпочтеніе Захаромъ особы барина всѣмъ и каждому...

„— Я — „другой"! Да развѣ я мечусь, развѣ работаю? мало ѣмъ, что ли? худощавъ или жалокъ на видъ?... Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, славу Богу!.., Я ни холода ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, *хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще черным дѣломъ не занимался...*"

Какъ все это примирить съ благородными слезами Ильи Ильича, плачущаго надъ бѣдствіями человѣчества? Не правдивѣе ли „высокихъ помысловъ" и „безыменныхъ страданій" другія, болѣе конкретныя мечты лѣниваго барина: „ему видятся все ясные дни, ясныя лица безъ заботъ и морщинъ, смѣющіяся, круглыя, съ яркимъ румянцемъ, съ двойнымъ подбородкомъ и неувядающимъ аппетитомъ; будетъ вѣчное лѣто, вѣчное веселье, сладкая ѣда, да сладкая лѣнь". Если у него нѣтъ ничего искренняго, кромѣ мечтаній о подобномъ счастьѣ, къ чему лицемѣріе — „высокіе помыслы"? Читатель готовъ произнести Обломову жестокій и безповоротный приговоръ. Но онъ переходитъ къ сценѣ, гдѣ Илья Ильичъ навѣки прощается съ Ольгой; она говоритъ ему: „Я любила будущаго Обломова! Ты кротокъ, чистъ, Илья; ты нѣженъ... какъ голубь; ты прячешь голову подъ крыло — и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей... да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего — не знаю! Можешь ли научить меня, сказать — что́ это такое, чего недостаетъ, дать это все, чтобъ я... *А нѣжность... гдѣ ея нѣтъ!*" У Обломова подкосились ноги... Слово было жестово; оно глубоко уязвило Обломова... Онъ въ отвѣтъ улыбнулся какъ-то жалко, болѣзненно-стыдливо, какъ нищій, котораго упрекнули его наготой. Онъ сидѣлъ съ этой улыбкой безсилія, ослабѣвшій отъ волненія и обиды; потухшій взглядъ его ясно говорилъ:

„он, я скуденъ, жалокъ, нищъ... бейте, бейте меня!“ Произнесъ ли читатель и теперь надъ несчастнымъ человѣкомъ едва не сорвавшійся съ устъ жестокій приговоръ? Развѣ какой-нибудь Штольцъ, гордый своими совершенствами, возбуждаетъ столько любви и теплой человѣческой симпатіи, какъ бѣдный Илья Ильичъ?

Райскій — воплощеніе и развитіе созерцательной, артистической стороны обломовскаго типа. Такія мягкія, впечатлительныя и лѣнивыя натуры — благодарная почва для художественнаго дилетантизма. Райскій — эстетикъ, воспитанный въ духѣ сороковыхъ годовъ. „Равнодушный ко всему на свѣтѣ, кромѣ красоты“, онъ „покорялся ей до рабства, былъ холоденъ ко всему, гдѣ не находилъ ея, и грубъ, даже жестокъ ко всякому безобразію“. Впрочемъ, несмотря на это странное поклоненіе красотѣ, изъ Райскаго настоящаго художника никогда не выйдетъ — вслѣдствіе той же обломовской лѣни и привычки жить „на всемъ готовенькомъ“. Съ обычной, нѣсколько циничной, манерой Маркъ Волоховъ предсказываетъ Райскому: „Нѣтъ, изъ васъ ничего не выйдетъ, кромѣ того, что вышло, т.-е. очень мало. Много этакихъ у насъ было и есть: всѣ пропали или спились съ кругу... *Это все неудачники*“.

Бабушка остроумно замѣчаетъ про него: „ни Богу свѣчка ни чорту кочерга“.

Да и самъ Райскій сознаетъ свою обломовщину: „я уродъ... я больной, ненормальный человѣкъ, и при томъ я отжилъ, испортилъ, исказилъ... или нѣтъ, не понялъ своей жизни“.

У Райскаго, какъ и у Обломова, есть „высокіе помыслы“ и „слезы о бѣдствіяхъ человѣчества“, которые тоже находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ характеромъ и жизнью дилетанта.

Характеръ Райскаго задуманъ широко и сложно. Настроеніе его до такой степени измѣнчиво и прихотливо, что нельзя въ немъ ни на чемъ остановиться, ничего предсказать. Онъ созданъ весь изъ тонкихъ переплетенныхъ и запутанныхъ противорѣчій. Поэту, изобразившему подобный характеръ, пришлось бороться съ такими же трудностями, какъ живописцу, который задумалъ бы перенести на полотно радугу: неуловимая нѣжность тоновъ, мимолетность, безчисленность оттѣнковъ и отблесковъ.

При смѣнѣ двухъ историческихъ эпохъ являются характеры, принадлежащіе той и другой, нецѣльные, раздвоенные. Въ нихъ есть глубокое неизгладимое противорѣчіе: симпатіи. убѣжденія, вѣрованія принадлежатъ новому времени, привычки, вкусы, темпераментъ — прошлому. Побѣждаетъ въ большинствѣ случаевъ не разумъ, а безсознательныя симпатіи, не воля, а инстинктъ, не убѣжденія, а темпераментъ, отжившее торжествуетъ надъ живымъ, и человѣкъ гибнетъ жертвой этой борьбы. Такъ гибнетъ въ пошлости Александръ Адуевъ, въ апатіи — Обломовъ, въ дилетантизмѣ — Райскій.

Одинъ изъ основныхъ мотивовъ Гончарова — сопоставленіе съ этими праздными, нерѣшительными, мягкими характерами личностей дѣятельныхъ, рѣзкихъ, сильныхъ, съ твердой до жестокости волей. Волоховъ сопоставленъ съ Райскимъ въ „Обрывѣ“, Штольцъ — съ Обломовымъ, дядя — съ Александромъ въ „Обыкновенной исторіи“. Какъ ни отличенъ чиновникъ Адуевъ отъ нигилиста Волохова, и этотъ послѣдній — отъ аккуратнаго, добродѣтельнаго нѣмца Штольца, у всѣхъ троихъ есть общая черта, особенно по контрасту съ лѣнивымъ обломовскимъ типомъ: у всѣхъ троихъ *разсудокъ преобладаетъ надъ чувствомъ, расчетъ надъ голосомъ сердца, практичность надъ воображеніемъ, способность къ дѣйствію надъ способностью къ созерцанію*. Слова, которыми Александръ характеризуетъ своего дядю, можно вполнѣ примѣнить и къ Штольцу. „Дядя любитъ заниматься дѣломъ, что совѣтуетъ и мнѣ: „мы принадлежимъ къ обществу, — говоритъ онъ, — которое нуждается въ насъ“. Занимаясь, онъ не забываетъ и себя: „дѣло доставляетъ деньги, а деньги комфортъ, который онъ очень любитъ“. Штольцъ также весьма дорожитъ комфортомъ. Въ сущности его буржуазное счастіе съ Ольгой ничѣмъ не лучше „фортуны“ чиновника Адуева.

Всѣ замѣчали, да и самъ авторъ сознается, что нѣмецъ Штольцъ — неудачная выдуманная фигура. Чувствуется утомленіе отъ длинныхъ и холодныхъ разговоровъ его съ Ольгой. Онъ тѣмъ болѣе теряетъ въ нашихъ глазахъ, что стоитъ рядомъ съ Обломовымъ, какъ автоматъ рядомъ съ живымъ человѣкомъ. Дядя въ „Обыкновенной исторіи“ нарисованъ тоже нѣсколько прямолинейно и сухо, болѣе искусно, чѣмъ художественно.

Какъ бы ни были велики шансы на побѣду и права на

превосходство *отрицательнаго типа*, есть у него одинъ важный недостатокъ.

Въ „Обыкновенной исторіи“ дядя старается утѣшать племянника, испытывающаго неподдѣльное горе вслѣдствіе первыхъ разочарованій любви.

„— Что мнѣ дѣлать съ Александромъ? говоритъ Адуевъ женѣ:—онъ тамъ у меня разревѣлся... Я уже не мало убѣждалъ его.

„— Только убѣждалъ?

„— И убѣдилъ: онъ согласился со мной... Тутъ, кажется, все, что нужно.

„— Кажется все, а онъ плачетъ...

„— Я не виноватъ, я сдѣлалъ все, чтобы утѣшить его.

„— Что же ты сдѣлалъ?

„— Мало ли?... и говорилъ битый часъ... даже въ горлѣ пересохло... всю теорію любви, точно на лодони, такъ и выложилъ, и денегъ предлагалъ, и ужиномъ и виномъ старался...

„— А онъ все плачетъ?

„— Такъ и реветъ! Подъ конецъ еще пуще.

„— Удивительно! Пусти меня, я попробую...“

Она пошла къ Александру, „сѣла подлѣ него, посмотрѣла на него пристально, какъ только умѣютъ глядѣть иногда женщины, потомъ тихо отерла ему платкомъ глаза и поцѣловала въ лобъ, а онъ прильнулъ губами къ ея рукѣ... Черезъ часъ онъ вышелъ задумчивъ, но съ улыбкой, и уснулъ первый разъ покойно послѣ многихъ безсонныхъ ночей...“

Конечно, и практическій Штольцъ оказался бы въ этомъ случаѣ, подобно умному дядѣ, въ глупомъ, безпомощномъ положеніи и не сумѣлъ бы утѣшить несчастнаго такъ, какъ его утѣшила простая, непрактичная, но *любящая* женщина.

Вотъ непоправимая слабость этихъ гордыхъ людей, именующихъ себя „грядущей новой силой“. *У нихъ нѣтъ любви.*

Дайте человѣчеству роскошь знаній, утонченность культуры, все, чѣмъ такъ дорожитъ Штольцъ; дайте ему полное равенство матеріальныхъ благъ, справедливое удовлетвореніе потребностей, все, что требуетъ Маркъ Волоховъ; но если при этомъ вы откажите въ *божественной* любви, въ состраданіи, въ томъ братскомъ поцѣлуѣ, который одинъ только утѣшаетъ несчастныхъ, то всѣ дары будутъ тщетными, и

люди останутся такими же нищими и одинокими, какими были до сихъ поръ.

Штольцъ, Маркъ Волоховъ, дядя Александра — *только разумомъ* понимаютъ преимущество нравственнаго идеала, какъ понимаютъ устройство какой-нибудь полезной машины, но *сердцемъ* они мало любятъ людей *и не вѣрятъ въ божественную тайну міра*, — вотъ почему въ нихъ добродѣтели есть что-то холодное, сухое, жестокое и самолюбивое.

Они не поняли великой заповѣди: „*будьте просты, какъ дѣти*“, не поняли этихъ словъ, можетъ-быть, самыхъ прекрасныхъ, когда-либо на землѣ произнесенныхъ: „если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, *а не имѣю любви, то я ничто. И если я раздалъ все имѣніе мое и отдалъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы.*

Мережковскій.

Галлерея женскихъ портретовъ въ произведеніяхъ Гончарова.

„Къ особенностямъ таланта Гончарова, — писалъ еще въ 1848 г. Бѣлинскій, — принадлежитъ необыкновенное мастерство рисовать женскіе характеры. Онъ никогда не повторяетъ себя, ни одна женщина не напоминаетъ собой другую, и всѣ, какъ портреты, превосходны“. „Женщины его — живыя, вѣрныя дѣйствительности, созданія“. Эти слова, сказанныя по поводу перваго романа разбираемаго писателя, *Обыкновенная исторія*, вполнѣ подтвердились всѣми позднѣйшими его произведеніями, какъ романами, такъ и *Литературнымъ вечеромъ*. У Гончарова находимъ цѣлую галлерею женскихъ образовъ различныхъ сословій, возрастовъ, характеровъ, взглядовъ на жизнь и образованіе. Всѣ они, начиная съ дворовой бабы до великосвѣтской красавицы, отъ простодушной деревенской барышни до дѣвушки съ высшими, хотя и недостаточно опредѣленными, запросами отъ жизни, — всѣ носятъ на себѣ яркій отпечатокъ русской дѣйствительности. Опуская разнообразные типы дворни, постараемся представить женщинъ Гончарова въ отдѣльныхъ группахъ. Передъ

нами, *во-первыхъ*, великосвѣтскія маменьки, Бѣловодовой, княгиня въ Верхлевѣ, тетка Бѣловодовой, тетка Ольги, княгиня въ *Литературномъ вечерѣ* и тамъ же графиня; *во-вторыхъ*, русскія помѣщицы, никогда не выѣзжавшія изъ деревень дальше ближайшаго уѣзднаго города, матери: Адуева, Обломова, бабушка, и, хотя живущая въ Петербургѣ, но сохранившая привычки деревенской помѣщицы, мать Наденьки; *въ-третьихъ*, воспитанницы великосвѣтскихъ маменекъ: Тафаева и Софья Николаевна Бѣловодова; *въ-четвертыхъ*, какъ контрастъ съ ними, натуры непосредственныя: Агафья Матвѣевна, Наташа, Маѳенька; *въ-пятыхъ*, натуры исковерканныя: Уленька и Полина Критская (*Обрывъ*); *въ-шестыхъ*, наконецъ, женщины *новыя*, съ запросами отъ жизни: жена дяди Адуева, Елизавета Александровна, Наденька, Лиза, Ольга и Вѣра.

Женщины первой группы живутъ исключительно въ свѣтѣ, и для него только и готовятъ своихъ дочерей, его только мнѣніе уважаютъ, жестоко карая малѣйшее уклоненіе отъ его законовъ. Время у нихъ проходитъ въ визитахъ, разъѣздахъ по магазинамъ, спектакляхъ и пріемахъ у себя. Если и являются онѣ изрѣдка въ своихъ далекихъ помѣстьяхъ, то никогда „не спускаются до мелкаго люда, копошащагося вокругъ нихъ", не входя ни въ какія сношенія съ сосѣдями. Забравъ въ руки бразды правленія, самовластно распоряжаются и мужемъ и дѣтьми, строго храня приличія своего круга, какъ мать Бѣловодовой; дорожа именемъ, репутаціей и важностью дома, платятъ, несмотря на скупость, долги членовъ семьи, какъ это дѣлаютъ тетки Софьи, Пахотины, и считаютъ для себя унизительнымъ входить въ хозяйственныя распоряженія, подобно теткѣ Ольги. Въ ихъ салонахъ не дозволяется говорить громко, и разговоръ рѣдко выходитъ изъ предѣловъ текущей жизни или родовыхъ воспоминаній. Райскій только въ комнатѣ Софьи могъ спорить съ ней, да и тутъ зоркій глазъ тетушки не оставлялъ ихъ въ покоѣ даже изъ-за картъ. „Если же при теткахъ затрогивались вопросы живые, глубокіе, то старухи, и тономъ и сентенціями, тотчасъ же клали на всякій разговоръ свою патентованную печать". Если молодые люди въ этихъ замкнутыхъ семьяхъ чѣмъ-нибудь выражали свои чувства симпатіи не только къ людямъ низшаго круга, какъ Бѣловодова къ учителю

Ельнину, но даже и къ своимъ аристократическимъ знакомымъ, какъ графъ Милари, на нихъ обрушивался гнѣвъ всей родни. Ольга могла свободно гулять и читать съ Обломовымъ только потому, что это былъ уже не очень молодой человѣкъ, и, по понятіямъ тетки, не могъ нашептывать дѣвушкѣ вредныхъ теорій или давать вредныя книги. Все было чинно, чопорно въ этомъ заколдованномъ мірѣ; всякое чувство дозволялось въ мѣру, и жилось скучно, смертельно скучно. За каждымъ важнымъ и неважнымъ шагомъ въ жизни стояло грозное: „que dira-t-on?“ Но какъ ни зорко слѣдитъ за молодымъ поколѣніемъ строгая маменька, дочки, при помощи кузеновъ, ухитряются тайкомъ знакомиться и съ запретными романами французскаго ультрареализма (княжна Тецкая). Изъ этого круга выдѣляются на литературномъ вечерѣ тонкая цѣнительница искусства, „съ глазами сфинкса и загадочной улыбкой“, графиня Синявская, и „тридцатилѣтняя вдовушка, съ дѣтскими глазами и вѣчной улыбкой, Лилина, всегда всѣми довольная, всѣхъ любившая, всѣми любимая, страстная охотница до домашнихъ спектаклей, всякихъ чтеній и концертовъ“.

Несравненно болѣе мѣста удѣляетъ писатель представительницамъ міра захолустнаго помѣщичества. Заключенныя въ своихъ усадьбахъ, онѣ всю жизнь всецѣло посвящаютъ дѣтямъ и внукамъ и не знаютъ никого и ничего, кромѣ родного гнѣзда. Таковы жизнь и мечты о судьбѣ любимаго дѣтища у матерей Адуева, Обломова и Штольца; таковы же онѣ у матери Наденьки, и даже у бабушки. Мать Штольца, хотя и не помѣщица, и болѣе образована, но, живя въ гувернанткахъ, въ барскихъ домахъ, усвоила себѣ тотъ же идеалъ для своего сына. Въ противоположность грубому воспитанію мужа, она хочетъ видѣть въ сынѣ барченка бѣленькаго, прекрасно сложеннаго, съ маленькими руками и ногами, яснымъ лицомъ и свѣтлымъ взглядомъ, — словомъ, такого, на какихъ она наглядѣлась въ барскихъ домахъ. Въ будущемъ ей мерещился въ сынѣ идеалъ барина, которому не зачѣмъ вставать съ зарей, ходить по фабрикамъ и заводамъ, разбирать засаленныя записки мужиковъ, входить въ сношенія съ фабричными. Матери Обломова и во снѣ не снился никакой трудъ для ея Ильюши: онъ бариномъ родился, бариномъ и проведетъ всю жизнь. Живетъ она среди прижи-

валовъ и дворни, переходя отъ кофе къ чаю, отъ чая къ обѣду, сидитъ въ долгіе зимніе вечера съ чулкомъ въ рукахъ на диванѣ; развлекается святочнымъ наряжаньемъ, радуется пріѣзду гостьи, съ которой можно обняться и поплакать, также для развлеченья; и ограничиваетъ свое образованіе знаніемъ всевозможныхъ примѣтъ, не примиряясь съ мыслью, что Илюшѣ необходимо ученье. Такова же и Анна Павловна Адуева. Также вѣритъ она въ сны и примѣты; думаетъ, что сына ея испортили въ Петербургѣ, и зоветъ Никитичну пошептать надъ спящимъ и подуть на воду. Всѣ ея заботы о сынѣ сводятся къ хорошей пищѣ, спокойному сну и его женитьбѣ. „Останься, — уговариваетъ она Александра, отправляющагося въ столицу; женился бы здѣсь, послалъ бы Богъ дѣточекъ; я бы ихъ няньчила, и жили бы безъ горя, безъ заботъ, и прожилъ бы ты вѣкъ свой мирно, тихо, никому бы не позавидовалъ“. Для счастья сына она готова даже покривить душой: Соню, ради которой она такъ удерживаетъ его въ деревнѣ, „можно и въ сторону, если встрѣтится невѣста у начальника, или знатнаго и богатаго вельможи“. За здоровье и счастіе дѣтища должны нести отвѣтъ всѣ: и дядя, и начальники, и дворовый человѣкъ Евсей. Она не можетъ понять, зачѣмъ ея Сашенькѣ надо работать, и осыпаетъ дядю градомъ упрековъ, когда Евсей доноситъ, что тотъ заставлялъ племянника писать, а не лежать на боку. По ея мнѣнію, работа — дѣло не барское, а холопское.

Неизмѣримо выше всѣхъ этихъ представительницъ старшаго женскаго поколѣнія — бабушка, не отличающаяся отъ нихъ образованіемъ, но зато превосходящая ихъ тонкимъ, непосредственнымъ умомъ, и даже гуманностью, — характеръ цѣльный, находчивый и рѣшительный, хотя, какъ уже мы видѣли, не чуждый предразсудковъ своего сословія и времени. Потерпѣвъ въ ранней юности жестокое крушеніе единственной сердечной привязанности, которое сломило бы всякую другую, обыкновенную, натуру, эта удивительная женщина не только не расплылась въ безплодномъ нытьѣ или, махнувъ рукой на все, не предалась, по страстной натурѣ, прожиганію жизни; но, глубоко спрятавъ въ душѣ тайну, которую выдала только внучкѣ, сумѣла, оставшись до старости вѣрной первой любви, сохранить такія трогательно деликатныя отношенія къ Титу Никонычу и посвятить всю свою

жизнь счастію внучатъ. Безупречно проживъ долгій вѣкъ въ провинціальной глуши, она ни разу не подала повода къ сплетнѣ, и за распорядительность, умъ и доброту справедливо пользуется всеобщимъ уваженіемъ, никому не позволяющимъ снизойти въ обращеніи съ нею до малѣйшей фамильярности. Между тѣмъ сама она, понимая человѣческую слабость, не только никого не давитъ высокомѣріемъ, но великодушно терпитъ даже такихъ людей, какъ пьяница Опенкинъ, Полина Критская, даже такой „озорникъ", какъ ненавистный Маркушка, котораго она всегда готова накормить, какъ бездомнаго, всѣми отверженнаго бѣдняка, уже не говоря о симпатичномъ ей Леонтіи Козловѣ. Уступая предразсудку времени, когда люди, въ родѣ Нила Тычкова, радушно принимались въ нашемъ обществѣ, она терпитъ и его; но стоитъ только этому Тычкову забыться, оскорбить въ ея домѣ гостью, грубо отозваться о племянникѣ, — и она, полная чувства оскорбленнаго достоинства, не остановится передъ торжественнымъ изгнаніемъ изъ дома провинціальнаго туза, какой бы скандалъ изъ этого не вышелъ. Ограниченная тѣснымъ кругомъ выработанныхъ вѣками правилъ семейной и помѣщичьей мудрости, она въ значительной степени деспотка, твердо держащая въ рукахъ бразды правленія, и совершенно покоряетъ себѣ, до полнаго обезличенія, недалекую Марѳеньку, которую по-своему и дѣлаетъ вполнѣ счастливою, пробуетъ покорить и Вѣру и внука. Что же касается послѣдняго, то она вполнѣ вѣрно, и не безъ остроумія, оцѣниваетъ его ничтожество для серіознаго дѣла, несмотря на всю его разностороннюю талантливость, и только добродушно подсмѣивается надъ его чудачествами. Она во многомъ въ душѣ съ нимъ и соглашается и, во всякомъ случаѣ, любитъ съ нимъ бесѣдовать, — даже совѣтуется съ нимъ, какъ съ умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, такъ что только опасеніе потерять свой авторитетъ мѣшаетъ ей подчасъ открыто признать справедливость его мнѣній...

Такой цѣльный, прекрасный, положительный женскій образъ, и притомъ, безъ утрировки, съ отрицательными, комическими чертами, со множествомъ уживающихся вмѣстѣ противорѣчій, принадлежитъ къ лучшимъ созданіямъ русской литературы. И если сравненіе этого лица съ цѣлой Россіей и кажется немного претенціознымъ, то нельзя не признать, что въ ба-

бушкѣ писатель чудно соединилъ съ тѣмъ, что внесла въ нее современная дѣйствительность, то лучше, идеальное, что вообще дается только избраннымъ женскимъ натурамъ: широту и глубину всепрощающей любви и признаніе неизбѣжности совершившихся фактовъ. Въ отживающей бабушкѣ прозрѣваемъ мы тѣхъ лучшихъ русскихъ женщинъ старшихъ поколѣній, которыя не съ брезгливой враждой и подозрительностью отнеслись къ своимъ юнымъ дщерямъ, а, напротивъ, съ любовью благословили ихъ на новую жизнь и новый трудъ, простивъ ихъ увлеченія, въ коихъ повинны не только онѣ сами, увлекшіяся, но и поколѣнія старшія, не умѣвшія во-время предостеречь и направить своихъ питомцевъ.

Отъ представительницъ стараго поколѣнія переходимъ къ воспитаннымъ ими женщинамъ.

Софья Николаевна Бѣловодова — совершенный образецъ комильфотности. Ни одного рѣзкаго, ненужнаго движенія, ни одного скучнаго, утомленнаго взгляда, неосторожнаго или порывистаго слова не подмѣтилъ въ ней Райскій. Это не было преднамѣренное, искусственное спокойствіе, это было естественное слѣдствіе воспитанія, заморозившаго навсегда сердце великосвѣтской красавицы. Весь кодексъ ея нравственныхъ принциповъ сводился къ одному: не выходить изъ правилъ, — вотъ, кажется, и все. Она не только не знаетъ другой жизни, кромѣ той, которой живетъ она и жили ея предки, но ей не надо этого. „Я не знаю этихъ людей, — говоритъ она распинающемуся передъ ней Райскому, — я не понимаю ихъ жизни, мнѣ нѣтъ дѣла до нихъ; у меня все есть, мнѣ ничего не надо“. Когда Райскій говоритъ ей о деревни, рабочихъ бабахъ и ползающихъ на жнивѣ ребятишкахъ, она какъ будто чувствуетъ что-то неладное въ своемъ незнаніи всего этого; оправдывается, что ничего подобнаго не слыхала никогда отъ тетушекъ, ни отъ мужа, ни отъ управляющаго, привозившаго ей тысячи, хочетъ даже когда-нибудь провести лѣто въ деревнѣ, и прежде всего не велѣть пускать ребятишекъ ползать съ собаками, а *этихъ* (беременныхъ) бабъ не посылать на работы. „Наконецъ, — говоритъ она, — я не буду брать своихъ карманныхъ денегъ“; но когда Райскій настойчиво пристаетъ къ ней, рисуя картины бѣдности, она нетерпѣливо останавливаетъ его словами: „C'est assez, cousin, возьмите деньги и дайте туда“. Даже

самый важный фактъ въ жизни женщины — замужество. для нея — явленіе совсѣмъ обыденное, совершающееся по разъ опредѣленному шаблону. На вопросъ Райскаго, какъ она вышла замужъ, она отвѣчаетъ: „Просто, какъ всѣ дѣлаютъ: Поль сдѣлалъ предложеніе черезъ княгиню, та сказала maman, maman теткамъ, позвали родныхъ, объявили papa. — А вы когда узнали? — Въ тотъ же день, разумѣется. Какой вопросъ! Не думаете ли вы, что меня принуждали?“ И замужемъ она была счастлива. Мужъ исполнялъ всѣ ея желанія, даже капризы; жили въ Парижѣ, она блистала при дворѣ, принимала, выѣзжала. — „Да, я была счастлива! — говоритъ Бѣловодова съ убѣжденіемъ, — и уже такъ счастлива я не буду“! Авторитетъ тетокъ тяготѣетъ надъ нею всю жизнь, — не деспотическій, изъ-подъ котораго она, можетъ-быть, старалась бы выбиться, а, по ея мнѣнію, *законный*. — „Какъ же безъ тетушекъ?“ — говоритъ она Райскому. Графа Милари она принимаетъ потому, что papa и mes tantes его принимаютъ. Онъ вездѣ принятъ, очень скроменъ, деликатенъ, прекрасно воспитанъ. Но и съ этимъ деликатнымъ, прекрасно воспитаннымъ, она не могла завязать болѣе близкаго знакомства... Натура совсѣмъ обыкновенная, не выдающаяся умомъ, блещущая красотой статуи, она вполнѣ подчинялась окружающему; какъ статуя же, отлилась она въ неподвижныя формы и, недоступная ничему живому, не могла откликнуться ни на какой призывъ къ участію въ общечеловѣческой жизни.

Яркій контрастъ съ сентиментальной, отталкивающей эгоисткой, Тафаевой, и „мраморной красавицей“ Бѣловодовой, представляютъ два высоко симпатичные образа совсѣмъ уже непосредственныхъ, нетронутыхъ условными приличіями, натуръ: Наташа и вдова Пшеницына.

Кроткая, ласковая, полная беззавѣтной любви, ни на что не претендующая, эта милая дѣвушка, Наташа, носящая въ себѣ родовой разрушительный недугъ чахотки, инстинктивно видитъ въ Райскомъ что-то высшее, поэтическое. Она полюбила его „не страстью, а какою-то, ничѣмъ не возмутимою, ничего не боящеюся, любовью, безъ слезъ, безъ страданій, безъ жертвъ, потому что и не понимала, что такое жертва; не понимала, какъ можно полюбить, и опять не полюбить. Для нея любить значило дышать, жить, не лю-

бить — перестать дышать и жить". Для Наташи нѣтъ никакихъ требованій, никакихъ желаній. Цѣлыхъ два года неослабно тянется, до самой ея смерти, это безкорыстная любовь, съ рѣдкими радостями и частыми горестями. Наташа не требовала отъ друга не только его постояннаго присутствія около себя, но покорно смотрѣла на его долгія и частыя отлучки; не упрекая и слезами, а той же улыбкой, тихимъ свѣтомъ глазъ, шопотомъ нѣжной и кроткой любви", встрѣчала его послѣ мѣсяца разлуки. „Она и не подозрѣвала, что можно сердиться, плакать, ревновать, желать, даже требовать чего-нибудь именемъ своихъ правъ. У ней было одно желаніе и право — любить; онъ же, въ своихъ поискахъ за бурными страстями, забывалъ, что однимъ только сердцемъ жила его бѣдная Наташа. Не умѣя даже оградить себя отъ грубыхъ выходокъ и обидъ окружающихъ, она покорно принимала ихъ, плача и страдая про себя, въ глубокой вѣрѣ въ крѣпко засѣвшее убѣжденіе — *такъ надо*. Ей и въ голову не приходило, что въ жизни можно искать еще чего-нибудь, кромѣ любви. „Она никогда не искала смысла той апатіи, скуки и молчанія, съ которыми другъ ея иногда смотрѣлъ на нее; не догадывалась объ отжившей любви, и не поняла бы никогда причинъ". А причина была проста: не было и въ этой святой любви никакого разумнаго содержанія, а одна голубиная кротость и чистота Наташи не удержали подлѣ нея Райскаго. И черезъ два года, подавленная, частію, наслѣдственнымъ недугомъ, частію, всѣми этими *такъ надо*, она тихо скончалась на рукахъ своего друга. „Она голубь, а не женщина — говоритъ про нее Райскій. — Это былъ чистый свѣтлый образъ, какъ Перуджиніевская фигура, простодушно и безсознательно жившій и любившій, съ любовью пришедшій въ жизнь и съ любовью отходящій отъ нея, съ кроткой и тихой молитвой". Гончаровъ, черезчуръ строго относящійся къ своему творчеству, напрасно считаетъ этотъ образъ *блѣднымъ*. Свѣтлымъ огонькомъ, ласково грѣющимъ читателя, блещетъ онъ среди всѣхъ другихъ, болѣе яркихъ, созданій, и, какъ намъ кажется, если бы не фигурирующій въ романѣ, а *настоящій живой*, романтикъ Райскій, сумѣлъ на нѣсколькихъ страницахъ создать такой удивительный эпизодъ, то онъ, этотъ Райскій, не былъ бы той ничтожностью, какой онъ является въ *Обрывѣ*, а, справедливо увѣровавъ

въ свой талантъ, сталъ бы великимъ писателемъ, подобно самому Гончарову.

Другой примѣръ беззавѣтной, глубокой, забывающей о себѣ, любви — Агаѳья Матвѣевна Пшеницына. Наташа образованнѣе, развитѣе ея: читаетъ книги, и даже дѣлаетъ на нихъ помѣтки; Агаѳья Матвѣевна, на предложеніе Обломова почитать, „медленно шевеля губами, прочла про себя заглавіе и возвратила книгу, сказавъ, что ужо, когда придутъ святки, заставитъ Ваню почитать вслухъ, а теперь некогда“. Наташа во время своей короткой любви страдала; къ Пшеницыной судьба была благосклоннѣе: послала ей не требовательнаго мечтателя, Райскаго, а добродушнаго Илью Ильича, котораго она могла кормить, обшивать, лелѣять. Эти заботы внесли смыслъ и содержаніе въ ея маленькую жизнь и дали нѣсколько лѣтъ такого полнаго счастія, о какомъ ей никогда и во снѣ не снилось. „Ничье обожаніе (даже считая тутъ и чувства Ольги въ лучшую пору ея увлеченія), — говоритъ Дружининъ, — не трогаетъ насъ такъ, какъ любовь Агаѳьи Матвѣевны къ Обломову, — той самой Агаѳьи Матвѣевны Пшеницыной, которая съ перваго своего появленія въ романѣ показалась намъ злымъ ангеломъ Ильи Ильича, и увы! — дѣйствительно сдѣлалось его злымъ ангеломъ“. „Тихая, преданная, всякую минуту готовая умереть за своего друга, *барина*, она дѣйствительно загубила его въ конецъ, навалила гробовой камень надъ всѣми его стремленіями, вернула его въ зіяющую пучину на мигъ оставленной обломовщины: но этой женщинѣ все будетъ прощено, за то, что она много любила“. Говоря о послѣднемъ появленіи ея въ романѣ, уже послѣ смерти Обломова, критикъ справедливо замѣчаетъ, что это „такія строки, отъ которыхъ сердце разрывается, слезы льются на книгу, и душа зоркаго читателя улетаетъ въ область высочайшей поэзіи“.

Къ той же группѣ симпатичныхъ непосредственныхъ натуръ относится и прелестный образъ Марѳеньки. Проживая, по выходѣ изъ пансіона, вплоть до замужества, безвыѣздно въ деревнѣ, никогда, ни на минуту, не выходя изъ повиновенія бабушкѣ, она сохранилась чистымъ наивнымъ ребенкомъ, котораго не коснулись ни одна серіозная мысль, ни малѣйшій вопросъ, а тѣмъ болѣе анализъ своей или окружающей жизни. „Вотъ она кто, — говоритъ про Марѳеньку Вѣра Викентьеву, указывая на бабочку, кружившуюся около

цвѣтка, — троньте неосторожно, цвѣтъ крыльевъ пропадетъ, пожалуй, и совсѣмъ крыло оборвете. Смотрите же, балуйте, любите, ласкайте ее, но Боже сохрани, огорчить!" Всегда веселая и довольная, Мареенька вся ушла въ хозяйство, въ уходъ за цвѣтами и птицами; любитъ возиться съ крестьянскими ребятишками, креститъ въ деревнѣ, выпрашивая у бабушки бабамъ холста; распѣваетъ, какъ птичка, пѣсни, а когда соскучится, то и читаетъ, но только такіе романы, гдѣ дѣло кончается свадьбой; также любитъ перечитывать Гулливеровы путешествія, Кота Мура, Пѣсочнаго человѣка, Братьевъ Серапіоновъ. Козловъ давалъ ей читать и серіозныя книги, напр. Les martyres, Шатобріана. — Мишле, Гиббона; но она нашла, что все это слишкомъ для нея *высоко и величественно*, и что „исторію нужно читать только учителямъ, чтобы учить" — и всякое серіозное чтеніе бросила. Она считаетъ невозможнымъ полюбить безъ спроса бабушки, и узнавъ, совсѣмъ для себя неожиданно, что какъ-то невзначай полюбила Викентьева, въ ужасѣ забирается ночью на постель къ бабушкѣ каяться въ великомъ грѣхѣ. Самый бракъ этого ребенка напоминаетъ дѣтскую игру. — „Боялась я, — говоритъ бабушка про жениха съ невѣстой, — что молоды оба ужъ очень, а какъ погляжу на нихъ да подумаю, такъ вижу, что они никогда старше и не будутъ". — Съ тобой, — обращается она къ жениху, — а не съ другимъ, Мареенька только и могла слушать соловья", — и, боясь, чтобы внучка „не наглядѣлась на всякое новое распутство" въ столицѣ или за границей, и не испортилась, настаиваетъ, чтобы молодые жили въ деревнѣ. Не измѣнилась Мареенька и послѣ помолвки, — развѣ только сдѣлалась какъ будто посдержаннѣе, и уже не скакала, какъ коза. „Поэзія чистая, свѣжая, природная, всѣмъ ясная и открытая, билась живымъ родникомъ въ здоровьи этихъ взрослыхъ ребятишекъ, въ ихъ молодости, открытыхъ, неиспорченныхъ сердцахъ. Ихъ не манила къ себѣ даль; у нихъ не было никакого тумана, никакихъ гаданій. Перспектива была ясна, проста и обоимъ имъ одинаково открыта. Горизонтъ наблюденій и чувствъ ихъ былъ тѣсенъ". Подобный характеръ, какъ Мареенька, могъ образоваться и сохраниться такимъ частымъ и непосредственнымъ только въ далекой Малиновкѣ, подъ неусыпнымъ присмотромъ и руководствомъ бабушки, такъ что авторъ,

желая сдѣлать ее, по-своему, счастливой, поступилъ очень хорошо, выдавъ ее замужъ именно за Викентьева.

На рубежѣ между довольными своея судьбой или, такъ или иначе, примирившимися съ нею, и женщинами, стремящимися впередъ — изъвѣдать невѣдомую, манящую къ себѣ, даль жизни, стоитъ жена Петра Ивановича Адуева, Елизавета Александровна. Вышла она замужъ почти дѣвочкой, безъ запросовъ отъ семейной жизни, — вышла потому, что посватался женихъ, приличный, съ положеніемъ на службѣ и въ обществѣ, не старый, съ репутаціей человѣка вполнѣ порядочнаго. О любви не было и рѣчи. Вскорѣ послѣ знакомства, онъ заговорилъ о свадьбѣ, какъ бы давая знать, что любовь тутъ сама собою разумѣется, и что толковать о ней много нечего. Онъ окружилъ жену комфортомъ, — даже роскошью, исполнялъ малѣйшія ея желанія, пригласилъ въ домъ людей, которые ей нравились, — словомъ, всѣ наружныя условія счастія, за которымъ гоняется толпа, исполнялись надъ ней, какъ по заданной программѣ, и все избавляло ее отъ мелкихъ и горькихъ заботъ, сушащихъ сердце и грудь бѣдняковъ. Чего бы, кажется, ей желать, и многія, на ея мѣстѣ, вполнѣ были бы счастливы! Но Елизавета Александровна не удовольствовалась ролью хозяйки и жены въ самомъ прозаическомъ смыслѣ этихъ словъ и искала въ отношеніяхъ къ себѣ мужа любви и ласки, а мужъ, не любя искреннихъ проявленій сердца, не вѣрилъ этой потребности и въ женѣ. Поклоняясь однѣмъ цѣлямъ положительнымъ, онъ требовалъ, чтобы и жена жила не какою-то, по его мнѣнію, мечтательною жизнью. Совсѣмъ упустивъ изъ виду, что у Елизаветы Александровны не было ни картъ, ни службы, ни завода, ни пирушекъ съ пріятелями, — словомъ, ничего такого, что наполняло *его* жизнь, ни, наконецъ, дѣтей, — онъ создалъ для нея тюрьму, изъ которой не было выхода. Подробно развивая Александру, въ видѣ утѣшенія, теорію женитьбы и супружеской жизни, Петръ Ивановичъ говоритъ: „чтобы быть счастливымъ съ женщиной разумно, надо много условій... Надо умѣть образовать изъ дѣвушки женщину по обдуманному плану, — по методѣ, если хочешь, чтобъ она поняла и исполнила свое назначеніе; надо очертить ее магическимъ кругомъ, не очень тѣсно, чтобы она не замѣтила границъ и не переступила ихъ, хитро овладѣть не только

ея сердцемъ, — это что — это — скользкое и непрочное обладаніе, — а умомъ, волей, подчинить ея вкусъ и нравъ своему, чтобы она смотрѣла на вещи чрезъ тебя, думала твоимъ умомъ". И все это, по мнѣнію дядюшки, нужно сдѣлать такъ, чтобы жена отнюдь не чувствовала себя рабой, не измѣняя ни въ чемъ женскаго характера и достоинства. Слѣдуетъ только предоставить ей свободу дѣйствій въ ея сферѣ, но „пусть за каждымъ ея движеніемъ, вздохомъ, поступкомъ, наблюдаетъ проницательный умъ мужчины, чтобы каждое мгновенное волненіе, вспышка, зародышъ чувства, всегда и всюду встрѣчали снаружи равнодушный, но недремлющій глазъ мужа". Слѣдуетъ учредить надъ женой постоянный контроль безъ всякой тираніи, и тогда только можно вести ее желаемымъ путемъ. Но даже и по мнѣнію этого практическаго, несомнѣвающагося, философа, такой путь не легокъ. „Учись, Александръ, — замѣчаетъ онъ, когда его теоріи подслушиваетъ супруга, — а лучше не женись, или возьми дуру: тебѣ не сладить съ умной женщиной: — мудрена школа".

И вотъ, очерченная магическимъ кругомъ супружеской заботливости, Елизавета Александровна, не находя возможнымъ изъ него вырваться или, по крайней мѣрѣ, примириться съ той ролью, которую назначалъ ей мужъ, страдаетъ втихомолку, одна, не показывая своихъ слезъ никому. „Ей вмѣнили бы въ преступленіе эти невидимыя, неосязаемыя, безыменныя страданія, безъ ранъ, безъ крови, прикрытыя не лохмотьями, а бархатомъ". Она готова на всякія страданія, лишь бы только *жить полною жизнію, лишь бы чувствовать свое существованіе, а не прозябать.* Этимъ состояніемъ духа, ищущаго хоть чѣмъ-нибудь наполнить пустую жизнь, и объясняется, до нѣкоторой степени, то особенное участіе, которое принимаетъ Елизавета Александровна въ приторныхъ изліяніяхъ племянника, хотя въ этомъ участіи не малую роль играетъ и, вообще, наклонность женщинъ къ утѣшенію страждущихъ, и нѣкоторое сходство съ положеніемъ племянника ея собственной судьбы. Теорія Петра Ивановича принесла плоды, но не такіе, какихъ онъ самонадѣянно ожидалъ: онъ-то самъ съ своей теоріей цѣлыхъ десять лѣтъ былъ счастливъ вполнѣ, но любящая натура жены не выдержала глухого, пассивнаго протеста его без-

сердечію, и, угасая мало-по-малу, Елизавета Александровна изъ цвѣтущей, полной силъ, дѣвушки обратилась въ блѣдную, вялую, ко всему равнодушную, не имѣющую уже ровно никакихъ желаній, женщину. Спохватившись, Петръ Ивановичъ предоставляетъ ей полную свободу: но уже поздно. „Зачѣмъ мнѣ свобода, — говоритъ она: — что я съ ней стану дѣлать? Ты до сихъ поръ такъ хорошо, такъ умно, распоряжался и мной и собой, что я отвыкла отъ своей воли“. Авторъ обрываетъ романъ на великолѣпной сценѣ между супругами. Дядюшка готовъ бросить службу и заводъ и ѣхать съ женой въ Италію; но намъ нѣтъ надобности знать, привелъ ли онъ свое рѣшеніе въ исполненіе: жизнь бѣдной женщины сломана окончательно, и никакія цѣлебныя воды, никакой воздухъ не возстановитъ ея силъ. Этотъ трогательный, цѣльный образъ — одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ образовъ гончаровскихъ женщинъ.

Если Елизавета Александровна угасаетъ отъ недостатка свободы, Наденька, наоборотъ, дѣлаетъ, что̀ вздумается, и любитъ, кого хочетъ. Она, по выраженію автора, уже не безусловно покорная дочь своей матери, которая смутно чувствуетъ, что уступаетъ ей во всемъ. Наденька сама, безъ спросу, полюбила Адуева, считая за собою право распоряжаться по-своему своимъ внутреннимъ міромъ и самимъ Александромъ, которымъ, хорошо его изучивъ, овладѣла и командуетъ. Но это командованіе не удовлетворяетъ ея, и, смутно понимая ничтожность этого юноши, она начинаетъ скучать, видя, что онъ совсѣмъ не то, чего бы ей хотѣлось. Его стишки, вздохи, нѣжности, мечты о жизни вдвоемъ, вдали отъ людей, только для себя, въ узкой сферѣ уединенной отъ міра семьи, для нея недостаточны, а чего именно нехватаетъ Александру, чтобы продолжать нравиться, она не знаетъ, какъ и вообще дѣвушка того времени и быта „не имѣла ровно никакого понятія ни о какихъ идеалахъ мужского достоинства, силы, и какой силы“. Александръ просто не далъ ей никакого содержанія и надоѣлъ пустяками и узенькимъ эгоизмомъ. И вотъ, совершенно естественно, она переноситъ свою привязанность на блестящаго, остроумнаго и талантливаго графа, хотя тоже пустого, неспособнаго ни къ какому серіозному дѣлу, но все же на человѣка болѣе живого, чѣмъ Адуевъ.

Ольга Ильинская — дѣвушка умная, гордая, самолюбивая. Самолюбіе — рычагъ всей ея жизни. Она „плакала бы и не уснула ночь, если бъ Обломовъ не похвалилъ ея пѣнія". Это самолюбіе уязвлено, когда Обломовъ, послѣ невольно сорвавшагося съ языка слова любви, говоритъ, будто это неправда. Гордость мѣшаетъ ей, почти еще дѣвочкѣ, спрашивать Штольца о предметахъ, ее интересующихъ, но недостаточно ей понятныхъ. Передъ объясненіемъ Штольцу за границей мотивовъ любви къ Обломову, она сомнѣвается, опасаясь показаться такой *мелкой, ничтожной, слабой*. Когда ее, уже жену Штольца, одолѣваютъ сомнѣнія, она не сразу рѣшается повѣрить ихъ мужу... „Какъ? она, его кумиръ, безъ сердца, съ черствымъ, ничѣмъ недовольнымъ, умомъ? Что же изъ нея выйдетъ? Неужели синій чулокъ? Какъ *она падетъ*, когда откроются передъ нимъ эти новыя, небывалыя, но, конечно, извѣстныя ему страданія!"

Ольга, какъ и Наденька, — барышня: хозяйствомъ не занимается, вышиваетъ по канвѣ, ѣздитъ съ теткой по магазинамъ, въ спектакли, принимаетъ гостей и выѣзжаетъ сама; жизнь знаетъ только со стороны свѣтлой. Есть у нея имѣніе, которымъ управляетъ какой-то, совсѣмъ чуждый ей, старый другъ тетки, баронъ Лангвагенъ; она не интересуется, откуда и какъ достаются деньги на ея прихоти; заставляетъ Обломова брать кресла въ оперѣ, не справляясь о томъ, есть ли у него на это средства. Въ дѣла любимаго человѣка не входитъ вовсе. „Я не знаю, какія у васъ тамъ дѣла — постройки, что ли? Штольцъ просилъ написать, потому я и спросила"...

Жизнь Ольги, конечно, содержательнѣе жизни Елизаветы Александровны и Наденьки, — интересовъ у нея больше. Она любитъ музыку, какъ искусство, знаетъ въ ней толкъ и находитъ наслажденіе; прекрасно поетъ, и не потому, что на пѣніе мода, а какъ артистка; читаетъ книги, газеты, слѣдитъ за иностранной литературой; ей хочется все знать, все понимать; съ горечью восклицаетъ она: „зачѣмъ насъ, женщинъ, не учатъ?..." Умъ ея требуетъ постоянной пищи; упорно, назойливо, добивается она отвѣтовъ на интересующіе ея вопросы и у Обломова и у Штольца. Проводя время въ Парижѣ, въ Швейцаріи, она старается обогатить свой пытливый умъ познаніями по всѣмъ родамъ наукъ и искусствъ,

и все читаетъ, и читаетъ, такъ что не только бѣдный Илья Ильичъ, даже самъ любознательный Штольцъ не успѣваютъ прочитать всѣхъ книгъ, по которымъ нужно дать отвѣты на вопросы и недоумѣнія барышни.

Но одно чтеніе книгъ не даетъ Ольгѣ прочныхъ нравственныхъ устоевъ; одна головная, разсудочная работа не объясняетъ жизни. Въ тяжелыя минуты, когда настоятельно необходимо рѣшить вопросъ о любви къ Обломову, ей приходитъ въ голову соображеніе, какъ бы въ данномъ случаѣ поступила Сонечка, — и Ольга, въ концѣ концовъ, говоритъ, что любить его — не *судьба*. А почувствовавъ, что любитъ Штольца, она недоумѣваетъ, какъ отнестись къ прежней привязанности, и даже опасается, не безнравственно ли любить во второй разъ, такъ какъ еще слишкомъ крѣпки въ памяти авторитетъ и тетокъ и всѣхъ старыхъ дѣвъ, разныхъ умницъ, даже писателей — *мыслителей о любви*. Наконецъ, тѣ же Сонечки всѣ, въ одинъ голосъ, твердили, что женщина истинно любитъ только однажды. Распространяется она и о цѣли жизни; но, несмотря на всѣ прочитанныя книги, эта цѣль для нея очень неясна, что видно и изъ ея неопредѣленнаго недовольства жизнью со Штольцемъ. Сама любовь, которая, повидимому, для нея дороже всего, въ ея глазахъ представляется то *долгомъ, обязанностью*, то *какимъ-то праздникомъ*, — словомъ, она и сама не знаетъ, чего хочетъ, въ чемъ откровенно и признается Обломову и Штольцу.

Въ двадцать лѣтъ она встрѣчается съ Обломовымъ. Штольцъ задаетъ ей задачу будить товарища, не давать ему спать. Ей сначала льститъ роль спасительницы. „Она мигомъ взвѣсила свою власть надъ нимъ; ей нравилась эта роль путеводной звѣзды, луча свѣта, который она разольетъ надъ стоячимъ озеромъ, и отразится въ немъ, — и она разнообразно торжествовала свое первенство въ этомъ поединкѣ“. Вотъ источникъ этой не непосредственной, сердечной, любви, но *головной, разсудочной*, какъ и позднѣйшая любовь къ Штольцу, поражавшему ее всегда именно *своимъ умомъ*.

Но вотъ, вмѣсто Обломова, съ которымъ бы она, по собственному признанію, зачахла, является Штольцъ, раскрывающій передъ ней новыя перспективы иной, болѣе подходящей къ ней, жизни, и она смѣло даетъ ему согласіе на бракъ. Начинается снова педагогія: сперва она училась-было

одна, но, за отъѣздомъ Штольца, не довоспиталась, и вотъ теперь, образованный, испытанный въ горнилѣ опыта коммерсантъ принимается довоспитывать Ольгу, постепенно умѣряя и укладывая ея юношеские порывы въ опредѣленные размѣры: принимается прерывать „лихорадку молодости", „бороться съ живостію ея натуры, давать плавное теченіе жизни". Шли годы, и мало-по-малу улеглись порывы, и наступила тишина полная, среди комфорта, и даже богатства. „Ольга довоспиталась уже до строгаго пониманія жизни", и въ семьѣ любящихъ супруговъ царствовала полная гармонія. Но Штольцу но удалось наполнить всей бездны ея души, *и она не успокоилась* на одномъ пониманіи дѣйствительности и узнаніи всякихъ, даже не женскихъ, наукъ, — философіи, соціологіи, политической экономіи. Штольцъ, какъ ни погружалъ жену не только въ науку, но даже и въ свои собственныя коммерческія и заводскія дѣла, упустилъ изъ виду, что все, что̀ занимало его самого, онъ могъ лично приложить къ дѣлу, а она оставалась только съ однимъ знаніемъ да пониманіемъ, безо всякой практической, самостоятельной, дѣятельности. Такимъ образомъ, эта жизнь, при всей своей прелести и содержательности, въ концѣ концовъ, стала тяготить Ольгу: опять явились неопредѣленные запросы, все такъ же для нея самой неясные; она стала скучать, пробовала развлекаться въ обществѣ; но свѣтскія удовольствія, какъ и одни умные разговоры, не удовлетворяли ея; по цѣлымъ днямъ пробуетъ она возиться съ дѣтьми, и, наконецъ, открывается мужу. Но тотъ объясняетъ этотъ недугъ, какъ и Петръ Ивановичъ, нервами да еще какимъ-то „міровымъ недугомъ, общимъ для всего человѣчества, брызнувшимъ на нее одной каплей". „Мы не титаны, — говоритъ онъ, — мы не пойдемъ съ Манфредами и Фаустами на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами; не примемъ ихъ вызова, склонимъ голову и смиренно переживемъ трудную минуту.... Неужели туманъ, грусть, какія-то сомнѣнія, вопросы, могутъ лишить насъ нашего блага? Вотъ, если придутъ, напр., болѣзни, потеря состоянія и, какъ слѣдствіе этого, необходимость труда, тогда поневолѣ придется задуматься, а теперь надо беречь силы и всѣ вопросы оставить".

Съ особенной любовью обрисована Гончаровымъ Вѣра — типъ *новой* русской женщины, развившейся подъ непосред-

ственными вѣяніями новыхъ идей, которыя она не только пассивно восприняла, но и попробовала приложить къ жизни, съ какимъ бы рискомъ проба ни была сопряжена. Это — уже не бѣломраморная Софья Николаевна Бѣловодова, недоступная никакимъ идеямъ и вліяніямъ; не хрупкая, нѣжная, Елизавета Александровна, увядающая, какъ цвѣтокъ, отъ недостатка тепла; не Ольга, наконецъ, очень много думающая о себѣ самой, сначала ищущая опоры въ Обломовѣ, а потомъ опирающаяся на Штольца, который въ романѣ все-таки остается для нея авторитетомъ. Вѣра, какъ характеръ, гораздо сложнѣе и глубже ихъ всѣхъ, и невольно увлекаетъ читателя, какъ и самого автора, граціей, сердечностью, здравымъ смысломъ и даровитостью натуры. Она серіознѣе ихъ всѣхъ, способна къ широкому умственному развитію и ищетъ въ чтеніи не только пополненія празднаго досуга или удовлетворенія самолюбія. Книга для нея только средство, но не цѣль, — и не ея вина, что вокругъ нея, при всемъ обиліи серіознаго чтенія, нѣтъ никого, кто бы могъ въ немъ поруководить ею, систематизировать, ярко отдѣлить правду отъ лжи, вѣрное, положительное, отъ гипотезъ и утопій. Все это тѣмъ для нея необходимѣе, что ни пансіонъ, ни семья, ни общество не дали ей никакой солидной подготовки и правильнаго развитія, какія даются только систематическимъ образованіемъ и общеніемъ съ серіозно образованными людьми. Развиватели Вѣры, и Леонтій Козловъ, и священникъ, и Райскій, и Маркъ, слишкомъ мелки, теоретичны для такой роли. Предоставленная самой себѣ, Вѣра запутывается въ своихъ исканіяхъ правды, и, какъ героиня древней трагедіи, фатально влекомая силою неизбѣжнаго рока къ погибели, быстрыми шагами идетъ къ обрыву, повинуясь своей страстной натурѣ. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ въ романѣ Вѣру дѣвочкой, лѣтъ шести, въ первый пріѣздъ Райскаго въ Малиновку. Уже тогда проявляются въ ней задатки будущей самостоятельности: нежеланіе всегда и во всемъ подчиняться первому слову бабушки, подобно Марѳенькѣ, и любознательность. Она никогда не плачетъ изъ пустяковъ, а если и случится поплакать, то такъ, чтобы никто слезъ не видалъ; огорчатъ ее, она дѣлается молчаливой, потомъ заберется въ глушь сада, и непремѣнно наѣстся *вороняшки* — черной, приторной ягоды,

ѣсть которую бабушка строго запрещала, и ни за что не соглашается попросить прощенія, если сама кого-нибудь обидитъ. Дѣвочку интересуетъ таинственность стараго дома: она безъ страха обѣгаетъ его весь, показывая Райскому прекрасный видъ изъ оконъ, обращая его вниманіе на старинные портреты и книги; съ сосредоточеннымъ любопытствомъ, молча, слушаетъ его игру на фортепіано, и смотритъ, какъ онъ рисуетъ. Съ Вѣрой, уже взрослой дѣвушкой, авторъ, еще до ея появленія въ романѣ, знакомитъ изъ отзыва о ней разныхъ лицъ. Бабушка, въ письмѣ къ внучку, называетъ ее „дикой, нелюдимкой, доброй и умной, но ни во что не входящей". Старуха серіозно озабочена странностями внучки, и со вздохомъ замѣчаетъ: „Странная она такая, Богъ знаетъ, въ кого уродилась... Гордая, ни за что не приняла бы отъ тебя подарка, какъ Марѳенька". По словамъ Уленьки Козловой. Вѣра, „какъ домовой, сидитъ въ углу, слова отъ нея не добьешься". Марѳенька разсказываетъ Райскому, что сестра „не рисуетъ, не играетъ, не занимается рукодѣліями; читаетъ, но никогда не скажетъ — что, и книги не покажетъ, не скажетъ даже, откуда достала. Вѣрочкѣ все скучно: она часто груститъ, сидитъ какъ каменная, все ей будто чужое здѣсь. Ей бы надо куда-нибудь уѣхать: она не здѣшняя. Она не боится, а даже любитъ ходить въ обрывъ, въ глухую, заброшенную бесѣдку". Заинтересованный этими разсказами, Райскій, еще до пріѣзда Вѣры, посѣщаетъ ея комнату въ старомъ домѣ, въ надеждѣ по обстановкѣ составить хоть какое-нибудь понятіе объ интересной кузинѣ, но жестоко разочаровывается. Комната ничѣмъ, кромѣ суровой простоты, особеннымъ не отличается: ни картинъ, ни книгъ, ни работы, ни даже клочка бумаги, словомъ, никакой мелочи, которая дала бы хотя малѣйшее указаніе на вкусы обитательницы. Искусно заинтересовавъ читателя Вѣрой, авторъ выводитъ, наконецъ, ее самое. Съ первой же встрѣчи Райскій наталкивается на нежеланіе вступать въ длинные, душевные, какъ ему хочется, разговоры, на которые онъ не имѣетъ пока никакого права. При первой же попыткѣ ознакомиться съ тѣмъ, что она читаетъ, Вѣра преспокойно беретъ книгу и прячетъ въ шкапъ. Наивный братецъ хочетъ подарить ей старый домъ, — она предлагаетъ ему деньги, свои пятьдесятъ ты-

сячъ, только бы не разставаться съ любимымъ уголкомъ: когда же Райскій отъ денегъ отказывается, — принимаетъ подарокъ совершенно равнодушно. „Она тайна, она нерданіе, — витіевато думаетъ романтикъ, — какъ ночь, она полна мглы и искръ, прелести и чудесъ“. Эту-то тайну старается онъ разгадать, и берется за дѣло такъ неловко, что отталкиваетъ отъ себя Вѣру. Его допросы о томъ, что она читаетъ, что любитъ, вызываютъ съ ея стороны лишь односложные отвѣты, показывающіе Райскому, что она вовсе не намѣрена пускать брата въ свой замкнутый внутренній міръ, не имѣя ни малѣйшаго желанія дѣлиться съ чуждымъ ей человѣкомъ мыслями и впечатлѣніями. Не добившись не только согласія, но даже отвѣта на предложеніе читать и учиться вмѣстѣ, Райскій приходитъ къ заключенію, что Вѣру учить не зачѣмъ и нечему. „Она или все знаетъ, или не хочетъ ничего знать“, — думаетъ онъ, — и задаетъ себѣ вопросъ: „Кто она, что она? Лукавая кокетка, тонкая актриса, или глубокая женская натура, — одна изъ тѣхъ, которыя по волѣ своей играютъ жизнью человѣка, топчутъ ее, заставляя влачить жалкое существованіе, или даютъ уже такое счастье, лучше, жарче, живѣе котораго не дается человѣку?“ Райскій не представляетъ для Вѣры никакого интереса; для нея совершенно все равно, тутъ ли онъ, нѣтъ ли; на искусство его она смотритъ равнодушно, а назойливые разспросы и желаніе сблизиться заставляютъ только глубже уйти въ свою раковину. Его комплименты и любовныя пошлости вызываютъ въ дѣвушкѣ негодованіе. Пытаясь опредѣлить Вѣру, Райскій называетъ ее „мудрой, сосредоченной, рѣшительной“; и дѣйствительно, она живетъ у бабушки совершенно самостоятельно, подчиняясь собственнымъ желаніямъ и вкусамъ, — живетъ въ старомъ домѣ, проводя время, большею частію, одна, и не любитъ, чтобы нарушали ея уединеніе; вечера не сидитъ со старухой, какъ Марѳенька, даже кофе пьетъ не всегда съ семьей. Бабушка, хоть и ворчитъ на внучку, называя ее привередницей, упрямицей, дикаркой; но не заставляетъ дѣлать по-своему, не зоветъ съ собой гулять, или кататься въ поле, зная, что Вѣра такихъ прогулокъ не любитъ, и все равно не пойдетъ. Отвоевавъ себѣ полную свободу, Вѣра очень дорожитъ послѣдней, ревниво оберегая отъ кузена какъ эту свободу, такъ и самостоятельность въ поступкахъ, и требуя у него отвѣта,

по какому праву онъ ее преслѣдуетъ, стараясь вызвать ея сокровенныя мысли. Отвѣчая на его разглагольствованія о дружбѣ, она говоритъ: „я знаю, что свободна, и никто не въ правѣ требовать отъ меня отчета. Я не боюсь никого, и если не буду свободна здѣсь, уѣду отсюда, какъ бы ни было тяжело разставаться съ любимыми мѣстами“. У Вѣры нѣтъ никакой опредѣленной дѣятельности: она то ровно ничего не дѣлаетъ, то нервно бросается на чтеніе, хватается за шитье, шьетъ и кроитъ по цѣлымъ днямъ, обнаруживая бездну вкуса и умѣнья, бываетъ мила и очаровательно любезна съ гостями, а когда это нервное возбужденіе пройдетъ, она снова спокойна, вяло и апатично отвѣчаетъ на вопросы. Путаясь въ опредѣленіи, что такое Вѣра, Райскій чуетъ, что кузина развилась не подъ здѣшними, деревенскими, вліяніями, а откуда-то повѣяло на нее новымъ духомъ. „Она не простодушный ребенокъ, не барышня; ей тѣсно и неловко въ этой устарѣвшей искусственной формѣ, въ которую такъ долго отливался складъ ума, нравъ, образованіе и все воспитаніе дѣвушки до замужества. Она чувствовала условную ложь этой формы и отдѣлилась отъ нея, добиваясь правды“. Въ ней именно много того, чего Райскій напрасно искалъ въ Наташѣ, въ Бѣловодовой: задатковъ самобытности, своеобразія ума, характера, всѣхъ тѣхъ силъ, изъ которыхъ должна сложиться самостоятельная, настоящая, женщина, и дать направленіе своей и чужой жизни, многимъ жизнямъ, освѣтить и согрѣть цѣлый кругъ, куда поставитъ ее судьба. Она пока еще младенецъ, но съ титанической силой, — надо только, чтобы эта сила правильно развилась и разумно направилась. Какъ именно эта дѣвушка развилась и выработала въ себѣ такой самостоятельный характеръ, мы не знаемъ. Гончаровъ, такъ подробно выясняя характеры мужчинъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ этого относительно Вѣры, которая, промелькнувъ передъ читателемъ дѣвочкой, вдругъ является во второй части романа личностью уже сложившейся. Можно, кажется, сказать одно, что все это безалаберное чтеніе разнообразныхъ верховъ науки и философіи, Спинозы, Вольтера, Фейербаха, Прудона, Гизо и др., обсужденіе ихъ твореній купно со священникомъ, наконецъ, прямолинейные парадоксы Марка, — все это, рядомъ съ патріархальной жизнью, по семейнымъ традиціямъ, должно было произвести въ головѣ юной пансіо-

нерки сумбуръ страшный. Какъ натура гордая, самостоятельная, она, выросши изъ круга бабушкиной опытности и морали, очень естественно, не могла быть съ бабушкой откровенна, къ Райскому отнеслась также недовѣрчиво, чему виною былъ онъ самъ, и зажила исключительно своимъ умомъ и своей волей, сдѣлавъ единственными повѣренными своей тайны попадью да дворовую женщину Марину. При такомъ исключительномъ душевномъ состояніи, Вѣрѣ до обрыва оставался одинъ шагъ, который она и сдѣлала, увлеченная страстью порывистой натуры. *Острогорскій.*

Бабушка Райскаго, представительница патріархальнаго быта, говоритъ языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовыя сентенціи старой мудрости, и весь наружный обрядъ жизни исполняется у нея по затверженнымъ правиламъ. Горизонтъ ея весьма ограниченъ; онъ „кончается съ одной стороны полями, а съ другой — Волгой и ея горами, съ третьей — городомъ, а съ четвертой — дорогой въ міръ, до котораго ей дѣла нѣтъ". Но зато, несмотря на старость, какое здоровье, какая крѣпость духа! „*Всякій день былъ для нея какъ будто новымъ, свѣжимъ цвѣткомъ, отъ котораго, назавтра она ожидала плодовъ*".

Мы теперь знаемъ правду, которая выше, чѣмъ бабушкина правда; но вѣдь жизнь бабушки находилась въ полной гармоніи съ признаннымъ ею идеаломъ, тогда какъ наша жизнь противорѣчитъ нашей вѣрѣ; вотъ почему существованіе бабушки кажется разумнымъ и прекраснымъ, а наша жизнь — ложной и негармоничной.

Огражденная преданіями, покорная традиціямъ, жизнь ихъ текла свѣтло и мирно въ глубокомъ, вѣковомъ руслѣ. Она ближе къ природѣ и потому здоровѣе и проще, чѣмъ наша жизнь. По крайней мѣрѣ къ такому выводу приходитъ Райскій, наблюдая помѣщичій бытъ въ имѣніи бабушки. „Здѣсь не было ни въ комъ, — замѣчаетъ авторъ, — претензіи казаться чѣмъ-нибудь другимъ, лучше, выше, умнѣе, нравственнѣе, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ оно было выше, нравственнѣе, нежели казалось, и едва ли умнѣе. *Тамъ, въ кучѣ людей съ развитыми понятіями, бьются изъ того, чтобы быть*

проще, и не умѣютъ; знать, не думая о томъ, всѣ просты, никто не лѣзъ изъ кожи подѣлаться подъ простоту".

Но вотъ, для иллюстраціи, маленькій уголокъ оборотной стороны медали: „Захаръ, какъ бывало нянька, натягиваетъ ему (т.-е. барину Обломову), чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему лежа то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддаетъ Захаркѣ ногой въ носъ". И все-таки,— признается Гончаровъ,— „мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома, что куда и какъ надолго бы я ни заѣхалъ, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногахъ, и никакіе океаны не смоютъ ея!" Великій писатель лучше и глубже сатирика чувствуетъ собственной совѣстью *ложь и безобразіе прошлаго*, но ненависть не ослѣпляетъ его: онъ видитъ и красоту и поэзію прошлаго.

Граціозный образъ Мареиньки — самое идеальное и нѣжное воплощеніе всего, что было хорошаго въ старой помѣщичьей жизни. Мареинька живетъ въ родной обстановкѣ такъ же привольно и радостно, какъ птица въ воздухѣ, рыба въ водѣ: ей ничего больше не надо. Это — полная счастливая гармонія съ окружающей природой, не нарушенная ни однимъ ложнымъ звукомъ. „Чего не знаешь,— съ наивностью признается Мареинька,— такъ и не хочется. Вотъ Вѣрочка, той все скучно, она часто грустить, сидитъ какъ каменная, все ей будто чужое здѣсь! Ей бы надо куда-нибудь уѣхать, она не здѣшняя. А я — ахъ, какъ мнѣ здѣсь хорошо: въ полѣ, съ цвѣтами, съ птицами, какъ дышится легко! Какъ весело, когда съѣдутся знакомые!... Нѣтъ, нѣтъ, *я здѣшняя, я вся вотъ изъ этого песочку, изъ этой травки!* не хочу никуда". Жизнь такъ прекрасна, что люди, несмотря на всѣ усилія, даже рабствомъ не могли ее испортить,— и сквозь „обломовщину", сквозь крѣпостное право пробивается она, чистая и вольная. Пусть Мареинька кажется намъ неразвитой, глупенькой дѣвочкой, пусть читаетъ только такіе романы, которые непремѣнно кончаются свадьбой, запираетъ лакомства въ особенный шкапикъ, потому что любитъ ихъ, какъ ребенокъ,— зато какой поэзіей, счастіемъ и добротой вѣетъ въ насъ отъ всего сердца. Всѣ новѣйшія прогрессивныя идеи Райскаго отскакиваютъ, не проникая въ нее. Но развѣ она не напоминаетъ того, что умнѣе всѣхъ

щей Райскаго — великую заповѣдь любви? „Она дѣвкамъ даетъ старыя платья... Къ слѣпому старику носитъ чего-нибудь лакомаго поѣсть или даетъ немного денегъ. Знаетъ всѣхъ бабъ, даже ребятишекъ по именамъ, послѣднимъ покупаетъ башмаки, шьетъ рубашонки". Она любитъ дѣтей, любитъ жизнь вокругъ себя. Ея нѣжная, женственная симпатія простирается еще дальше, за предѣлы человѣческаго міра, на всю природу, на цвѣты, деревья, животныхъ.

Мы люди большихъ городовъ, кочевой и суетной жизни, оторванные отъ природы, никогда не знавшіе патріархальнаго очага — едва ли можемъ себѣ представить всю силу этой первобытной, физической и вмѣстѣ съ тѣмъ сердечной любви къ родной землѣ. Мы похожи на цвѣты, перенесенные изъ лѣса въ комнату, лишенные корней, опущенные въ воду. Такія счастливыя и здоровыя натуры, какъ Марѳенька — это цвѣты, растущіе на волѣ, пустившіе глубоко корни въ родную землю.

Характеръ бабушки — одно изъ величайшихъ созданій Гончарова.

Несмотря на старость, въ ней столько же здоровья, счастія и бодрости, сколько въ Марѳенькѣ. „Видно, что ей живется крѣпко, хорошо, что она, если и борется, то не даетъ одолѣвать себя жизни, а сама одолѣваетъ жизнь и тратитъ силы въ этой борьбѣ скупо... Голосъ у ней не такъ звонокъ, какъ прежде, да ходитъ она теперь съ тростью, но не горбится, не жалуется на недуги. Такъ же, она безъ чепца, такъ же острижена коротко, и тотъ же, *блестящій здоровьемъ и добротой взглядъ, озаряетъ все лицо, не только лицо, всю фигуру*". Авторъ не думаетъ идеализировать бабушку: онъ не скрываетъ, что иногда она можетъ быть деспотомъ. Малѣйшее сомнѣніе въ законности крѣпостного права въ ея глазахъ — нелѣпость. „Просить бабушка не могла своихъ подчиненныхъ, это было не въ ея *феодальной* натурѣ. Человѣкъ, лакей, слуга, дѣвка — все это навсегда, несмотря ни на что, оставалось для нея человѣкомъ, лакеемъ, слугой и дѣвкой". „Различія между „людьми" и господами никогда и ничто не могло истребить. Она была въ мѣру строга, въ мѣру снисходительна, человѣколюбива, но все въ размѣрѣ барскихъ понятій". А кругъ этихъ феодальныхъ понятій весьма ограниченъ. „Борюшка, ты не огорчай бабушки, — упрашиваетъ

она племянника: — дай дожить ей до такой радости, чтобъ увидѣвъ тебя въ гвардейскомъ мундирѣ: молодцомъ пріѣзжал сюда... да женись на богатой". Но предразсудки и ограниченность поверхностны, это кора стараго могучаго дерева, подъ которой свѣжіе соки; вотъ почему такіе зеленые молодые весенніе листья на столѣтнемъ деревѣ.

Бабушка — одно изъ тѣхъ вѣковыхъ деревьевъ, которыя возвышаются надъ цѣлымъ лѣсомъ, открытыя всѣмъ вѣтрамъ и бурямъ, Мареенька — нѣжный цвѣтокъ, пріютившійся въ его тѣни. Дерево и цвѣтокъ оба потому такъ прекрасны, что пустили глубокіе корни въ родимую землю.

Мережковскій.

Новыя вѣянія русской жизни, черты которыхъ мы отмѣчали въ Обломовѣ находили себѣ доступъ во внутренній міръ не только мужского, но и женскаго поколѣнія дворянской среды. Чтеніе книгъ, разговоры непосредственное наблюденіе жизни — все это будило мысль наиболѣе чуткихъ натуръ женскаго общества, вызывало въ нихъ новыя, неясныя стремленія, заставляло понемногу отрѣшаться отъ установленныхъ традиціей взглядовъ, понятій и привычекъ жизни. Но если не сразу и не легко давалась мужскому поколѣнію эта ломка понятій, то еще труднѣе было совершиться ей въ умѣ и чувствѣ русской женщины, какъ потому, что ей менѣе были доступны новыя идеи и настроенія, такъ и, съ другой стороны, въ силу большого консерватизма женской натуры, вѣками выработавшейся склонности ея держаться установившихся и освященныхъ прошлымъ формъ жизни.

Оттого и первый созданный Гончаровымъ женскій типъ переходной эпохи — Ольга Ильинская въ „Обломовѣ" въ значительной мѣрѣ является продуктомъ окружающей ее среды и условій жизни. Но одновременно съ этимъ въ ней замѣчаются и другія начала, свидѣтельствующія о близкомъ поворотѣ на новую дорогу. Характеръ Ольги, какъ и вообще женскіе образы, разработанъ у Гончарова съ большой полнотой и художественной правдой. На ряду съ глубоко симпатичными индивидуальными свойствами, авторъ даетъ обильный матеріалъ для заключеній о томъ, какую форму приняли они подъ воздѣйствіемъ вліяній старой жизни. Мы не бу-

демъ однако останавливаться на этихъ сторонахъ личности Ольги, а посмотримъ, какъ отразились на ней только что зародившiеся въ обществѣ новые запросы.

Природная пытливость ума, подъ влiянiемъ благопрiятныхъ условiй, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ влiянiе „новаго человѣка" Штольца, переходитъ у Ольги въ настоящую жажду знанiя. „Зачѣмъ насъ, женщинъ, не учатъ?" съ горечью восклицаетъ она и всюду ищетъ отвѣтовъ на интересующiе ее вопросы. Она не даетъ покою Обломову и Штольцу, и даже этотъ послѣднiй не въ состоянiи одолѣть всѣхъ книгъ, при помощи которыхъ можно разрѣшить недоумѣнiя Ольги. Сдѣлавшись женой Штольца, она его „ревновала къ каждой непоказанной ей книгѣ, журнальной статьѣ, не шутя сердилась или оскорблялась, когда онъ не заблагоразсудитъ показать ей что-нибудь, по его мнѣнiю, слишкомъ серiозное, скучное, непонятное ей... и только тогда мирилась, когда онъ... раздѣлитъ съ нею свою мысль, знанiе или чтенiе".

Но одно прiобрѣтенiе знанiй отвлеченная, разсудочная работа не удовлетворяютъ Ольги. Она ищетъ живого дѣла, непосредственнаго примѣненiя къ жизни своихъ силъ.

Съ какой охотой и любовью берется она за перевоспитанiе Обломова. Вся исторiя ея любви къ нему есть не что иное, какъ результатъ вѣры въ „будущаго" Обломова, какимъ она хотѣла его сдѣлать. Но когда она увидѣла, что, несмотря на всѣ ея усилiя, Обломовъ не можетъ ей дать ничего, кромѣ погруженнаго въ апатiю и бездѣйствiе воркованiя вокругъ семейнаго очага, не укажетъ ей другого, болѣе содержательнаго пути жизни, она первая со страшной болью въ сердцѣ разорвала съ нимъ всякiя отношенiя. „Ты кротокъ, честенъ, Илья,—говоритъ она въ послѣднее свиданiе съ нимъ, — ты нѣженъ, какъ голубь... ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей. Да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще — а чего — не знаю!" И понявъ, что Обломову не научить ее, что не ему указать, чего ей недостаетъ и гдѣ найти удовлетворенiе въ жизни, она разстается съ нимъ.

Казалось бы, жизнь со Штольцемъ должна удовлетворить ее, ибо эта жизнь — идеалъ супружескихъ отношенiй, гдѣ мужъ и жена живутъ душа въ душу, но и она не даетъ

полнаго удовлетворенія Ольгѣ, несмотря на то, что мысль ея постоянно занята пріобрѣтеніемъ различнаго рода знаній и внимательно слѣдитъ за разнообразной практической дѣятельностью мужа, его коммерческими, заводскими и всякаго рода другими предпріятіями. Въ жизни ея въ самый разгаръ семейнаго счастья со Штольцемъ все чаще и чаще наступаютъ какія-то „задумчивыя остановки", смущеніе, возникаютъ въ головѣ смутные, туманные вопросы. „Куда же итти? Куда! Дальше нѣтъ дороги! Ужели нѣтъ?... Ужели тутъ все... все"... говорила сама съ собой Ольга и чего-то не договаривала. „Все тянетъ меня куда-то еще", признается, наконецъ, она Штольцу: „я дѣлаюсь ничѣмъ недовольна". Тотъ объясняетъ это, какъ отголосокъ общаго недуга человѣчества, одна капля котораго брызнула и на Ольгу; это, по его мнѣнію, „грусть души, вопрошающей жизнь о ея тайнѣ". Нужно смириться передъ нею, вооружиться твердостью и настойчиво итти своимъ путемъ. „Мы не титаны съ тобой, — успокаиваетъ онъ Ольгу, — мы не пойдемъ съ Манфредами и Фаустами на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами, не примемъ ихъ вызова, склонимъ головы и смиренно переживемъ трудную минуту, и опять потомъ улыбнется жизнь, счастье... Все это страшно, когда человѣкъ отрывается отъ жизни, когда нѣтъ опоры"... Но въ томъ-то и дѣло, что Штольцъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Ольга, при всей его кипучей дѣятельности, въ сущности, оторванъ отъ жизни, не знаетъ ея во всей полнотѣ, ибо онъ ничѣмъ не связанъ съ окружающимъ его обществомъ, чуждъ его радостей и печалей. Томленіе Ольги есть безсознательный призывъ живой, энергичной, гуманной натуры къ болѣе широкой жизни, къ труду не ради одной наживы, а дающему нравственное удовлетвореніе, устанавливающему духовную связь съ окружающимъ обществомъ, придающему высшій смыслъ существованію отдѣльной личности, словомъ, стремленіе къ общественной дѣятельности въ той или другой формѣ.

Такова эта пробуждающаяся русская женщина, родная сестра тургеневской Елены, сумѣвшая, несмотря не неблагопріятныя условія, благодаря чистотѣ своей натуры, опередить того, кто былъ главнымъ вдохновителемъ ея.

Александровскій.

Дореформенная помѣщичья жизнь и новые люди въ „Обрывѣ“.

Гончарову не пришлось порывать старинныя литературныя связи, когда онъ, въ свою очередь, выступилъ обличителемъ шестидесятниковъ въ своемъ романѣ „Обрывъ“. Правда, онъ всегда былъ предметомъ самаго нѣжнаго и довольно-таки непонятнаго сочувствія нашихъ либераловъ, встрѣтившихъ два первыхъ его романа единодушными похвалами. Но собственно ни къ какой партіи онъ не принадлежалъ, и за нимъ оставалось полное право говорить свободно. Зато его Маркъ Волоховъ, хоть и доставилъ ему нѣсколько довольно рѣзкихъ критикъ, все-таки не вызвалъ противъ Гончарова негодующаго взрыва. А между тѣмъ фигура Волохова подавала поводъ къ серіознымъ и заслуженнымъ нападкамъ. Она носитъ на себѣ явный слѣдъ раздвоенности, вызванный тѣмъ, что авторъ „Обрыва“ подвергнулъ ее передѣлкѣ и тѣмъ исказилъ ея первоначальный обликъ. Если мы вспомнимъ, что „Обрывъ“ былъ задуманъ Гончаровымъ, по собственному его признанію, уже подъ конецъ 40-хъ годовъ, для насъ станетъ несомнѣннымъ, что ни Маркъ ни, пожалуй, Вѣра не могли такими сложиться у него въ головѣ, какими вышли въ его романѣ. Ни передовыхъ барышень ни увлекательныхъ нигилистовъ въ концѣ 40-хъ годовъ не было. Но помимо этого чисто логическаго соображенія, самый романъ даетъ матеріалъ для подобнаго заключенія. Фигура Марка, какою она является передъ читателемъ, далеко не тождественна съ тою характеристикой, какую далъ Волохову Гончаровъ подъ конецъ „Обрыва“. Пока Маркъ дѣйствуетъ и говоритъ, передъ нимъ безшабашный сорвиголова, быть можетъ нахватавшійся кое-какихъ радикальныхъ теорій, но прежде всего буянъ по терпераменту, какихъ могло быть очень много и въ 40-хъ годахъ, хотя бы среди военной молодежи. Есть что-то ухарски залихватское въ поведеніи Волохова, въ его ухаживаніи за Вѣрой, въ его нахальномъ обращеніи съ Райскимъ что-то напоминающее какого-нибудь выключеннаго изъ полка гусарскаго корнета, несравненно болѣе, чѣмъ радикала 60-хъ годовъ.

Видно, тотъ Волоховъ, который зародился въ фантазіи Гончарова заодно съ сюжетомъ „Обрыва“, не вполнѣ успѣлъ преобразоваться подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній. Можетъ быть, оттого-то Гончаровъ и счелъ нужнымъ прикленть къ его фигурѣ длинный комментарій. Повторяю еще разъ, — Маркъ Волоховъ, какимъ онъ является въ романѣ, вовсе не типичный представитель шестидесятниковъ. Онъ, правда, не признаетъ началъ семьи и собственности, но второе изъ нихъ онъ нарушаетъ тѣмъ лишь, что занимаетъ чужія деньги и крадетъ чужія яблоки; а это до него дѣлали и другіе шелопаи, ничего общаго съ нигилизмомъ не имѣвшіе. Семейному началу онъ наноситъ ущербъ болѣе чувствительный, но соблазнять дѣвушекъ безъ намѣренія впослѣдствіи на нихъ жениться — опять таки далеко не спеціальность однихъ нигилистовъ. Зато комментарій автора, пристегнутый къ фигурѣ Марка, рисуетъ намъ заправскаго шестидесятника базаровскаго типа со всею его непримиримою злобою и съ революціонною страстностью въ придачу. И немудрено, что въ такой придачѣ оказалась надобность. Со времени появленія „Отцовъ и Дѣтей“ русское движеніе успѣло далеко уйти впередъ Базарова.

Какъ бы то ни было, нельзя не признать очень не убѣдительными тѣ объясненія, какія Гончаровъ впослѣдствіи далъ своему роману въ статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда“. Онъ утверждаетъ, какъ извѣстно, что Маркъ Волоховъ — представитель типа, очень распространеннаго среди прогрессивной молодежи 60-хъ годовъ, увѣряя насъ въ то же время, что у него не было никакого намѣренія выставить эту молодежь въ непривлекательномъ свѣтѣ. А между тѣмъ выходитъ какъ разъ наоборотъ. Для характеристики шестидесятниковъ Маркъ вовсе не годится. Зато пристегнутый къ роману портретъ этого Марка — портретъ вовсе на него не похожій — несомнѣнно одно изъ самыхъ злыхъ сатиръ на поколѣніе шестидесятниковъ. И намѣренія автора станутъ еще очевиднѣе, если мы сопоставимъ Волохова съ прочими лицами Гончаровскаго романа.

Въ „Обрывѣ“ Гончаровъ не только противопоставляетъ вялому прекраснодушію, какъ дѣлалъ онъ это прежде, свой любимый типъ практической дѣловитости, — онъ находитъ осуществленіе этого типа въ дореформенной Россіи. Его

любимцами здѣсь являются бабушка Татьяна Марковна — это воплощеніе прочной старо-помѣщичьей патріархальности, и воспитанная подъ ея крылышкомъ Марѳенька. Да въ придачу къ нимъ солидный молодой помѣщикъ Тушинъ — этотъ Штольцъ на русскій ладъ, уже безъ всякой заморской примѣси. И прежде Гончаровъ охотно искалъ носителей прогрессивной практичности въ старшемъ поколѣніи. Таковъ Петръ Ивановичъ, проникнутый столичной цивилизаціей дядя Александра Адуева. А Штольцъ, если онъ не старъ годами, зато очень старъ душой. Но все-таки эти не совсѣмъ молодые и необыкновенно трезвые люди выражали собою прогрессивное начало умѣлой практической дѣятельности; отъ нихъ вѣяло несомнѣннымъ Западомъ. Въ „Обрывѣ" уже не то. И бабушка и Тушинъ не только остатки отживающей эпохи, оказывающейся, однако, въ глазахъ ихъ творца гораздо болѣе живою, чѣмъ сама современность, — они подлинные образчики настоящей русской почвенности. Такимъ образомъ въ „Обрывѣ" идеалъ Гончарова отодвинулся назадъ и въ то же время приблизился къ идеалу славянофиловъ. Если приняться искать въ нашей беллетристикѣ фигуру, наиболѣе сродную Татьянѣ Марковнѣ, мы найдемъ ее въ лицѣ дѣдушки въ „Семейной Хроникѣ" Аксакова. Какъ истинный художникъ, Гончаровъ сумѣлъ надѣлить самыми богатыми и, въ то же время, самыми правдивыми красками тотъ складъ крѣпостного помѣщичьяго быта, симпатичною представительницей котораго является бабушка, такъ полновластно и такъ мягко правящая своимъ маленькимъ царствомъ. И всѣ окружающіе ее фигуры — и кроткая, послушная Марѳенька, точно вышедшая изъ подъ кисти фламандскаго живописца, и женихъ ея, милый и аккуратный Викентьевъ, и посѣдѣлый любезникъ чуть не екатерининской эпохи — Титъ Никонычъ этотъ русскій маркизъ, какъ называетъ его Гончаровъ, и вся дворня Татьяны Марковны — все это рядъ улыбающихся фигуръ изъ безобидной, хоть и правдивой эклоги. Ни одной черты, указывающей на гнетъ, на нужду или на горе. Правда, губернскій городъ, около котораго процвѣтаетъ помѣстье Татьяны Марковны, спитъ такимъ же сномъ, какъ щедринскій Глуповъ, и надъ губернскимъ обществомъ стоитъ не оспариваемый никѣмъ авторитетъ отставного генерала. И само это общество вполнѣ

достойно своего тупоумнаго владыки. Но все-таки эти неприглядныя черты не заслоняютъ собою главную картину довольства и счастья. Рисунокъ Гончарова до того яркъ и привлекателенъ, что даже передовая критика не ополчилась на него за идеализацію крѣпостного быта, и читатель, заодно съ нимъ, радуется тому, что здоровые представители молодого поколѣнія — Тушинъ и Марѳенька — являются продолжателями бабушкиныхъ завѣтовъ.

А между тѣмъ „Обрывъ“ появился черезъ десять лѣтъ послѣ реформы 19 февраля, и умственное броженіе, разныя стороны котораго представлены въ лицахъ Райскаго, Вѣры и Марка Волохова, началось уже на развалинахъ крѣпостного строя. Мало того: этотъ строй не только пересталъ существовать юридически, — самый классъ, бывшій его главнымъ носителемъ, обнаруживалъ въ себѣ явные признаки разложенія.

Быть можетъ, какъ разъ вслѣдствіе этого, Гончарову захотѣлось въ яркихъ образцахъ воскресить хорошія стороны до-реформеннаго помѣщичьяго быта, противопоставляя ему умственную и нравственную шаткость, какую внесло съ собою новое теченіе.

О Маркѣ Волоховѣ я уже говорилъ. Но романъ Гончарова обращенъ не только противъ идеаловъ шестидесятниковъ, онъ отрицательно рисуетъ и людей предшествовавшаго имъ поколѣнія 40-хъ годовъ. Райскій и Вѣра ничто иное какъ Тургеневскіе герои, причемъ первый изъ нихъ занимаетъ среднее мѣсто между Рудинымъ и Лаврецкимъ, а у послѣдней нельзя отрицать нѣкотораго сходства съ Еленой. Фигуры эти были, такимъ образомъ, давно знакомы русскому читателю. Новою была только ихъ обрисовка. Въ статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ авторъ „Обрыва“ говоритъ, что въ этомъ романѣ онъ хотѣлъ нарисовать картину проснувшейся Россіи, какъ въ своемъ „Обломовѣ“ онъ представилъ картину ея сна. Райскій, такимъ образомъ, ничто иное, какъ проснувшійся Обломовъ. И все-таки, хотя между обоими есть несомнѣнная духовная связь, неугомонный герой „Обрыва“ ничуть не похожъ на своего предшественника. Его болѣзнь — не спячка Ильи Ильича. Какъ „Лишніе люди“ 40-хъ годовъ, Райскій вынесъ изъ своего воспитанія безпокойное стремленіе къ свѣту и къ дѣя-

тельности, и помѣхой къ достиженію цѣли ему служитъ одно лишь незнаніе, гдѣ найти эту цѣль, неспособность остановиться на одномъ изъ порывовъ, то и дѣло бросающихъ его въ разныя стороны. Недостатокъ энергіи не сказывается въ немъ, какъ въ „Обломовѣ", неохотой къ движенію, а лишь неспособностью надолго придерживаться разъ принятаго направленія, заниматься опредѣленнымъ дѣломъ. Многосторонній дилетантизмъ — этотъ исконный недугъ просвѣщеннаго дворянства 40-хъ годовъ, вотъ что мѣшаетъ Райскому выбрать себѣ жизненный путь. Конечно, эта духовная немощь, сродни безвыходной апатіи Обломова, потому что и та и другая могутъ вырости лишь на почвѣ дворянской обезпеченности. Тотъ, кому трудиться надо, не станетъ всю жизнь доискиваться своего призванія, не станетъ, въ особенности, мечтать о такомъ трудѣ, который дается безъ усилія и безъ подготовки. Но все-таки, если Обломовъ и Райскій могутъ считаться продуктами одной и той-же среды, они далеко не родные братья. Изъ дѣятельности Райскихъ обыкновенно ничего не выходило; это правда. Изъ нихъ составляется активная часть общества, поддерживающая въ немъ интересъ къ мысли, если не къ дѣлу. Какъ Рудинъ и Лаврецкій, гораздо болѣе похожіе на Райскаго, чѣмъ Обломовъ, герой „Обрыва" не оставитъ послѣ себя прямыхъ результатовъ своей дѣятельности. Но однимъ все-таки Россія была несомнѣнно обязана людямъ его склада: когда настало время реформъ, у этихъ людей и только у нихъ оказался запасъ готовыхъ мыслей и готоваго усердія. Этого забывать нельзя и кличкою лишнихъ ихъ клеймить не зачѣмъ.

Было бы очень интересно узнать, какъ сложилась на первыхъ порахъ въ умѣ Гончарова фабула его романа. Задуманъ онъ былъ, какъ утверждаетъ самъ авторъ, заодно съ „Обломовымъ". Но если такъ, въ фантазіи Гончарова одновременно сложились и образъ дремлющей Россіи и картина ея пробужденія. Тотъ самый помѣщичій бытъ, который въ снѣ Обломова является такимъ неподвижнымъ и ветхимъ, твердо стоитъ на ногахъ въ бабушкиномъ помѣстьѣ, и не только стоитъ, но работаетъ. Такимъ образомъ, одна и та же эпоха, одинъ и тотъ же бытъ далъ Гончарову матеріалъ для двухъ совершенно противоположныхъ темъ, противоположныхъ не только по своему характеру, но и по

направленію симпатій автора. Въ „Обломовѣ" Гончаровъ проповѣдуетъ лихорадочную дѣятельность по образцу Штольца, въ „Обрывѣ" его сочувствіе на сторонѣ традиціи прочной старины, и безпокойные порывы обновителей ему кажутся нѣсколько смѣшными. Объяснить это можно двоякимъ образомъ. „Обрывъ" писался очень долго, слишкомъ двадцать лѣтъ, и, благодаря этому, рамки его раздвигались, постепенно вмѣщая въ себя все новыя жизненныя явленія. Но, помимо этого, можно догадаться, что даже когда онъ задумывалъ „Обломова", Гончаровъ на самомъ дѣлѣ вовсе не ощущалъ ненависти къ неподвижному складу помѣщичьяго быта, что сочувствіе его всегда принадлежало старинѣ. Эту старину ему хотѣлось оживить, придать ей болѣе энергіи, болѣе умѣлости. И какъ это сдѣлать, онъ показалъ въ образахъ бабушки и Тушина. Но разрушить ее онъ не желалъ вовсе, и подрывать ея устои казалось ему дерзкимъ посягательствомъ. Вотъ почему къ Райскому онъ не относится даже съ тою полускрытою мягкою жалостью, съ какою очерчены фигуры Александра Адуева и Обломова. Райскій надѣленъ безусловно комическими чертами. И если ему разъ удалось, когда онъ публично осадилъ генерала, дорости до заправскаго героя, онъ зато нерѣдко попадаетъ въ самыя нелѣпыя положенія. Райскій комиченъ, и когда онъ напрасно ухаживаетъ за своей кузиной Бѣловодовой, и когда чуть-чуть влюбляется въ Мароеньку, и когда читаетъ длиннѣйшія лекціи Вѣрѣ, и, наконецъ, когда даетъ себя одурачить Марку Волохову. Но онъ уже прямо смѣшенъ, и не только смѣшенъ, а низокъ, когда на половину лишь разыгрываетъ роль Іосифа съ женой своего пріятеля Козлова и, почти уступая насильно, даетъ себя увлечь этой новой женѣ Пентефрія. Гончаровъ не могъ не замѣчать этихъ слабыхъ сторонъ своего героя, да въ концѣ романа онъ и поступилъ съ нимъ, какъ со всѣми героями-неудачниками поступали ихъ творцы. Онъ отправилъ его путешествовать за границу, гдѣ заодно съ Бельтовымъ, съ Тамаринымъ, съ Павломъ Петровичемъ Кирсановымъ и многими другими, онъ, вѣроятно, занималъ праздные досуги путешествующихъ русскихъ дамъ.

Вѣры тоже коснулся безпокойный духъ новизны, и за это Гончаровъ заставляетъ свою героиню пройти черезъ рядъ тяжелыхъ минутъ, пока, наконецъ, онъ даетъ ей отдохнуть

въ тихой пристани домашняго счастья. Счастье ли, въ самомъ дѣлѣ, можно найти въ этой пристани вдвоемъ съ дубоватымъ Тушинымъ, — въ этомъ позволительно усомниться. Но такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ авторъ. Онъ находитъ, повидимому, что тѣмъ, кто заразился духомъ непокорства, не войти безъ труда въ обѣтованную землю. Вѣра, хоть и была она воспитана бабушкой, не подчинялась стариннымъ завѣтамъ, какъ ея младшая сестра. Ее рано потянуло къ независимости, и даже въ строгомъ бабушкиномъ домѣ она сумѣла выгородить себѣ почти безграничную свободу. Съ Маркомъ Волоховымъ ее сблизило, вѣроятно, родство ихъ натуръ общее имъ обоимъ строптивое непокорство! Чѣмъ бы инымъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ плѣнить ее Маркъ? Онъ вѣдь не приносилъ ей, какъ Рудинъ Наташѣ свѣтъ новаго болѣе широкаго кругозора, или какъ Инсаровъ Еленѣ соблазнъ освободительнаго подвига. Трудно въ самомъ дѣлѣ, видѣть подвигъ въ кражѣ чужихъ яблоковъ, или въ учиненіи каверзъ административнымъ властямъ. Вѣра стремилась къ самостоятельности вовсе не затѣмъ, чтобы бороться за какую-нибудь идею. Эгоистка въ душѣ — въ цѣломъ романѣ у нея не проявляется ни одной сердечной искры — она хотѣла лишь стряхнуть съ себя надоѣдливыя домашнія стѣсненія. И она бросилась на шею Марку — первому мужчинѣ, въ которомъ она встрѣтила такую же готовность не признавать надъ собой никакой власти. Маркъ не обманывалъ ее ни мишурнымъ блескомъ революціонной проповѣди ни увѣреніями въ безпредѣльной любви. Онъ выдавалъ себя за то, что былъ на самомъ дѣлѣ, — за человѣка, который требовалъ, чтобы съ женщинами выходилъ „толкъ" и чтобы этому времяпровожденію не мѣшали предразсудки. Онъ былъ только повѣсою, взявшимся за роль Базарова. И Вѣра — умная, гордая, изящная Вѣра — пошла на этотъ незатѣйливый соблазнъ. Пошла бы она, вѣроятно, и за Райскимъ, еслибъ онъ не обнаружилъ такой не рыцарской боязни спуститься на дно обрыва и не такъ надоѣдалъ ей своими витіеватыми проповѣдями. Вопреки установившемуся мнѣнію, Вѣра совсѣмъ не заслуживаетъ своего поэтическаго ореола. Въ паденіи ея ничего нѣтъ рокового и ничего идеальнаго. Не только тургеневская Елена — этотъ свѣтлый прототипъ русскихъ передовыхъ дѣвушекъ — даже тѣ неказистыя женскія фигуры,

которыми кишатъ романы третьестепенныхъ шестидесятниковъ, головой выше героини „Обрыва". Ихъ все-таки увлекали идеи, хотя большей частью и сумбурныя. Вѣру увлекла одна чувственность, и, сходя къ Марку на дно обрыва, она знала, что дѣлала. Если Гончарову угодно было ея раскаяніе представить въ такихъ ужасающихъ краскахъ, это раскаяніе свидѣтельствуетъ объ одномъ лишь — о женской непослѣдовательности. И, если, въ концѣ концовъ, въ награду за него она получила твердую жизненную опору въ лицѣ Тушина, кто знаетъ, не была ли эта награда на самомъ дѣлѣ наказаніемъ.

Головинъ.

Старое и молодое поколѣніе въ „Обрывѣ".

Проходитъ болѣе 12 лѣтъ послѣ „Обломова" появляется третье произведеніе нашего романиста, — „Обрывъ", въ которомъ затрогиваются, повидимому, новыя стороны жизни; но все же, вглядываясь, мы замѣчаемъ и тутъ дальнѣйшее развитіе старой темы. Что такое Райскій? Это, какъ и самъ онъ себя считаетъ, по преимуществу художникъ, но такой, который ни въ чемъ не можетъ достичь какихъ-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ; это, какъ его очень мѣтко опредѣляетъ М. Волоховъ, — *неудачникъ*. Но если такъ, то что̀ онъ такое, какъ не тотъ же Обломовъ въ видѣ художника? Однако онъ уже не совершенно отрѣшенъ отъ общественныхъ симпатій; онъ считаетъ нужнымъ самъ пробуждать Бѣловодову къ жизни, говоря ей: „вы здѣсь наслаждаетесь всѣмъ, а подумали ли вы о тѣхъ людяхъ, которые вамъ доставляютъ доходъ?" Но Бѣловодова имѣетъ полное право отвѣтить на это, что онъ и самъ имѣетъ такихъ же подневольныхъ людей, а что̀ же онъ для нихъ сдѣлалъ? Да, онъ только говоритъ о дѣятельности на пользу другимъ, настоящей же дѣятельной силы въ немъ нѣтъ, нѣтъ и настоящей любви даже къ тому искусству, которому онъ хочетъ служить, иначе эта любовь довела бы его до какихъ-нибудь болѣе удовлетворительныхъ результатовъ. Именно потому, что настоящей любви къ своему призванію въ немъ нѣтъ, онъ и остается всю свою жизнь неудачникомъ. Прямою, повидимому, противоположностью Райскаго представляется Аяновъ; это соб-

ственно говоря, тотъ же дядюшка Петръ Ивановичъ; но тутъ Гончаровъ уже окончательно намъ доказываетъ, что въ людяхъ подобнаго рода онъ не видитъ ничего сочувственнаго; онъ прямо говоритъ, что вся цѣль этого человѣка — „повыситься изъ статскихъ въ дѣйствительные статскіе, а подъ конецъ, за долговременную и полезную службу и „неусыпные“ труды... въ тайные совѣтники и бросить якорь въ портѣ — въ какой-нибудь нетлѣнной комиссіи или комитетѣ съ сохраненіемъ окладовъ, а тамъ, волнуйся себѣ человѣческій океанъ, мѣняйся вѣкъ, лети въ пучину судьба народовъ, царствъ, — все пролетитъ мимо его, пока апоплексическій или другой ударъ не остановитъ теченія его жизни“. Словомъ тутъ Гончаровъ совершенно ясно намъ обрисовываетъ, такъ сказать, *дѣловую Обломовщину* (хотя по пріобрѣтательскимъ своимъ сторонамъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ и *Штольцовщина)*. Лицомъ, вполнѣ исполненнымъ любви къ своему дѣлу, къ своему художническому призванію, является въ „Обрывѣ“ Кирилловъ. Да, но, любя искусство, онъ отрѣшилъ его ото всего остальнаго міра; онъ не живой человѣкъ, не художникъ-дѣятель, — онъ просто своего рода аскетъ, замкнувшійся въ художническую келью. Таковъ же и товарищъ Райскаго, Козловъ; онъ дѣйствительно любитъ свой предметъ, но оторванъ ото всего живого; съ дѣйствительнымъ міромъ связанъ онъ исключительно личною привязанностью къ женѣ: оставляетъ его эта женщина, — и вся прелесть, весь смыслъ жизни для него потеряны.

Лицомъ, въ своемъ родѣ, дѣятельнымъ, любящимъ, является, повидимому, бабушка — эта сочувственнѣйшая личность изъ стараго поколѣнія „Обрыва“. Да, но изъ той сферы, которую она обнимаетъ своимъ любящемъ сердцемъ, исключено очень многое: исключены ея крѣпостные люди, которыхъ она даже не считаетъ заслуживающими помощи доктора, а отсылаетъ къ старухѣ знахаркѣ. Наконецъ, ея во многихъ отношеніяхъ правдивое сердце долго не мѣшаетъ ей заискивать въ Нилѣ Андреевичѣ, о которомъ она сама говоритъ, что онъ достигъ своего положенія не совѣмъ похвальными средствами.

Есть въ „Обрывѣ“ одно лицо, принадлежащее молодому поколѣнію, которое называетъ себя *„грядущей силой“*. Но Райскій находитъ однако возможнымъ спросить Марка Во-

лохова, — „почему онъ ничего не дѣлаетъ?“, а Маркъ Волоховъ только и можетъ отвѣтить на это: „но и вы вѣдь ничего не дѣлаете“. Впрочемъ, въ бесѣдѣ съ Вѣрой, Маркъ Волоховъ указываетъ на свое жизненное дѣло. „Это дѣло“, говоритъ онъ, „вспрыскивать живой водой человѣческіе мозги“. Такое вспрыскиваніе живой водой, какъ онъ его понимаетъ, должно вести къ тому, чтобы смыть съ человѣческихъ мозговъ все напускное; но, смывая съ нимъ многое слой за слоемъ, онъ, наконецъ, начинаетъ уже не смывать, а вытравливать и тѣ симпатическія стороны, которыя присущи человѣческой природѣ, и касаться которыхъ значитъ ее уродовать, — онъ касается тѣхъ связей которыя соединяютъ человѣка съ человѣкомъ; онъ относитъ и эти вовѣки нерасторжимыя связи къ числу искусственныхъ, напускныхъ явленій. Стремленіе Марка Волохова очистить человѣческій умъ ото всего, что онъ считаетъ *насильственно навязаннымъ*, даетъ ему, какъ конечное искомое, голое человѣческое *я*, предоставленное его влеченіемъ, которыя должны быть всѣ, безъ изъятія слѣпо удовлетворяемы.

Вотъ съ такимъ-то человѣкомъ встрѣчается дѣвушка, которая начинаетъ работать надъ нимъ, какъ Ольга работала надъ Обломовымъ. Многое ей представляется привлекательнымъ въ Маркѣ Волоховѣ. Онъ не уживается съ общепринятыми правилами, — она и сама не мирится съ ними во многомъ. Она ничего не примаетъ на вѣру, — она вѣритъ только тому, въ чемъ убѣждается (въ этомъ и отличіе ея отъ простодушной ея сестры — такъ живо обрисованный Гончаровымъ, Марѳеньки). Въ Маркѣ Волоховѣ привлекаютъ Вѣру свободныя отношенія ко всему установившемуся; она цѣнитъ въ немъ освободительныя стремленія, но ее отталкиваетъ то, къ чему приводятъ они Марка — это голое человѣческое *я*, предоставленное своимъ влеченіямъ. Въ этомъ, ничѣмъ не ограниченномъ *я* она видитъ только стихійную силу, а стихійная сила легко становится силой гнетущею. Чѣмъ внимательнѣе вглядывается Вѣра въ Марка, тѣмъ болѣе убѣждается въ томъ, что стремленіе освободить свое *я* отъ всякихъ сдерживающихъ началъ невольно переходитъ у него въ стремленіе подчинить этому *я* все окружающее. Въ Маркѣ такимъ образомъ все болѣе и болѣе выясняется передъ нею крайній деспотъ, но она долго, упорно вѣритъ въ возмож-

ность раскрыть передъ нимъ то внутреннее противорѣчіе, въ которое онъ безсознательно попадаетъ, остановить его освободительную работу на томъ рубежѣ, переходя за который свобода становится самовластіемъ. Она хочетъ заставить его признать нѣчто высшее, чему онъ долженъ сознательно и съ любовью подчиниться; но это такъ же точно неудается ей, какъ Ольгѣ неудается пробужденіе къ дѣятельности Обломова. Высшее начало, по понятію Вѣры, это то, что она (странное соотвѣтствіе съ ея именемъ) называетъ *вѣрой*, въ переводѣ же на обыкновенный житейскій языкъ — вѣровать значитъ признавать что-то, что-то выше своего собственнаго *я* и его произвольныхъ влеченій. Одно время ей показалось, что она можетъ въ этомъ смыслѣ пробудить вѣру въ Маркѣ, и тогда она была счастива, находилась въ томъ состояніи, которое Райскій назвалъ экстазомъ. Но, послѣ рѣшительнаго свиданія съ Маркомъ, того свиданія, въ которомъ они должны были опредѣлить свои взаимныя отношенія, — ей пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ. Короткія отношенія свои къ Марку она понимала не иначе, какъ при участіи того высшаго начала, которое въ данномъ случаѣ является мыслію о *семьѣ*. Вѣра, какъ и Ольга, твердо вѣритъ въ возможность постоянной любви со стороны нравственно здороваго, неиспорченнаго человѣка. Но Маркъ Волоховъ не хочетъ признавать естественной возможности подобнаго постоянства; въ постоянной любви онъ видитъ любовь по приказу, по правиламъ, видитъ „пуды, надѣваемые на ноги“; „...я останусь еще въ этомъ болотѣ“, говоритъ онъ, „не знаю, сколько времени, буду тратить силы вотъ тутъ, — но не для васъ, а прежде всего для себя, потому что въ настоящее время это стало моей жизнью, — и я буду жить, пока счастливъ, пока буду любить. А когда охладѣю — я скажу и уйду, куда поведетъ меня жизнь, не унося съ собой никакихъ „долговъ“, „правилъ“ и „обязанностей“; я все ихъ оставлю тутъ, на днѣ обрыва! Видите, я не обманываю васъ — я высказываюсь весь: скажу и уйду! и вы имѣете право сдѣлать то же. А вонъ тѣ мертвецы лгутъ себѣ и другимъ — и эту ложь называютъ „правилами“. А сами потихоньку дѣлаютъ то же самое“.

Но Вѣрѣ не легче оттого, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, не лицемѣритъ, а поступаетъ честно: ей становится страшно и

холодно отъ подобной честности, потому что она усматриваетъ въ этомъ отсутствіе настоящей, глубокой привязанности къ себѣ. При своемъ свѣтломъ умѣ, она не можетъ не понимать, что Маркъ, со своею предвзятою мыслью о невозможности постоянной любви, когда-нибудь просто *вообразитъ*, что любви уже нѣтъ, и станетъ тогда безсознательно ломать свое чувство — ради проповѣдуемой имъ свободы чувства, просто чтобъ доказать, что постояннаго чувства нѣтъ и не можетъ быть. Если бы онъ дѣйствительно глубоко ее полюбилъ, должна она думать, онъ бы бросилъ свою предвзятую мысль, онъ бы увѣровалъ въ то же, во что вѣритъ она, въ начало семейное, которое должно освятить ихъ взаимныя отношенія. „Я говорила себѣ часто: сдѣлаю, что онъ будетъ дорожить жизнью... сначала для меня, а потомъ и для жизни, будетъ уважать... сначала опять меня, а потомъ и другое въ жизни, будетъ вѣрить мнѣ... а потомъ...“

— „Вы поймете жизнь — говоритъ она Марку — не будете блуждать въ одиночку, со вредомъ для себя и безъ всякой пользы для другихъ... изъ васъ выйдетъ человѣкъ нужный, сильный...“

И во всемъ этомъ ей приходится окончательно разочароваться: онъ остается вѣренъ своему, правда, честно высказанному ученію о „влеченіяхъ“ и „физическомъ процессѣ“. По ея же взгляду, подчинятся только однимъ влеченіямъ, не ставя надъ ними рѣшительно ничего — значитъ не имѣть разумной точки опоры, того, что называетъ она корнемъ, значитъ уродовать человѣческую природу. Но если вся работа Вѣры надъ Маркомъ оказывается неудачной, если она должна, наконецъ, сознаться, что ей не пересоздать его, то, при ея характерѣ, при ея нравственномъ закалѣ, ей остается сдѣлать съ нимъ то же, что сдѣлала Ольга съ Обломовымъ. Вѣрѣ остается только разстаться съ Маркомъ. Одно изъ двухъ: или она должна признать его взглядъ и отказаться отъ своего собственнаго, какъ ложнаго, — и тогда она неминуемо пойдетъ съ нимъ на дно обрыва; или она должна устоять въ своихъ убѣжденіяхъ, и тогда она не пойдетъ за нимъ — середины нѣтъ.

Нашъ авторъ какъ будто не понялъ этого, а потому романъ его къ концу представляетъ сплошную фальшивую ноту. Давъ Вѣрѣ устоять въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ одна-

коже заставляетъ ее спуститься съ обрыва, т.-е. теоретически она остается при своемъ ученіи, а практически, на дѣлѣ, она является какъ бы нагляднымъ доказательствомъ несостоятельности его, примѣромъ, на который можетъ указать Маркъ, въ подтвержденіе свой мысли, что сила влеченья — верховная сила. Высоко поднявъ любимое лицо своего романа, Гончаровъ, по какой-то странной прихоти, взялъ да и сбросилъ его съ высоты въ обрывъ. Чѣмъ объяснить такое поразительное явленіе у писателя съ такимъ глубокимъ чутьемъ психолога и художника? Это можно объяснить развѣ тѣмъ, что Гончаровъ въ своемъ послѣднемъ романѣ отчасти измѣнилъ той художественной объективности, которую такъ превозносилъ въ немъ Бѣлинскій. Онъ не выдержалъ ея тутъ, не удовлетворился безстрастнымъ воспроизведеніемъ жизненныхъ явленій въ той ихъ взаимной связи и цѣлостности, которыя уже сами по себѣ даютъ возможность читателю сдѣлать изъ нихъ подобающее заключеніе. Гончарову захотѣлось вложить въ свой романъ такую мораль, которая прямо бы била въ глаза, захотѣлось во всеуслышанье прокричать: „посмотрите, до чего можетъ дойти дѣвушка, хотя и чрезвычайно умная, но не бѣгающая, какъ отъ чумы, отъ различныхъ „Марковъ": ему захотѣлось предостеречь русскихъ дѣвушекъ: „смотрите, подальше отъ нихъ, не то попадете на дно обрыва". И что же? Изъ прекрасно задуманнаго романа вышло подъ конецъ чтò-то въ родѣ той старинной „Кунигунды", которую бабушка, въ видахъ морали, заставляетъ читать вслухъ, и, какъ извѣстно, безъ малѣйшей пользы не только для Вѣры, но даже для Марѳеньки. Допустивъ преднамѣренную мораль, Гончаровъ невольно впалъ въ ту переполненность фальшими нотами, которою отличается 5-я часть романа. Все что слѣдуетъ за „обрывомъ",— продолжительное хожденіе бабушки, это странное, ни къ чему неведущее, разыгрываніе ею роли какого-то „Вѣчнаго жида", повинующагося постоянно звучащему надъ нимъ „иди! иди!", странное покаяніе той же бабушки въ ея старомъ грѣхѣ; почти граничащее съ комизмомъ (хотя авторъ, разумѣется, не хотѣлъ этого) посредничество между Вѣрой и Маркомъ Тушина,—все это такъ натянуто, все это своего рода tour de force, въ сущности, рѣшительно ни къ чему неведущій. Замѣчу, наконецъ, вообще про этого Тушина, котораго наз-

наченіе со временемъ изгладить воспоминанія объ „обрывѣ“, замѣчу, что ему кромѣ того предназначено въ романѣ осуществить идеалъ разумнаго практическаго дѣятеля. Но лицо это выходитъ безжизненнымъ, блѣднымъ; о немъ только говорится, что онъ очень много и очень хорошо что-то дѣлаетъ, но существенный смыслъ его практической дѣятельности изъ его собственныхъ словъ и поступковъ мы едва-ли можемъ узнать.

Въ концѣ романа Райскій, какъ извѣстно, начинаетъ писать романъ подъ заглавіемъ „Вѣра“, и высказываетъ при этомъ слѣдующія соображенія:

„Какъ я напишу драму Вѣры, да не сумѣю обставить пропастями ея паденія, а русскія дѣвы примутъ ошибку за образецъ, да, какъ козы, одна за другой, пойдутъ скакать съ обрывовъ (!!!)“.

Кажется, можно, по крайней мѣрѣ, пожелать, чтобы въ новомъ изданіи своего романа Гончаровъ похерилъ эту странную фразу, въ которой мораль доходитъ до оскорбленія здороваго нравственнаго чувства. Такъ и хочется сказать автору: вы не туда совсѣмъ бьете! Поддерживайте вѣру въ человѣческое достоинство, вѣру въ достоинство женщины, и тогда не будутъ страшны никакіе обрывы. А развязкой вашего романа вы, даровитый авторъ, сами поколебали такую вѣру...

Но что же, въ конце концовъ, этотъ Маркъ, надъ пересозданьемъ котораго такъ неудачно трудилась Вѣра? Типъ этотъ, по своимъ основнымъ чертамъ, не новъ; Маркъ очевидно, предназначался служить дорисовкою типа, выставленнаго Тургеневымъ въ лицѣ Базарова. Но даетъ ли намъ Гончаровъ что-нибудь такое, чтобы болѣе выяснило этотъ типъ? Типъ Базарова, самъ по себѣ, — типъ совершенно ясный, цѣльный, живой. Онъ тоже хочетъ освободить себя ото всего, что считаетъ онъ напускнымъ и при этомъ невольно старается вырвать съ корнемъ и то, что составляетъ неотъемлемую принадлежность человѣческой природы. Не желая быть, какъ онъ выражается, *самоломаннымъ*, онъ безсознательно, на каждомъ шагу, ломаетъ себя, свою въ сущности, вовсе не сухую и не холодную природу; но она въ немъ постоянно беретъ свое: мы видимъ, что онъ любитъ отца и мать, влюбляется въ Одинцову, наконецъ, чувствуетъ себя близкимъ къ народу, несмотря на то, что говоритъ

про себя: „я возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... да и на что мнѣ его спасибо?“ Онъ съ презрѣніемъ, съ высоты своего безпредразсудочнаго величія, глядитъ на народъ, но все это — и презрѣніе, и самое это величіе — только слѣдствіе того, что онъ не умѣетъ, не хочетъ умѣть „*отличиться*“ — хотя бы даже народу, мысли о народномъ благѣ. И вотъ онъ съ презрѣніемъ отталкиваетъ отъ себя эту мысль, тогда какъ въ сущности его такъ и тянетъ къ народу, и онъ съ положительнымъ удовольствіемъ говоритъ Павлу Петровичу Кирсанову: „спросите любого изъ вашихъ же мужиковъ, въ комъ изъ насъ—въ васъ или во мнѣ—онъ скорѣе признаетъ соотечественника. Вы и говорить-то съ нимъ не умѣете...“ Базаровъ — не ходячая теорія; онъ живой человѣкъ, именно живыми своими сторонами обличающій многое въ своей теоріи и въ тоже время, несмотря ни на что, возбуждающій къ себѣ участіе, растворенное даже уваженіемъ.

Что же добавилъ къ этому типу Гончаровъ своимъ Маркомъ Волоховымъ? Маркъ Волоховъ знакомится съ Вѣрой, воруя яблоки изъ сада ея бабушки; онъ не знаетъ другой дороги, какъ черезъ заборъ или черезъ окно; онъ беретъ деньги взаймы, прямо говоря, что ихъ не отдастъ; онъ надѣваетъ чужое платье, чтобы оставить его за собою: поддѣлываясь подъ тонъ Вѣры, онъ, письмомъ отъ ея имени, выпрашиваетъ денегъ и платья у Райскаго; онъ вырываетъ страницы изъ книгъ, и притомъ изъ такихъ, которыхъ не можетъ не считать полезными, и закуриваетъ ими папиросы. Вотъ, стало быть, цѣлое множество новыхъ чертъ, — но все это нагроможденіе ихъ приводитъ только къ тому, что Маркъ оказывается карикатурой, а не живымъ человѣкомъ. И между тѣмъ до конца остается совершенно невыясненнымъ вопросъ, предложенный имъ самимъ Райскому: „отъ чего я такой? отвѣтьте, и тогда я, можетъ-быть, вамъ отвѣчу, отчего я не буду ничего дѣлать“ (т.-е. ничего, кромѣ того *вспрыскиванія мозговъ*, которымъ онъ занимается). Правда, въ одномъ разговорѣ съ Вѣрой, Маркъ объясняетъ ей, изъ какого рода людей онъ и ему подобные (эта „новая, грядущая сила“) вербуетъ себѣ послѣдователей. Онъ говоритъ, во-первыхъ, о *семинаристахъ:* „ихъ держатъ въ потемкахъ, умы питаютъ

мертвечиной и вдобавокъ порютъ нещадно: вотъ, кто поздоровѣе изъ нихъ, да еще изъ *кадетъ* — этихъ вовсе не питаютъ, а только порютъ — и падки на новое, рвутся изъ всѣхъ силъ — изъ потемокъ къ свѣту... Народъ молодой, здоровый, свѣжій, проситъ воздуха и пищи, а намъ такихъ и надо". — „Кому *намъ*?" спрашиваетъ Вѣра, — и вотъ этотъ-то вопросъ — все-таки такъ и остается вопросомъ и для читателя. Кто такіе *они*, эти вербующіе себѣ послѣдователей?... Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что они *не вѣсть откуда взялись*; — но вѣдь этого не можетъ быть, вѣдь должна же существовать *причина* ихъ появленія. У автора остается неразъясненнымъ и воспитаніе самого Марка. Дѣлаются намеки на то, что онъ былъ юнкеромъ, былъ, какъ будто и въ университетѣ (хотя послѣднее возбуждаетъ сомнѣніе въ Козловѣ). Откуда же онъ? Отчего онъ такой?

Да, отчего онъ такой — въ этомъ-то и весь вопросъ, а Гончаровъ не даетъ на него отвѣта. Но тотъ же типъ встрѣтится намъ еще не разъ у другихъ писателей, и мы будемъ имѣть случай увидѣть, отвѣтятъ ли они намъ на тотъ же основной вопросъ, или нѣтъ?. Во-первыхъ, мы встрѣтимся съ этимъ типомъ у Достоевскаго. *Ор. Миллеръ.*

Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Гончаровъ позаботился самъ объяснить процессъ своего творчества въ замѣчательной критической статьѣ, которую онъ озаглавилъ: „Лучше поздно, чѣмъ никогда". Касаясь этого вопроса, онъ, между прочимъ, говоритъ въ своей статьѣ: „Художникъ мыслитъ образами", сказалъ Бѣлинскій, и мы видимъ это на каждомъ шагу, во всѣхъ даровитыхъ романистахъ. Но какъ онъ мыслитъ — вотъ давнишній, мудреный, спорный вопросъ. Одни говорятъ — сознательно, другіе — безсознательно. Я думаю такъ и этакъ, смотря по тому, что преобладаетъ въ художникѣ, умъ или фантазія и такъ называемое сердце. Онъ работаетъ сознательно, если умъ его тонокъ, наблюдателенъ и превозмогаетъ фантазію и сердце. Тогда идея нерѣдко высказывается помимо образа. И если талантъ не силенъ, онъ заслоняетъ образъ и является тен-

денціею. У болѣе сознательныхъ писателей умъ доказываетъ, чего не договариваетъ образъ, — и ихъ созданія бываютъ нерѣдко сухи, блѣдны, неполны; они говорятъ уму читателя, мало говоря воображенію и чувству. Они убѣждаютъ, учатъ, увѣряютъ, такъ сказать, мало трогая. И, наоборотъ, при избыткѣ фантазіи и при относительно меньшемъ противъ таланта умѣ — образъ поглощаетъ въ себѣ знаніе, идею; картина говоритъ за себя, и художникъ часто самъ увидитъ смыслъ — съ помощью такихъ критическихъ истолкователей, какими, напримѣръ, были Бѣлинскій и Добролюбовъ. Рѣдко, въ лицѣ самого автора, соединяются и сильный объективный художникъ и вполнѣ сознательный критикъ". Однакожъ, дальнѣйшее развитіе мысли Гончарова противорѣчитъ этому его положенію; Гончаровъ, видимо, склоняется, говоря о себѣ, къ безсознательности творчества: „Рисуя, я рѣдко знаю въ ту минуту, что̀ значитъ мой образъ, портретъ, характеръ; я только вижу его живымъ, передъ собой — и смотрю вѣрно ли я рисую; вижу его въ дѣйствіи съ другими, — слѣдовательно, вижу сцены и рисую тутъ этихъ другихъ, иногда далеко впереди, по плану романа, не предвидя еще вполнѣ, какъ вмѣстѣ свяжутся всѣ, пока разбросанныя въ головѣ, части цѣлаго. Я спѣшу, чтобы не забыть, набрасывать сцены, характеры, на листкахъ, клочкахъ — и иду впередъ, какъ будто ощупью, пишу сначала вяло, неловко, скучно (какъ начало въ Обломовѣ и Райскомъ), и мнѣ самому бываетъ скучно писать, пока не хлынетъ свѣтъ и не освѣтитъ дороги, куда мнѣ итти. У меня всегда есть одинъ образъ и вмѣстѣ главный мотивъ: онъ-то и ведетъ меня впередъ — и по дорогѣ я нечаянно захватываю, что попадется подъ руку, т.-е., что близко относится къ нему. Тогда я работаю живо, бодро, руки едва успѣваютъ писать, пока опять не упрусь въ стѣну. Работа, между тѣмъ, идетъ въ головѣ, лица не даютъ покоя, пристаютъ, позируютъ въ сценахъ, я слышу отрывки ихъ разговоровъ — и мнѣ часто казалось, прости Господи, что я это не выдумываю, а что это все носится въ воздухѣ, около меня, и мнѣ надо только смотрѣть и вдумываться. Мнѣ, напр., прежде всего бросался въ глаза лѣнивый образъ Обломова — въ себѣ и въ другихъ — и все ярче и ярче выступалъ передо мною. Конечно, я инстинктивно чувствовалъ, что въ эту фигуру вбираются мало-по-малу эле-

ментарныя свойства русскаго человѣка — и пока этого инстинкта довольно было, чтобы образъ былъ вѣренъ характеру. Если бы мнѣ тогда сказали, что Добролюбовъ и другіе и, наконецъ, я самъ нашелъ въ немъ — я бы повѣрилъ, а повѣривъ, сталъ бы умышленно усиливать ту или другую черту и, конечно, испортилъ бы. Вышла бы тенденціозная фигура! Хорошо, что я не вѣдалъ, что творю". „И что такое умъ въ искусствѣ? Это умѣніе создать образъ. Слѣдовательно, въ художественномъ произведеніи одинъ образъ уменъ, — и чѣмъ онъ строже, тѣмъ умнѣе". Однако, скажетъ, можетъ быть, читатель, какъ согласовать эту защиту безсознательности въ творчествѣ съ тѣмъ, что самъ Гончаровъ объясняетъ, съ тѣмъ смысломъ, который онъ придаетъ своимъ произведеніямъ? Всѣ свои три романа онъ сливаетъ въ одинъ. Всѣ они связаны одною общею нитью, одною послѣдовательною идеею, — переходъ отъ одной эпохи русской жизни, которую онъ переживалъ, къ другой — и отраженіемъ ея явленій въ его изображеніяхъ, портретахъ, сценахъ, мелкихъ подробностяхъ. Это видимое противорѣчіе Гончаровъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что идея, смыслъ всего произведенія являются не путемъ аналитической работы ума, а возникаютъ сами собой, такъ сказать, изъ самыхъ этихъ образовъ, созданныхъ безсознательно, если только эти образы типичны, т.-е. если они отражаютъ въ себѣ крупнѣе или мельче, эпоху, въ которой живутъ. Возьмите, напримѣръ, Райскаго (въ „Обрывѣ")? Что хотѣлъ сказать Гончаровъ своимъ Райскимъ? Что такое Райскій? „Да все тотъ же Обломовъ, — отвѣчаетъ онъ — т.-е. прямой, ближайшій его сынъ, герой эпохи пробужденія. Обломовъ былъ цѣльнымъ, ничѣмъ не разбавленнымъ выраженіемъ массы, покоившейся въ долгомъ и непробудномъ снѣ и застоѣ. И критика, и публика находили это: почти всѣ мои знакомые на каждомъ шагу, смѣясь, говорили мнѣ по выходѣ книги въ свѣтъ, что они узнаютъ въ этомъ героѣ себя и своихъ знакомыхъ. Райскій — герой слѣдующей, т.-е. переходной эпохи. Это — проснувшійся Обломовъ: сильный, новый свѣтъ блеснулъ ему въ глаза. Но онъ еще потягивается, озираясь кругомъ и оглядываясь на свою обломовскую колыбель. Что-то пронеслось новое и живое въ воздухѣ, какія-то смутныя предчувствія; потомъ пошли слухи о новыхъ началахъ, преобразо-

аніяхъ; обнаружилось движеніе въ наукѣ, въ искусствѣ: съ профессорскихъ каѳедръ послышались живыя рѣчи: въ небольшихъ кружкахъ тогдашней интеллигенціи смѣло выражалась передовыми людьми жажда перемѣнъ. Ихъ называли людьми „сороковыхъ годовъ". Райскій, конечно, одинъ изъ нихъ и, можетъ-быть, что-нибудь и еще. Райскій — натура артистическая: онъ воспріимчивъ, впечатлителенъ, съ сильными задатками дарованій, но онъ все-таки сынъ Обломова. Онъ умомъ и совѣстью принялъ новыя животворныя сѣмена, но остатки еще не вымершей обломовщины мѣшаютъ ему обратить усвоенныя понятія въ дѣло. Онъ совался туда-сюда, но онъ не былъ серіозно подготовленъ наукой и практикой къ какой-нибудь государственной, общественной, или частной дѣятельности, потому что на всѣхъ сферахъ еще лежала обломощина; тихое, монотонное теченіе сонныхъ привычекъ, рутина. Живое дѣло только-что просыпалось. Россія доживала вѣкъ Петровскихъ реформъ — и ждала новыхъ. Въ Райскаго входили, сначала безсознательно для меня самого, и многія типическія черты моихъ знакомыхъ и товарищей. Въ обществѣ, въ образованной средѣ, побѣги новыхъ, свѣжихъ стремленій мѣшались и путались еще съ терніями и волчицами обломовщины всякаго рода — и вольной и невольной, съ разными приманками празднаго житья-бытья и съ трудностями упорной борьбы со старымъ. Застой, отсутствіе спеціальныхъ сферъ дѣятельности, служба, захватывавшая годныхъ и негодныхъ, нужныхъ и ненужныхъ и размножавшая бюрократію, все еще густыми тучами лежала на горизонтѣ общественной жизни: группа новыхъ людей устремилась къ ихъ разсѣянію". — „Въ Райскомъ, вмѣстѣ съ вліяніемъ на него хода времени и новыхъ событій, я слѣдилъ еще съ большимъ интересомъ — любопытный психологическій или физіологическій процессъ проявленія этой подвижной и впечатлительной натуры въ его личной жизни. Именно то, какъ сила фантазіи въ артистическихъ натурахъ, не направленная на насущное дѣло, на художественныя созданія, бросалась въ самую жизнь, и мелочныя явленія послѣдней наряжала въ свои цвѣта и краски, производя тѣ чудачества, странности, часто безобразія, которыми нерѣдко бываетъ обильна жизнь артистовъ вездѣ... „Слѣдилъ, говорю я — надо бы сказать: смотрѣлъ и писалъ,

даже не думая, что вбираю въ себя впечатлительнымъ воображеніемъ лица и явленія, окрасившіяся въ краскахъ момента и такими выдаю ихъ назадъ, т.-е. кладу на бумагу. Въ этомъ весь процессъ. Я самъ не могу смотрѣть на свои романы иначе, какъ въ ихъ послѣдовательной связи. Я жилъ въ трехъ эпохахъ, въ доступномъ для меня быту, насколько у меня хватало силъ и таланта".

Въ этихъ замѣткахъ Гончарова, писанныхъ въ тонѣ непритязательной бесѣды, высказана цѣлая теорія творчества. Я уже упомянулъ о томъ, какъ можно формулировать эти взгляды. Творчество по мнѣнію Гончарова, начинается въ безсознательномъ *видѣніи* и кончается сознательнымъ умственнымъ процессомъ, выводящимъ неизбѣжныя логическія заключенія изъ *видѣнія*. Гончаровъ можетъ быть, нѣсколько преувеличиваетъ процессъ безсознательности, но сознательности онъ удѣляетъ, — и довольно значительное мѣсто. Это видно особенно ясно изъ заключительныхъ словъ его бесѣды: „Я писалъ, говоритъ онъ, только то, что переживалъ, что *мыслилъ*, чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ — словомъ, писалъ и свою жизнь и то, что къ ней приростало". Эту теорію творчества (единственно на мой взглядъ вѣрную) можно передать и иными словами: художникъ (поэтъ, живописецъ, скульпторъ, музыкантъ) исходитъ въ своемъ творчествѣ, изъ чувственнаго созерцанія предмета или чувства; потребность охватить его цѣликомъ, — выразить доступными ему средствами, не привнося къ этому выраженію ничего посторонняго т.-е. никакого толкованія, — заставляетъ его проникать въ самую сущность предмета или чувства. И когда это сдѣлано, начинается логическій процессъ перестройки, т.-е. выводъ изъ этой сущности тѣхъ послѣдствій, которыя логически навязываются уму. Таковъ обыкновенно логическій процессъ всякаго творческаго созданія. Но это, въ сущности, только идеальная теорія, которая въ дѣйствительности подвергается самымъ разнообразнымъ видоизмѣненіямъ. Есть натуры, живущія, по преимуществу чувствомъ: у нихъ безсознательный процессъ переработки внѣшняго міра преобладаетъ; поэтому, ихъ произведенія не имѣютъ значительнаго философскаго значенія; они, въ обаятельныхъ художественныхъ формахъ, иногда съ большой глубиной, — изображаютъ свой внутренній міръ или фактическую внѣшность природы, но

дальше этого они не идутъ. Есть другія натуры, по преимуществу разсудочныя: тѣ къ объекту своего творчества относятся аналитически; онѣ описываютъ и въ описаніи приводятъ свои взгляды, предположенія, желанія, — они тенденціозны. Обѣ эти категоріи — съ преобладаніемъ чувства, впечатлительности, или съ преобладаніемъ разсудочности анализа — образуютъ, по преимуществу, второстепенныхъ поэтовъ и художниковъ. Но чѣмъ полнѣе гармонія между этими двумя элеменнами, тѣмъ уравновѣшеннѣе и слитнѣе являются они въ натурѣ — тѣмъ выше и глубже поэтъ и художникъ. Гончаровъ принадлежитъ къ этой послѣдней категоріи, но и у него элементъ анализа все таки, до извѣстной степени, преобладаетъ. Уже то, что мы признали, какъ особенную черту его таланта: точность и полноту — даже до мелочности — въ его описаніяхъ фактической формы предмета — указываетъ на аналитическій характеръ его ума; я бы сказалъ, что его умъ гораздо дѣятельнѣе чувства, — и эта особенность кладетъ характерную печать на его талантъ. Печать эта — его символизмъ. Анализируйте внимательно то впечатлѣніе, которое вы получаете отъ чтенія Гончарова, и вы, я думаю, придете къ убѣжденію, что въ немъ нѣтъ той художественной ясности и отчасти непосредственности, которая, напримѣръ, заключается въ Тургеневѣ. Художественная наблюдательность Гончарова необычайно велика и интенсивна, въ особенности во второстепенныхъ эпизодическихъ и вводныхъ фигурахъ: тутъ онъ не только художникъ, наблюдатель, но и великій мастеръ-живописецъ, располагающій краски съ поразительнымъ совершенствомъ рисующій съ безжалостной правдой Рембрандта или Веласкена. Если бы только эти особенности заключались въ Гончаровѣ, то мы имѣли бы реалиста самой чистой школы, — нѣчто въ родѣ Писемскаго, болѣе вѣрнаго дѣйствительности, чѣмъ сама фотографія — потому что его картины были бы ярче и рельефнѣе фотографическихъ снимковъ, при той же вѣрности. Но въ Гончаровѣ заключается и другая черта, которая, въ большинствѣ случаевъ, преобладаетъ и составляетъ какъ бы общій фонъ всѣхъ его произведеній. Черта эта — философскій синтезъ явленій жизни, который въ искусствѣ очень часто переходитъ или перерождается въ аллегоричность, въ своего рода символизмъ. Черта эта сразу выдвинулась впередъ и

уже вполнѣ ясно господствуетъ въ „Обыкновенной исторіи", доходя до полнаго своего развитія въ „Обломовѣ" Гончаровъ не только воспроизводитъ жизнь, но и философствуетъ по поводу ея, хотя первоначальнымъ исходнымъ пунктомъ у него всегда является непосредственное наблюденіе. Вотъ, напримѣръ, самъ Гончаровъ, объясняетъ намъ возникновеніе „Обыкновенной исторіи": „Когда я писалъ „Обыкновенную исторію", я, конечно, имѣлъ въ виду и себя и многихъ, подобныхъ себѣ, учившихся дома или университетѣ, жившихъ по затишьямъ, подъ крыломъ добрыхъ матерей, и потомъ отрывавшихся отъ нѣги, домашняго очага, со слезами, съ проводами (какъ въ первыхъ главахъ „Обыкновенной исторіи") и являвшихся въ главную арену, въ Петербургъ и здѣсь, при встрѣчѣ мягкаго, избалованнаго лѣнью и барствомъ, мечтателя-племянника съ практическимъ дядей — выразился намекъ на мотивъ, который едва только началъ разыгрываться въ самомъ бойкомъ центрѣ — въ Петербургѣ. Мотивъ этотъ — слабое мерцаніе сознанія необходимости труда, настоящаго, нерутиннаго, живого дѣла, въ борьбѣ со всероссійскимъ застоемъ. Это отразилось въ моемъ маленькомъ зеркалѣ, въ среднемъ чиновничьемъ кругу. Безъ сомнѣнія, тоже, въ такомъ же духѣ, тонѣ и характерѣ, только другихъ размѣровъ разыгрывалось и въ другихъ, и въ высшихъ и низшихъ сферахъ русской жизни. Представитель этого мотива въ обществѣ былъ дядя: онъ достигъ значительнаго положенія въ службѣ: онъ директоръ, тайный совѣтникъ и, кромѣ того, онъ сдѣлался и заводчикомъ. Тогда отъ 20-хъ до 40-хъ годовъ — это была смѣлая новизна, чуть не униженіе (я не говорю о заводчикахъ-барахъ, у которыхъ заводы и фабрики входили въ число родовыхъ имѣній, были оброчныя статьи, и которыми они сами занимались). Тайные совѣтники мало рѣшались на это. Чинъ не позволялъ, а званіе купца не было лестно. Въ борьбѣ дяди съ племянникомъ отразилась и тогдашняя, только что начинавшаяся ломка старыхъ понятій и нравовъ — сентиментальности, каррикатурнаго преувеличенія чувствъ дружбы и любви, поэзія праздности, семейная и домашняя жизнь напускныхъ, въ сущности небывалыхъ чувствъ (напримѣръ, любовь съ желтыми цвѣтами старой дѣвы-тетки и т. д.), пустая трата времени на визиты, на ненужное гостепріимство и т. п.

Словомъ, вся праздная мечтательная и афектаціонная сторона старыхъ нравовъ съ обычными порывами юности — къ высокому, великому, изящному, къ эффектамъ, съ жаждой высказать это въ трескучей прозѣ, всего болѣе въ стихахъ. Все это отживало, уходило: являлись слабые проблески новой зари, чего-то трезваго, дѣлового, нужнаго. Первое т.-е. старое исчерпалось въ фигурѣ племянника, и оттого онъ вышелъ рельефнѣе, яснѣе. Второе, т.-е. трезвое сознаніе необходимости дѣла, труда, знанія, — выразилось въ дядѣ; но это сознаніе только нарождалось, показывались первые симптомы, далеко было до полнаго развитія, — и понятно, что начало могло выразиться слабо, неполно, только кое гдѣ въ отдѣльныхъ лицахъ и маленькихъ группахъ, и фигура дяди вышла блѣднѣе фигуры племянника". Это личное сознаніе Гончарова подтверждается и фактически самимъ произведеніемъ. Несомнѣнно, что въ основѣ „Обыкновенной исторіи" лежитъ живое наблюденіе; но посмотрите, что художникъ сдѣлалъ съ этимъ первичнымъ наблюденіемъ, сознательно или безсознательно, но во всякомъ случаѣ подчиняясь своему складу ума. Вы думаете, что художникъ дастъ вамъ широкую картину, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отразится дѣйствительность, съ ея противорѣчіями, уклонами, съ ея безконечнымъ разнообразіемъ, не допускающей никакой опредѣленной формулы и никакого опредѣленнаго вывода? Такъ было бы подъ перомъ непосредственнаго художника: широкая картина появилась бы, можетъ быть, колоритно и ярко, но безъ внутренняго содержанія. Но не такъ вышло у Гончарова. Картина у него есть, яркая, прекрасная, — но главное не въ ней — не очертанія, не гармонія красокъ, а опредѣленная логическая формула, опредѣленный и сознательный выводъ. Его племянникъ, герой романа, изъ живого человѣка превратился въ олицетвореніе всероссійской сентиментальности, какой-то нервной расплывчатости, неумѣнья приноровиться къ дѣйствительности. Дядя, напротивъ того, — олицетвореніе всероссійскаго практическаго благоразумія, отлично устраивающаго свои дѣла, но зато ровно ничего не понимающаго въ дѣлѣ чувства. Однимъ словомъ, племянникъ идеалистъ, дядя — практикъ; племянникъ пишетъ стихи, вѣчно влюбляется и сентиментально вздыхаетъ; дядя дѣлаетъ карьеру по службѣ; управляетъ заводомъ, наживаетъ состояніе. Все

это, конечно, существуетъ и въ жизни: и въ тридцатыхъ годахъ и въ наше время встрѣчались и встрѣчаются такіе люди и племянники, съ таковыми родовыми чертами, но они никогда не являются въ такихъ рѣзкихъ законченныхъ, цѣльныхъ формахъ. И вотъ почему кажется, что какъ племянникъ, такъ и дядя не списаны съ натуры, какъ это мы видимъ, по большей части, въ герояхъ Бальзака, Золя, Тургенева, Писемскаго: — они — только дидактическія фигуры, въ которыя Гончаровъ вноситъ свое собственное содержаніе, свой собственный взглядъ. Но они не типы, потому что типъ есть форма собирательная, выражающая собою отвлеченную сущность извѣстнаго явленія, безъ всякихъ постороннихъ соображеній, а у Гончарова постороннія соображенія не только видны, но и преобладаютъ. Къ этимъ постороннимъ соображеніямъ принадлежитъ, напримѣръ, постоянное желаніе морализировать на заданную тему, постоянно уходить отъ жизни и погружаться въ этику. Отсюда и тотъ пріемъ, который такъ часто замѣчается у Гончарова. Весь романъ почти сплошь состоитъ изъ разговоровъ между племянникомъ — романтикомъ и дядей — практическимъ докой. Дѣйствительность вѣчно непріятно поражаетъ племянника, онъ вѣчно недоволенъ, вѣчно разочарованъ, онъ вѣчно встрѣчаетъ препятствія и вѣчно видитъ не то, о чемъ мечталъ. Встрѣчаетъ ли онъ дѣвушку, которая ему нравится, въ которую онъ влюбляется, онъ ее идеализируетъ, ставитъ на пьедесталъ; потомъ ему измѣняютъ; онъ разочаровывается и проклинаетъ всѣхъ дѣвицъ. Съ своими сомнѣніями и разочарованіями онъ является къ дядѣ, который, какъ истинно практическій человѣкъ, научаетъ его благоразумію, показываетъ несостоятельность его мечтаній и издѣвается надъ его чувствительностью. И въ этихъ разговорахъ заключается вся „Обыкновенная исторія", которую Гончарову слѣдовало бы назвать „необыкновенной", потому что въ обыкновенной жизни ничего подобнаго не бываетъ въ такой опредѣленной, прямолинейной формѣ. Огромная, конечно, сила таланта потребовалась для того, чтобы этотъ сухой догматизмъ, чтобы эта практическая форма, чтобы это подведеніе жизни подъ опредѣленныя рамки все-таки не мѣшали прочитать романъ и увидѣть въ немъ красоты, дѣйствительно блестящія.

До какой степени этотъ обобщающій пріемъ преобладаетъ въ творчествѣ Гончарова, видно, между прочимъ, изъ другого мѣста той же статьи „Лучше поздно, чѣмъ никогда“, гдѣ онъ говоритъ о лучшемъ изъ своихъ типовъ, о бабушкѣ въ „Обрывѣ“. „Я писалъ со старой русской хорошей женщины, или съ русскихъ старыхъ женщинъ стараго добраго времени, — коллективно, не думая ни о какой параллели, но, должно быть она инстинктивно гнѣздилась въ моей головѣ, и когда я уже закончилъ фигуру, оглядѣлъ ее — у меня въ концѣ книги вырвались слова, которыми я окончилъ романъ. Вотъ они: „За нимъ (Райскимъ, когда онъ былъ въ Италіи) все стояли и горячо звали къ себѣ три фигуры: его Вѣра, его Мареенька и бабушка, а за ними стояла и сильнѣе ихъ влекла къ себѣ еще другая исполинская фигура, другая великая бабушка — Россія“. Вотъ что отразилось или, если я слабый художникъ и не одолѣлъ образа, то, по крайней мѣрѣ, вотъ что просилось отразиться въ моей старухѣ, какъ отражается солнце въ каплѣ воды: старая, консервативная русская жизнь“.

Слова эти, по моему мнѣнію, чрезвычайно характерны, потому что они точно и вѣрно отражаютъ самую сущность гончаровскаго творчества. Въ бабушкѣ онъ стремился изобразить старую консервативную русскую жизнь; бабушка для Гончарова не только живая индивидуальность и даже не столько сборный типъ, вмѣщающій въ себѣ многія индивидуальности, какъ образуетъ ихъ среда, привычки, воспитаніе, — сколько олицетвореніе или, вѣрнѣе, символъ консервативной русской жизни. Въ этомъ разгадка художественнаго процесса Гончарова: не о типѣ, не о личности заботился онъ, а о символизаціи обобщающихъ понятіи. Другіе поэты-художники въ огромномъ большинствѣ (почти всѣ, и во главѣ ихъ, конечно, Шекспиръ) допускаютъ лишь одно художественное обобщеніе — типъ. Таковъ, напримѣръ, Тургеневъ; его Рудинъ, Лаврецкій, Базаровъ — только типы; въ нихъ нѣтъ никакой символизаціи; переберите мысленно всѣ фигуры романовъ Тургенева: это просто характеры, индивидуальности, имѣющія только психологическій интересъ, или же, въ крайнемъ случаѣ — типы, т. е. сборныя фигуры, объединяющія многія индивидуальности. Есть даже великіе поэты-художники, которые считаютъ слишкомъ боль-

шимъ обобщеніемъ, несовмѣстнымъ съ истиннымъ искусствомъ, даже типъ. Къ такимъ художникамъ принадлежитъ, напримѣръ Гете: гдѣ вы найдете у него хоть намекъ на типъ. Таковъ, съ другой стороны, Байронъ: у него нѣтъ, такъ же, какъ у Гете, типа. Гончаровъ стоитъ отъ нихъ въ другомъ полюсѣ: тѣ знаютъ только индивидуальность; онъ же знаетъ *почти только* отвлеченныя понятія, олицетворяемыя въ создаваемыхъ имъ фигурахъ. Байронъ и Гете — я бы рискнулъ сказать, — на точкѣ зрѣнія Аристотеля, знающаго только видъ и незнающаго рода; они, по средневѣковой терминологіи, реалисты; Тургеневъ, отчасти Толстой, Достоевскій, Диккенсъ, Теккерей — платонисты или, схоластически говоря — номиналисты. Гончаровъ, подобно Данте, идетъ еще дальше: онъ, если можно такъ сказать, трансцендентальнѣе; для него даже платоническихъ идей-типовъ мало; онъ восходитъ отъ нихъ къ еще болѣе общимъ, отвлеченнымъ понятіямъ, долженствующимъ представлять уже не роды, а, такъ сказать, міровыя единства. Я сейчасъ поставилъ Гончарова рядомъ съ Данте; и въ самомъ дѣлѣ, у нихъ много общаго, если разумѣется, забыть о томъ, что русскій романистъ принадлежитъ къ XIX столѣтію, а великій гоббелинъ къ XIV-му, что одинъ не только поэтъ, но и вѣрующій католикъ и страстный политическій дѣятель, между тѣмъ какъ вторый воспиталъ въ себѣ, благодаря условіямъ времени и обстоятельствъ, нѣкоторый индеферентизмъ въ дѣлѣ религіи и нѣкоторый свѣтскій скептецизмъ въ философіи. Но, помимо этого, они — родственныя натуры и аллегористы: Беатриче для Данта не есть женщина, которую онъ когда-то любилъ и въ молодости потерялъ, это олицетвореніе богословія или философіи, — совершенно въ такомъ смыслѣ, какъ бабушка для Гончарова есть олицетвореніе старой русской консервативной жизни. — Какъ, можетъ быть, скажетъ читатель, удивленный этими словами, противорѣчащими всему тому, что онъ до сихъ поръ слыхалъ о Гончаровѣ, — у Гончарова нѣтъ типовъ? А Обломовъ, Волоховъ, Захаръ, Тушинъ? Дѣйствительно, всѣ эти прекрасно изваянныя фигуры, на первый взглядъ, кажутся типами, но стóитъ только взвѣсить роль каждаго изъ нихъ, чтобы увидать, что они больше, чѣмъ типы, что они обобщающія понятія, а не психологическіе моменты. Такъ, впрочемъ, понималъ ихъ и самъ Гон-

чаровъ, который во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, точно и ясно высказалъ въ своей статьѣ: „Лучше поздно, чѣмъ никогда“. Ссылаясь на Добролюбова, онъ говоритъ объ Обломовѣ: „Воплощеніе сна, застоя, неподвижной мертвой жизни, — переползаніе изо дня въ день, въ одномъ лицѣ и въ его обстановкѣ — было всѣми найдено вѣрнымъ“. Нѣсколько дальше онъ прибавляетъ: „Обломовъ былъ цѣльнымъ, ничѣмъ не разбавленнымъ выраженіемъ массы, покоившейся въ долгомъ и непробудномъ снѣ и застоѣ“. Значитъ, Обломовъ не типъ, не фигура, въ которой какъ въ фокусѣ, отражаются многія русскія индивидуальности, а представленіе, символизація опредѣленной эпохи въ русской общественной жизни. По отношенію къ Волохову и въ критикѣ и въ обществѣ, когда появился „Обрывъ“ возникли недоразумѣнія. Волохова сочли представителемъ молодого поколѣнія шестидесятыхъ годовъ, нѣчто въ родѣ тургеневскаго Базарова, только грубо и рѣзко изображеннаго. Отвѣчая на этотъ упрекъ, Гончаровъ характеризуетъ молодое поколѣніе и затѣмъ говоритъ: „Нѣтъ, это не Волоховъ, а представители новой „правды“, воцарившейся съ освобожденіемъ крестьянъ и съ другими великими реформами, внесшими новую жизнь въ русское общество. Но въ жизни, рядомъ съ правдой, къ несчастію, гнѣздится и ложь: и представителемъ этой „новой лжи“ являются Волоховы“. Опять таки значитъ, не типъ. Правда, характеризуя Волохова въ своей статьѣ, Гончаровъ нѣсколько разъ употребляетъ слово типъ, но это слово онъ употребляетъ, не придавая ему строгаго истиннаго значенія, а просто въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно обыкновенно употребляется — расплывчатомъ, неясномъ, даже двусмысленномъ. Истиннымъ представителемъ молодого поколѣнія для Гончарова является Тушинъ въ томъ же „Обрывѣ“. По поводу Тушина Гончаровъ обмолвился очень характернымъ выраженіемъ: „Этого Тушина, говорю я, позвала бабушка на помощь, — и онъ сослужилъ ей службу, какъ и всѣ честные, здоровые члены новыхъ поколѣній, всѣ Тушины сослужатъ службу Россіи, разработавъ, довершивъ и упрочивъ ея преобразованіе и обновленіе“. Переведите эту фразу на болѣе простой языкъ, помня, что для Гончарова Тушинъ — представитель молодого поколѣнія — а бабушка консервативная Россія, и вы получите фразу: консервативная Россія призвала на помощь мо-

лодое поколѣніе, чтобы довершить ея преобразованіе и обновленіе. Неужели и это не аллегорія, не символизація?

Но пойдемъ дальше въ этомъ анализѣ творчества Гончарова. Въ „Обыкновенной исторіи“ Гончаровъ изображалъ первичный фазисъ русской культурной жизни, фазисъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, слабое мерцаніе сознанія въ необходимости труда, живого дѣла. Въ „Обломовѣ“ Гончаровъ характеризуетъ второй фазисъ русской жизни — „переползаніе изо дня въ день, обломощину“. Третій фазисъ — это уже пробужденіе отъ обломовскаго сна въ „Обрывѣ“, пробужденіе отъ слабаго сознанія необходимости труда и отъ обломовскаго прозябанія до сознанія практической общественной дѣятельности. Такимъ образомъ, по взгляду Гончарова, вся русская жизнь XIX столѣтія укладывается въ три романа, логически развиваясь, какъ философская тема, напоминая собою тріаду Гегеля. Параллельно съ этимъ, такую же роль играютъ и женскія фигуры. Въ „Обыкновенной исторіи“ Наденька не есть какой-нибудь портретъ или типъ, а просто „хорошая русская дѣвушка“ извѣстнаго круга той эпохи, извѣстный моментъ въ развитіи русской женщины. Затѣмъ, въ „Обломовѣ“ Ольга, по словамъ самого Гончарова, есть та же самая дѣвушка, но только слѣдующей эпохи и, слѣдовательно, измѣнившаяся, сообразно съ новыми условіями жизни. Наденька — покорная дочь, но уже имѣетъ преимущество предъ матерью: она безъ спросу полюбила Адуева и считаетъ себя вправѣ распоряжаться своимъ внутреннимъ міромъ. Но Наденька увидала графа, сравненіе было не въ пользу Адуева, и она перешла на сторону графа. „Въ этомъ пока и состоялъ сознательный шагъ русской дѣвушки — безмолвная эмансипація, протестъ противъ безпощаднаго для нея авторитета матери“, прибавляетъ Гончаровъ. Но отъ *невѣдѣнія* Наденьки — естественный переходъ къ сознательному замужеству Ольги со Штольцемъ, представителемъ труда, знанія, силы (въ „Обломовѣ“). „Но въ этой же фигурѣ Ольги уже кроется зародышъ дальнѣйшаго развитія, какъ только условія жизни будутъ благопріятны. И вотъ Гончаровъ принимается за третій фазисъ русской жизни. Онъ пишетъ Вѣру (въ „Обрывѣ“). Это все таже Ольга, только шестидесятыхъ годовъ это — лучшая изъ женщинъ, которая самостоятельно и гордо, не

прибѣгая къ „старой мудрости“ бабушки и неподготовленная тою же бабушкой, по невѣдѣнію, а также по гордости сама пошла на свѣтъ и чуть не сгорѣла. „Пала не Вѣра, не личность, пала русская дѣвушка, русская женщина, жертвой въ борьбѣ старой жизни съ новой: она не хотѣла жить слѣпо, по указкѣ старшихъ. Она сама знала, что отжило въ старой жизни, и давно тосковала, искала свѣжей осмысленной жизни; хотѣла сознательно пойти и принять новую правду, удержавъ все прочее, коренное, лучше въ старой жизни. Но она „не знала“, гдѣ и какъ искать. Бабушка берегла ее отъ болѣзней, отъ явныхъ и извѣстныхъ ей золъ и бѣдъ и не приготовила ни къ какимъ, невѣдомымъ ей самой, бѣдамъ“. Тутъ мы, значитъ, опять встрѣчаемся съ гегелевской тріадой.

Любопытно то, что символизація идетъ дальше. Гончаровъ не только изображалъ намъ русскую жизнь въ ея логически-историческомъ развитіи, олицетворяя въ своихъ фигурахъ существенные моменты этого развитія, — онъ продолжалъ и дальше эту символизацію, придавая ей характеръ симметріи, которая уже окончательно устраняетъ всякое сомнѣніе относительно этой способности въ творчествѣ Гончарова. И, въ самомъ дѣлѣ, у Гончарова вездѣ мы встрѣчаемъ параллельныя фигуры. Въ „Обыкновенной исторіи“ племянникъ противополагается дядѣ, Обломову противополагается Штольцъ, Волохову — Тушинъ, Вѣрѣ — Мареенька и такъ дальше. И надо всѣмъ этимъ высится величественная фигура бабушки — Россіи. Какъ бы мы не относились къ характеру творчества Гончарова, нельзя во всякомъ случаѣ не удивляться чрезвычайной, почти небывалой мощи и силѣ этого синтеза, позволившаго Гончарову соединить въ одно все разнообразіе явленія, всѣ видимыя и неизбѣжныя противорѣчія общества, находящагося въ процессѣ развитія, — соединить, говоримъ мы, все это въ одно великое цѣлое, дающее, какъ бы въ отвлеченной формѣ, разумѣніе самой сущности этого процесса...

Какъ бы ни казалось страннымъ (я сознаю это) сравненіе художественнаго созданія Гончарова съ „Божественной комедіей“ — это сравненіе невольно приходитъ на умъ, если мы будемъ смотрѣть на оба созданія съ извѣстной точки зрѣнія. И, въ самомъ дѣлѣ, поэма Данте есть величайшій эпосъ среднихъ вѣковъ; въ немъ Данте резюмировалъ не только общественную и государственную жизнь, но фило-

софію, религію, науку своего времени. Гончаровъ охватилъ русское XIX столѣтіе не съ такимъ широкимъ размахомъ и не съ такой геніальной глубиной, но въ обѣихъ задачахъ есть несомнѣнно, нѣчто родственное: желаніе и умѣніе свести къ одному окончательному синтезу всю историческую, государственную и общественную жизнь опредѣленной эпохи. Эта родственность обѣихъ великихъ художественныхъ талантовъ тѣмъ болѣе навязывается уму, что не только задачи ихъ были подобны, но въ пріемѣ выполненія мы видимъ нѣчто общее... Будучи оба символистами, они оба въ тоже время обладали всѣми свойствами великихъ художниковъ-портретистовъ: фигуры Данте, точно бронзовыя статуи, до такой степени врѣзываются въ память, что ихъ невозможно забыть; это великій знатокъ души человѣческой и великій изобразитель людей. Но развѣ не подобное же впечатлѣніе оставляетъ и Гончаровъ, разумѣется, toute proportion gardée? И гончаровскія фигуры стоятъ предъ нами, какъ бронзовыя статуи, въ которыхъ, несмотря на подвижность, кипитъ жизнь, совершаются душевныя процессы.

Но въ гончаровскомъ творчествѣ все-таки поразительнѣе всего символизмъ. Благодаря этому символизму индивидуальныя черты его фигуръ мало по-малу сглаживаются, теряютъ свои очертанія, и, вмѣсто живой картины, является какое-то туманное, выдвинувшееся впередъ, аллегорическое изображеніе философскихъ взглядовъ автора на смыслъ русской жизни, на характеръ ея логики; и эту логику, этотъ смыслъ онъ усматриваетъ въ одной и той же фигурѣ, которая, различно освѣщаемая жизнію, принимаетъ различныя формы. Такая символизація очень часто употреблялась въ поэзіи и создавала величайшія произведенія искусства (не говоря о „Божественной комедіи", можно указать на гётевскаго „Фауста", на байроновскаго „Манфреда", на нѣкоторыя части „Dziadów" Мицкевича), — но употреблялась она тѣмъ неменѣе преимущественно въ пластическихъ искусствахъ. Въ простѣйшей и самой незатѣйливой формѣ, — это, такъ называемая, аллегорія. И теперь еще встрѣчается скульпторы (и я думаю, они никогда не переведутся), которые въ образахъ фантастическихъ идеальныхъ женщинъ представляютъ правду, красоту и прочія отвлеченныя понятія. Всѣ эти прекрасныя дамы, — и правда и красота, какъ двѣ

капли воды, похожи другъ на друга; отличаютъ ихъ только внѣшніе аттрибуты ихъ сущности — въ большей части — наслѣдіе и греческой и римской миөологіи. То же самое встрѣчается въ живописи. Правда, пріемъ Гончарова гораздо сложнѣе, гораздо художественнѣе и гораздо умнѣе, но въ сущности это тотъ же самый пріемъ символизаціи и аллегоріи. Аллегорія эта у Гончарова касается не отвлеченныхъ понятій, а живыхъ явленій, но эти явленія изображаются имъ аллегорично.

И вотъ почему, на мой взглядъ, Гончаровъ занимаетъ совершенно особенное мѣсто въ ряду не только русскихъ, но западно-европейскихъ беллетристовъ. Пріемъ его, я думаю, можетъ и долженъ быть порицаемъ, какъ пріемъ, противорѣчащіи коренной сущности искусства, идущій въ разрѣзъ съ направленіемъ нашего времени. Но когда онъ встрѣчается въ соединеніи съ такой силой и интенсивностію отвлеченной мысли, съ такимъ высокимъ высоко-художественнымъ анализомъ подробностей, съ такимъ рѣдкимъ талантомъ тонкой и проницательной наблюдательности, съ такимъ чарующимъ чувствомъ пластической красоты, съ такой чистотой стиля, съ такимъ благородствомъ воззрѣній и, въ то же время, съ такой твердостію пониманія, то этотъ пріемъ, — можетъ быть, и изолированное явленіе въ поэзіи, но явленіе, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно замѣчательное и остающееся въ вѣчныя времена украшеніемъ исторіи всемірной литературы. Гончаровъ догматизируетъ и марализируетъ, но въ то же время и отражаетъ жизнь глубокимъ проникновеніемъ въ ея тайны, глубокимъ пониманіемъ ея смысла. Пусть его произведенія не подходятъ подъ ту или другую категорію установившихся формъ искусства — они все-таки имѣютъ огромное значеніе и огромную цѣну. Въ сущности, категорій и клѣтокъ нѣтъ, ихъ не должно быть въ искусствѣ, какъ нѣтъ ихъ въ жизни, и мы, конечно, не впадемъ въ ошибку Гончарова: искусство мы не будемъ подводить подъ ту или другую теорію. Какое намъ дѣло до теоріи, когда жизнь передъ нами? искусство — проявленіе жизни, а жизнь не знаетъ ни теорій ни клѣтокъ. Лишь бы только жизнь проявилась въ искусствѣ ярко, рельефно, полно, во всѣхъ своихъ переливахъ, — намъ этого достаточно; а какія для этого средства употребляетъ художникъ, — это

дѣло второстепенное. Если эти средства находятся въ гармоніи съ самымъ характеромъ и вѣчными законами художественнаго творчества, — тѣмъ лучше.

Для искусства и поэзіи, въ широкомъ значеніи этого слова, Гончаровъ имѣетъ значеніе, по-преимуществу, какъ великій, хотя и своеобразный, портретистъ. И Гончаровъ, и Тургеневъ, и Достоевскій, и Толстой, — все это великіе портретисты. Каждый изъ нихъ создалъ цѣлую галлерею чудеснѣйшихъ потретовъ. Одинъ во вкусѣ Веласкена, другой — въ манерѣ Рафаэля, третій — въ стилѣ Рембрандта, четвертый — въ формахъ Гольдента. Но они велики и въ другомъ отношеніи: Толстой и Достоевскій — геніальные психологи: одинъ показываетъ намъ нормальную, здоровую душу человѣка, и притомъ русскаго человѣка; другой — болѣзненныя ея проявленія. Два другихъ, — Тургеневъ и Гончаровъ, великіе физіологи русскаго общества; они слѣдятъ за процессомъ общественной жизни и олицетворяютъ этотъ процессъ въ обаятельныхъ художественныхъ формахъ.

Но изъ всѣхъ четырехъ великихъ романистовъ земли русской, Гончаровъ — наименѣе популяренъ. Не разъ было замѣчаемо, что въ Европѣ, которая зачитывается произведеніями нашихъ романистовъ, Гончарова читается менѣе другихъ, — менѣе Толстого, Тургенева, Достоевскаго; даже не всѣ его произведенія переведены. Кромѣ того, можно прибавить, что просто-напросто мало читается и почти неизвѣстенъ за границей. Въ то время какъ переводы Толстого, Тургенева, Достоевскаго слѣдуютъ другъ за другомъ съ невѣроятной быстротой и выдерживаютъ по нѣскольку изданій, — Гончаровъ остается въ тѣни не оживляетъ собой книжнаго рынка. Но этого мало: Гончаровъ не только мало популяренъ за границей, онъ менѣе другихъ нашихъ романистовъ читается и въ самой России; его имя, правда чрезвычайно популярно у насъ, — нельзя считаться хотя сколько нибудь образованнымъ человѣкомъ, не зная хорошо произведеній Гончарова... Но онъ все-таки мало читается: его прочитаютъ, но къ нему рѣдко возвращаются; его не забываютъ, но въ большинствѣ случаевъ не ощущаютъ влеченія воскресить въ своей памяти новымъ чтеніемъ тѣхъ высокихъ эстетическихъ наслажденій, которыя мы когда-то ощущали, когда читали его въ первый разъ. Его очень уважаютъ, но менѣе любятъ

чѣмъ Тургенева, Толстого, Достоевскаго. Это обязательство очень любопытно и очень поучительно. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, не видѣть огромнаго, геніальнаго таланта Гончарова, вѣдь нельзя же не замѣчать его образцоваго, классическаго языка, чрезвычайной, почти волшебной силы въ изображеніи характеровъ, огромнаго художественнаго синтеза, которыми отличаются его произведенія, и благодаря которымъ онѣ такъ тѣсно связаны между собой, что составляютъ одно великое цѣлое. Въ чемъ заключается причина такого отношенія къ великому писателю? Мнѣ кажется, что моя настоящая статья можетъ служить, по крайней мѣрѣ, отчасти, отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Гончаровъ мало доступенъ массѣ публики, благодаря именно тѣмъ особенностямъ своего синтеза, которыя дѣлаютъ его великимъ писателемъ. Его подчасъ, слишкомъ явный догматизмъ, его обобщающіе взгляды, рѣдко скрываемые обаятельностью художественныхъ формъ; его символизмъ, ясно выступающій среди фантасмагоріи красокъ; его мысль, имѣющая характеръ чуть ли не научнаго изслѣдованія и постоянно напряженная: его строгая логика событій; преобладаніе трезваго сознанія надъ фантазіей, которая почти не встрѣчаетъ себѣ мѣста среди описываемой имъ обыденной жизни, — всѣ эти качества, сосредоточенныя въ такой громадный фокусъ, дѣлаютъ чтеніе произведеній Гончарова отчасти мало завлекательнымъ, отчасти даже прямо труднымъ для умовъ, воспитанныхъ на легкомъ французскомъ романѣ и не привыкшихъ вдумываться въ содержаніе и значеніе образовъ, воскрешаемыхъ художникомъ. Слѣдуетъ ли сожалѣть, что такова въ настоящее время судьба Гончарова? Я думаю, что нѣтъ. Каждый художникъ, если онъ великъ, выполняетъ свою функцію въ сферѣ, ему данной. Гончаровъ никогда не будетъ настольной книгой большинства: для этого онъ слишкомъ, если можно такъ выразиться, аристократиченъ. Въ рукахъ массы онъ былъ бы не понятъ, или понятъ превратно, наивно—просто; но онъ останется всегда однимъ изъ самыхъ великихъ и любимыхъ писателей того меньшинства, которое въ искусствѣ видитъ не одну лишь простую забаву не одну лишь пищу воображенія, а результатъ серіозной вдумчивости и благотворной мысли.

Чуйко.

Гончаровъ, его пріемственная связь съ Пушкинымъ: особенности его таланта сравнительно съ Гоголемъ, Тургеневымъ и Островскимъ.

Всего пять лѣтъ спустя послѣ появленія въ печати „Мертвыхъ душъ“, дебютировалъ въ литературѣ писатель, уже не новый, но до того времени никому неизвѣстный. Въ противоположность другимъ своимъ сверстникамъ и современникамъ, начинавшимъ литературную карьеру обыкновенно или стихами, или небольшими, какъ бы подготовительными этюдами, новый писатель сразу выступилъ съ большимъ по объему и крупнымъ по значенію романомъ — и сразу, безъ усилій и борьбы, занялъ не только выдающееся, но и вполнѣ оригинальное положеніе въ литературѣ. Въ то время, когда молодая Россія находилась подъ обаяніемъ первыхъ впечатлѣній, возбужденныхъ безсмертною эпопеею Гоголя — этимъ камнемъ, брошеннымъ могучей рукой художника въ стоячее болото русской жизни и всколыхнувшимъ его до самаго дна, — въ новомъ романѣ почувствовалась сила свѣжая и самобытная, замѣтно уклонявшаяся отъ гоголевскаго міросозерцанія, хотя и родственная Гоголю по пріемамъ художественнаго творчества. „Бѣлинскій, привѣтствуя „Обыкновенную исторію и разбирая ее наряду съ одновременно появившимся романомъ Герцена: „Кто виноватъ?“ замѣтилъ, что у Гончарова нѣтъ ничего, кромѣ таланта, и что онъ болѣе всѣхъ современныхъ писателей имѣетъ право называться поэтомъ-художникомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, уже въ первомъ романѣ Гончарова съ достаточной опредѣленностію обозначились тѣ особенныя свойства его таланта, которыя впослѣдствіи выступили во всей своей полнотѣ и яркости въ другихъ его произведеніяхъ широкій захватъ жизни, изображаемой съ эпически — спокойной объективностію, отсутствіе лиризма непосредственное, простое отношеніе къ быту и вмѣстѣ (употребляя его собственное выраженіе) „кровная любовь“ къ созданнымъ имъ типамъ, выражающаяся въ необыкновенно внимательной и подробной разработкѣ ихъ внѣшняго обличья и внутренняго душевнаго склада. Между тѣмъ какъ у Гоголя не только въ „Мертвыхъ душахъ“, переполненныхъ лириз-

момъ, но даже и въ комедіяхъ всегда и вездѣ сквозитъ страстное и субъективное отношеніе къ изображаемымъ лицамъ, обнаруживающееся въ комическомъ преувеличеніи той или другой стороны ихъ характера, — у Гончарова нѣтъ и слѣда увлеченія этой идеей; созерцая явленія окружающей его дѣйствительности, онъ не дѣлаетъ между ними намѣреннаго выбора, а просто беретъ жизнь, какъ она есть, „не мудрствуя лукаво“ и признавая за всѣми ея фактами одинаковое право на художественное воспроизведеніе“. Вамъ все равно“, говорилъ ему Бѣлинскій: „попадется мерзавецъ, дуракъ, уродъ, или порядочная, добрая натура, всѣхъ одинаково рисуете“. „А это хорошо, это и нужно, это — признакъ художника“, прибавилъ критикъ, поощряя писателя на дальнѣйшій путь въ томъ же направленіи.

Это непосредственное, простое и ласковое отношеніе къ русскому быту, отличающее Гончарова отъ Гоголя, дѣлаетъ его послѣдователемъ того художественнаго направленія, которое было намѣчено Пушкинымъ въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“. И дѣйствительно, Пушкина онъ считалъ своимъ единственнымъ великимъ образцомъ и учителемъ въ искусствѣ. Первыя сознательныя юношескія впечатлѣнія, глубоко запавшія въ его воспріимчивую душу, относятся къ лучшей порѣ расцвѣта пушкинскаго генія, когда онъ такъ обаятельно дѣйствовалъ на общество. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ самъ Гончаровъ: „Первымъ прямымъ учителемъ въ развитіи гуманитета, вообще въ нравственной сферѣ, былъ Карамзинъ, а въ дѣлѣ поэзіи мнѣ и моимъ сверстникамъ, 15—16-лѣтнимъ юношамъ приходилось питаться Державинымъ, Дмитріевымъ, даже Херасковымъ, котораго въ школѣ тоже выдавали за поэта. И вдругъ — Пушкинъ! Я узналъ его съ „Онѣгина“, который выходилъ тогда періодически, отдѣльными главами. Боже мой! Какой свѣтъ, какая волшебная даль открылась вдругъ, и какія правды — поэзіи и вообще жизни, притомъ современной, понятной, — хлынули изъ этого источника, и съ какимъ блескомъ, въ какихъ звукахъ! Какая школа изящества, вкуса для впечатлительной натуры! Лермонтовъ, Гоголь не были, собственно, моими учителями: я уже самъ созрѣвалъ тогда и пописывалъ. Бѣлинскій регулировалъ весь тогдашній хаосъ вкусовъ, эстетическихъ и другихъ понятій и проч. Тогда мой взглядъ на этихъ героевъ пера сталъ

опредѣленнѣе и строже. Явилась сознательная критика, — а чувство къ Пушкину оставалось то же. Это чувство къ Пушкину и преемственная съ нимъ связь по воззрѣніямъ и характеръ и пріемы художественнаго творчества проявляются во всей литературной дѣятельности Гончарова, придавая ей замѣчательную цѣльность и стройность. Ея главныя задачи въ общихъ чертахъ были уже опредѣлены почти въ самомъ началѣ ея: напечатавъ, вслѣдъ за „Обыкновенной исторіей“, небольшой юмористическій разсказъ: „Иванъ Саввичъ Поджабринъ“. (1848), — юношеское произведеніе, котораго нашъ писатель впослѣдствіи не включилъ въ собраніе своихъ сочиненій, Гончаровъ въ 1849 г. печатаетъ уже „Сонъ Обломова“ и наряду со вторымъ своимъ романомъ задумываетъ и третій, — „Обрывъ“. Осуществленіе этихъ плановъ шло медленно: „Обломовъ“ явился въ печати только 12 лѣтъ спустя послѣ „Обыкновенной исторіи“, „Обрывъ“ — черезъ десять лѣтъ послѣ „Обломова“, — въ эти десятилѣтія первоначальный замыселъ, конечно, во многомъ успѣлъ измѣниться; но во всякомъ случаѣ чрезвычайно характерно то едва ли не безпримѣрное въ исторіи литературы обстоятельство, что писатель, только что вступившій на литературное поприще, уже заранѣе знаетъ все (или почти все), что предстоитъ ему совершить на этомъ пути впродолженіе двухъ десятилѣтій.

Первая часть Обломова была уже готова въ 1849 году, но авторъ не торопится съ продолженіемъ, „радуясь своему запасу“. Кругосвѣтное путешествіе, предпринятое Гончаровымъ въ 1852—55 гг., еще болѣе отдалило окончаніе „Обломова“, но зато внесло въ литературную дѣятельность автора новый и непредвидѣнный эпизодъ, объемистую книгу „Фрегатъ Паллада“ (1858). Передавая день за днемъ свои наблюденія и впечатлѣнія въ новой и необычной для него средѣ и нечувствительно для читателя втягивая его во всѣ интересы и во всѣ мелочи этой среды и ея жизни, путешественникъ въ то же время ни на минуту не теряетъ изъ виду родной Обломовки, которая не только по-своему проводила его изъ Петербурга, но и пошла за нимъ на край свѣта на „Кораблѣ. Яркія картины меркантильнаго запада и таинственнаго востока не могутъ заслонить отъ глазъ художника впечатлѣній родного соннаго царства — и оно

живымъ встаетъ предъ нимъ и среди уличной суеты Лондона, и на песчаномъ скалистомъ берегу Африки, и подъ тропическимъ небомъ Цейлона. Сравненія подсказываются сами собою, и съ дѣтства знакомыя лица и бытъ все болѣе и болѣе проясняются и получаютъ вполнѣ опредѣленное значеніе. Иныя страницы „Фрегата Паллады" являются уже какъ бы преддверіемъ къ „Обломову": вспомните, напримѣръ, превосходное видѣніе родного угла вслѣдъ за изображеніемъ подвижной дѣятельности англичанина, живущаго „по машинѣ".

Только четыре года спустя, послѣ возвращенія Гончарова изъ кругосвѣтнаго плаванія, появился наконецъ, давно ожидаемый „Обломовъ". Долго вынашивалъ и лелѣялъ писатель свое любимое дѣтище, почти не бравши въ руки пера, и сразу, въ полтора мѣсяца, написалъ три послѣднія части романа, очевидно уже продуманнаго до мельчайшихъ подробностей. Впечатлѣніе, произведенное выходомъ въ свѣтъ Обломова, можно сравнить развѣ только съ тѣмъ, какое было вызвано въ свое время появленіемъ „Мертвыхъ душъ"; оно еще усилилось послѣ знаменитой статьи Добролюбова: „Что такое обломовщина, давшей мастерское истолкованіе и обобщеніе представленныхъ въ романѣ явленій русской жизни. Въ литературѣ было сказано новое, сильное слово; сдѣлался общимъ достояніемъ яркій типъ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, совмѣстились основные лучи русской жизни и русскаго характера. Обаятельно дѣйствовала на читателей и внѣшняя форма этого неподражаемаго романа, въ которомъ талантъ Гончарова достигъ своей высшей силы и полной зрѣлости: мастерство рѣчи, легкой и непринужденной, производящей иллюзію не книжнаго, а устнаго разсказа, художественная простота описаній, поэтическая правда творчества, „умѣнье схватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его", вѣрно оцѣненное Добролюбовымъ и давшее критикѣ поводъ назвать Гончарова скульпторомъ. Но статуи этого скульптора — не бездушный, холодный мраморъ: онѣ живутъ, онѣ движутся, согрѣтыя сердечною привязанностію художника къ русскому быту, пульсъ котораго бьется въ каждой изъ нихъ, даже и въ самой незначительной. Оставаясь спокойнымъ созерцателемъ и не давая никакихъ выводовъ и обобщеній, художникъ, однако, не поднимается на Олимпійскую высоту холоднаго безстрастія. „Въ искусствѣ", говоритъ

онъ отъ лица Обломова, должно быть пониманіе жизни и сочувствіе къ ней, должно быть то, что называется гуманитетомъ. *Никогда не должно забывать человѣка и человѣчности, и нельзя писать одной головой.* Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нѣтъ, она оплодотворяется любовію. Протяните руку падшему человѣку, чтобы поднять его, или горько плачьте надъ нимъ, если онъ гибнетъ, а не глумитесь. Любите его, помните въ немъ самого себя и обращайтесь съ нимъ, какъ съ самимъ собой, — тогда я стану васъ читать и склоню предъ вами голову"...

Тургеневъ сердился на своихъ критиковъ, когда они говорили, что онъ „идетъ отъ идеи" или „проводитъ идею", а между тѣмъ критики были не-совсѣмъ виноваты: слѣдя за движеніемъ современнаго общества и стараясь поймать налету и запечатлѣть въ художественномъ образѣ послѣднюю злобу дня, Тургеневъ, дѣйствительно, часто поддавался впечатлѣнію „идеи", которая подсказывала ему, если не самые типы, то выборъ ихъ и освѣщеніе. О Гончаровѣ можно сказать, наоборотъ, что онъ „идетъ отъ образа" — отъ типа — и приводитъ читателя къ идеѣ, хотя самъ не приходитъ къ ней. Онъ самъ характеризуетъ свое творчество, какъ *безсознательное.* „Рисуя", говоритъ онъ, „я рѣдко знаю въ ту минуту, что значитъ мой образъ, и портретъ, характеръ; я только вижу его живымъ передъ собою... У меня есть всегда одинъ образъ и вмѣстѣ главный мотивъ, онъ-то и ведетъ меня впередъ, и по дорогѣ я нечаянно захватываю, что попадется подъ руку... Лица не даютъ покоя, пристаютъ, позируютъ въ сценахъ, я слышу отрывки ихъ разговоровъ, — и мнѣ часто казалось, прости Господи, что я это не выдумываю, а что все это носится въ воздухѣ около меня, и мнѣ только надо смотрѣть и вдумываться... Я самъ и среда, въ которой я родился, воспитывался, жилъ, — все это помимо моего сознанія, само собою отразилось... у меня въ воображеніи, какъ въ зеркалѣ отражается пейзажъ изъ окна... Я смотрѣлъ и писалъ, даже не думая, что вбираю въ себя впечатлительнымъ воображеніемъ лица и явленія, окрасившіяся въ краски момента, и такими выдаю ихъ назадъ, т.-е., кладу на бумагу. Въ этомъ весь процессъ".

Не умѣя „итти отъ идеи", Гончаровъ въ противоположность Тургеневу, не старался итти за современностію. Онъ

былъ убѣжденъ, что творчество требуетъ *спокойнаго наблюденія уже установившихся и успокоившихся формъ жизни*, а новая жизнь слишкомъ нова; она трепещетъ въ процессѣ броженія, слагается сегодня, разлагается завтра и видоизмѣняется не по днямъ, а по часамъ. Нынѣшніе герои не похожи на завтрашнихъ и могутъ только отражаться въ зеркалѣ сатиры, а не въ большихъ эпическихъ произведеніяхъ". Оттого онъ и не останавливался на взволнованной поверхности общества, а входилъ въ глубь, туда, гдѣ спокойно и медленно совершается органическое наростаніе традиціоннаго быта, гдѣ стоятъ его устои, медленно поддающіяся измѣненіямъ. Онъ шелъ туда не затѣмъ, чтобы судить и карать этотъ бытъ или превозносить его, а просто затѣмъ, чтобы рисовать или „отчеканивать" его, какъ онъ есть, предоставляя другимъ дѣлать изъ этихъ образовъ выводы и строить на нихъ теоріи. Такое отношеніе автора „Обломова" къ русскому быту вызвало со стороны нѣкоторыхъ критиковъ упреки въ филистерствѣ"; отсутствіе опредѣленной тенденціи показалось „отсутствіемъ идеаловъ". Замѣчательно, что этими упреками въ особенности осыпалъ Гончарова Аполлонъ Григорьевъ — тотъ самый Аполлонъ Григорьевъ, который, захлебываясь отъ восторга, не находилъ словъ для похвалы Островскому за совершенно такое же міросозерцаніе, какое рѣзко осуждалъ въ Гончаровѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, присматриваясь ближе къ обоимъ писателямъ, нельзя не замѣтить между ними много общаго и въ воззрѣніи на жизнь и въ самыхъ пріемахъ творчества. Гончаровъ — поэтъ эпическій, Островскій драматургъ; но внѣшняя формы произведеній въ данномъ случаѣ имѣетъ мало значенія: сумѣлъ же Гоголь вложить почти одинаковую долю лиризма и въ „Ревизора" и въ „Мертвыя души", между тѣмъ какъ нѣкоторые критики и не безъ основанія — указывали на эпичность Островскаго. Дѣло въ томъ, что и Островскій и Гончаровъ — таланты, родственные по самой своей сущности: оба они, каждый въ своей излюбленной и до дна изученной средѣ, подходятъ къ русскому быту прямо и просто, не становясь на заранѣе теоретически опредѣленную точку зрѣнія, не дѣлая преднамѣреннаго выбора типовъ и явленій; оба они относятся къ этому быту широко, свободно и съ любовію одинаково изображая и свѣтлыя и

темныя его стороны; оба берутъ предметомъ наблюденія и возсозданія „установившіяся и успокоившіяся формы жизни", медленно подвигаясь впередъ по ея ровному теченію и почти не отзываясь на мимолетную накипь момента. Краски положенныя на картину соннаго царства Обломовки, — тѣ-же равныя и мягкія краски, какими нарисовано темное царство Замоскворѣчья. У обоихъ писателей — и у эпика и у драматурга, мы видимъ одинаковую простоту вымысла, отсутствіе выдумки", эффекта, сложной интриги, — и у обоихъ ярко выступаетъ тонкое и прочувствованное психологическое мастерство въ изображеніи выводимыхъ ими лицъ, раскрывающихъ предъ ними всю свою душу до послѣдняго уголка. Наконецъ, оба они являются великими художниками сердца въ изображеніи характеровъ положительной красоты. По свойству своего таланта и характера, болѣе живого, подвижного и нервнаго, и по особеннымъ условіямъ своей жизни, Островскій посвятилъ себя исключительно театру; но еслибъ онъ писалъ романы, то, по всей вѣроятности, подарилъ бы нашей литературѣ другого „Обломова", точно такъ же какъ и Гончаровъ, — еслибы писалъ для сцены, — далъ бы рядъ комедій, мало отличающихся отъ лучшихъ пьесъ Островскаго. Основы таланта того и другого писателя были однѣ и тѣ же, и только проявленія этого таланта были различны, обусловливаясь особенными свойствами личности каждаго изъ нихъ.

Напечатавъ „Обломова", Гончаровъ снова замолкъ на цѣлые десять лѣтъ и какъ будто ушелъ въ сторону отъ литературы, ничѣмъ ни напоминая даже о своемъ существованіи. Впродолженіе этого десятилѣтія онъ выполнилъ послѣднюю часть своей писательской программы, — закончилъ свой третій романъ „Обрывъ", задуманный, какъ мы видѣли, еще въ 1849 году. „Двадцать лѣтъ тянулось писаніе этого романа, говоритъ его авторъ, — иначе и быть не могло. Онъ писался, какъ тянулся періодъ самой жизни".

„Обрывъ" явился въ печати въ 1869 году. Еще десять спустя, подводя итоги своей литературной дѣятельности въ интересной и поучительной статьѣ: „Лучше поздно, чѣмъ никогда", Гончаровъ высказалъ, что не можетъ смотрѣть на свои три романа иначе, какъ въ ихъ послѣдовательной связи, и видитъ въ нихъ въ сущности *одинъ* романъ. По взгляду автора, „Обыкновенная исторія" служитъ какъ бы прологомъ

въ ней проявляется „слабое мерцаніе труда... въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоемъ"; въ „Обломовѣ" рисуется картина этого застоя или „сна"; наконецъ „Обрывъ" изображаетъ „пробужденіе". Герой этого послѣдняго романа, Райскій, — герой „переходной эпохи"; это — „проснувшійся Обломовъ: сильный, новый свѣтъ блеснулъ ему въ глаза; но онъ еще потягивается, озираясь вокругъ и оглядываясь на свою обломовскую колыбель". Авторъ сознается, что предъ нимъ „мелькалъ" и четвертый романъ, въ которомъ должно было отразиться новѣйшее время, — но слишкомъ неустановившаяся, слишкомъ измѣнчивая современность не могла уложиться въ обычную для него эпическую картину.

Впечатлѣніе, пробужденное „Обрывомъ" нельзя сравнить по силѣ съ тѣмъ, какое произвелъ „Обломовъ". Добролюбова давно уже не было на свѣтѣ, а другимъ нашимъ критикамъ было не подъ силу подмѣтить и разъяснить общественное значеніе романа, такъ что, въ концѣ концовъ, разъяснять его пришлось самому автору; съ другой стороны, не вполнѣ справился съ своей задачей и самъ Гончаровъ. Талантъ его не умалился и все еще сохранялъ прежнюю свою силу и свѣжесть, ярко проявившуюся въ отдѣльныхъ фигурахъ и эпизодахъ, но въ цѣломъ нарисованная имъ широкая картина показалась слишкомъ разбросанною и оттого блѣдною, а звучавшая въ ней дидактическая нотка шла, до извѣстной степени, въ разрѣзъ съ прежнею, чисто эпическою манерою писателя. Кромѣ того, романъ, написанный на рубежѣ двухъ эпохъ русской жизни, раздѣленныхъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, почти вовсе не затрогивалъ послѣдствій этой великой реформы; построенной на почвѣ не столько общественныхъ, сколько личныхъ интересовъ, онъ производилъ этимъ нѣсколько странное впечатлѣніе: старая Обломовка въ немъ уже затуманилась, а новая жизнь еще не прояснилась, и отраженіе той и другой въ зеркалѣ „безсознательнаго творчества" вышло поэтому тусклымъ. Впрочемъ, можетъ быть переходная эпоха и не могла дать иного отраженія, и художникъ не виноватъ въ томъ, что время стерло съ его палитры старыя яркія краски и не успѣло еще наложить новыхъ...

Этими тремя романами исчерпывается, собственно говоря, литературное значеніе Гончарова. Онъ продолжалъ еще время

отъ времени печатать небольшія беллетристическіе и критическіе очерки, а также отрывки изъ воспоминаній своей юности; но эти произведенія, хотя и очень живыя и интересныя сами по себѣ, ничего не прибавили къ его славѣ.

Славу Гончарова создали его три романа, и больше всего „Обломовъ", этотъ драгоцѣнный перлъ въ вѣнцѣ нашей національной поэзіи, добытый его непосредственнымъ, чуткимъ талантомъ со дна русской жизни. Могучая сила его таланта заключалась въ его простотѣ и искренности, въ его свободѣ и гуманности. „То, что не выросло и не созрѣло во мнѣ самомъ", говоритъ Гончаровъ, „что я не видѣлъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ, — то недоступно моему перу. У меня есть своя нива, свой грунтъ, свой родной воздухъ, друзья и недруги, — и я *писалъ только то, что переживалъ,* что мыслилъ, чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ, — словомъ, писалъ свою жизнь и то, что къ ней приростало".

Въ этихъ прощальныхъ словахъ великаго художника не только объясненіе всей его дѣятельности, но и высокій завѣтъ младшимъ поколѣніямъ писателей.

Грустное впечатлѣніе вызывается въ душѣ воспоминаніями объ эпохѣ высшей славы Гончарова, — эпохѣ появленія „Обломова". Въ ту пору, отдаленную отъ насъ четырьмя десятилѣтіями, во главѣ русской литературы стояли, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта: Гончаровъ, Тургеневъ, Толстой, Салтыковъ, Некрасовъ, Достоевскій... Какія имена! Теперь чуть не всѣ они красуются на могильныхъ крестахъ, — а среди живыхъ (кромѣ Толстого) нѣтъ ни одного имени, имъ равнаго. Будемъ вѣрить, что настанетъ время, когда новыя славныя имена ярче прежнихъ заблестятъ на нашемъ литературномъ горизонтѣ, когда мы будемъ не только оплакивать мертвыхъ, но и радостно привѣтствовать живыхъ. Но если и настанетъ такая желанная пора, то и тогда въ сіяніи новыхъ геніевъ не помрачится слава великихъ стариковъ, созданія которыхъ будетъ неизмѣнно дороги сердцу русскаго человѣка пока звучитъ на землѣ нашъ языкъ, — нашъ „великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ".

Морозовъ.

Народныя симпатіи Гончарова.

Поэтическое творчество не есть копированіе дѣйствительности; изображаемая поэтомъ реальная жизнь проходитъ прежде черезъ его душу живую и является передъ нами съ отраженіями его сочувствій и антипатій, озаренная свѣтомъ его совѣсти и идеала. Если мы будемъ искать въ романахъ Гончарова его сочувствій, задумываться надъ тѣмъ, кого онъ любитъ и къ кому не лежитъ его сердце, — то смыслъ, или идея его творчества объяснится для насъ.

Прежде всего несомнѣнно, что поэтъ всею душой любитъ своего Обломова, этотъ центральный, главный, самый, живой, безсмертный образъ своей поэзіи. Обломовъ — выраженіе коренныхъ основъ души русскаго человѣка, всѣхъ ея добрыхъ и дурныхъ сторонъ: нашей народной доброты, яснаго ума, душевнаго равновѣсія, смиренія и вмѣстѣ лѣни, апатіи, неподвижности, недостатка энергіи. Это — яркими красками нарисованный, тотъ стихійный образъ, который мелькнулъ у Тургенева въ его „черноземной силѣ", „представителѣ хорового начала" Уварѣ Ивановичѣ, и такъ ярко выразился въ дѣйствительной жизни въ лицѣ Ивана Андреевича Крылова. Творецъ Обломова, всею душой сочувствующій своему творенію, — народный поэтъ съ народнымъ взглядомъ на жизнь. Отсюда объясняется многое. Если Гончаровъ въ упрекъ Обломову ставитъ Штольца и смиренно говоритъ въ своихъ объясненіяхъ этого лица, что коли Штольцъ нѣмецъ, такъ что жъ дѣлать, нѣмцы и донынѣ часто являются нашими учителями. — то въ этомъ сказывается готовность русскаго человѣка признать свои недостатки и смиренно склониться передъ чужимъ достоинствомъ. Штольцу сочувствуетъ творецъ Обломова не какъ ловкому фабриканту и дѣльцу, наживающему деньги, а какъ человѣку *энергіи и движенія.* То же и въ исторіи съ Адуевыми, дядей и племянникомъ. Петръ Иванычъ Адуевъ симпатиченъ Гончарову не какъ представитель бюрократіи, не какъ черствый практикъ и дѣлецъ, а какъ человѣкъ *здраваго смысла,* который умѣетъ найти смѣшное во всемъ приподнятомъ, фальшивомъ и неискреннемъ.

Народныя симпатіи Гончарова съ особенною ясностью и опредѣленностью сказались въ „Обрывѣ“ (и можетъ-быть онъ именно поэтому самъ того не зная, и любилъ свой послѣдній романъ болѣе первыхъ, и совершенно несправедливо ставилъ его выше „Обломова“). „Обрывъ“ есть широкая картина русскаго деревенскаго помѣщичьяго быта, съ любовью написанная эпопея его: четыре части романа (изъ пяти) посвящены описанію тихой, бодрой, здоровой, близкой къ природѣ, простой и привольной русской народной жизни. Любимыми лицами поэта въ „Обрывѣ“ являются простые русскіе люди — бабушка и Марѳенька. Къ сожалѣнію, ихъ образы нѣсколько испорчены идеализацій: преувеличеніемъ простодушія Марѳеньки, сравненіемъ бабушки съ „древнею еврейкой, іерусалимскою госпожей“, отвѣтившею на пророчество „улыбкой горделиваго презрѣнія“, — сравненіемъ, такъ не идущимъ къ простой и доброй Татьянѣ Марковнѣ.

Смѣхъ надъ „любвями“ Райскаго, надъ его неосновательными увлеченіями, есть тотъ самый смѣхъ здороваго русскаго смысла, который мы слышали ранѣе изъ устъ Адуева-дяди. Но образъ Райскаго — образъ сложный: кромѣ своего мечтательнаго романтизма, Райскій еще художникъ и человѣкъ образованія и сознанія. Его сознательному взгляду на жизнь авторъ вполнѣ сочувствуетъ и, какъ человѣка образованія, ставитъ его даже, вопреки своему сердцу, но согласно съ пословицей „ученье свѣтъ — неученье тьма“, выше бабушки. Анализъ же художническихъ стремленій и чувствъ Райскаго имѣлъ для Гончарова субъективный интересъ.

Изобразитель народной русской жизни въ образованномъ классѣ общества, выразитель народныхъ чувствъ и стремленій, народный поэтъ, — этимъ опредѣляется и мѣсто почившаго высокаго художника среди его сверстниковъ, писателей завершающагося нынѣ великаго періода нашей литературы. Ближе всѣхъ онъ стоитъ къ Островскому, поэту бытовыхъ слоевъ русской жизни, отличаясь отъ него, главнымъ образомъ, меньшимъ спокойствіемъ творчества. *Незеленовъ.*
